

ДЕНАМАН

№2 2018

Павел Корнеев: Экспонат «Скромный и великий»
Илья Бессонов: «Самое прекрасное»
Евгений Бугаев: «Самое прекрасное»

16+

Корнелл Вулрич (1903–1968) — широко известный и очень популярный американский писатель в жанре детектива. Видный представитель так называемого «романа-напряжения» или «историй психологического напряжения». Писал также под псевдонимом Уильям Айриш.

Корнелл Вулрич

Одной ночи достаточно

Кое-как мы добрались до улицы Сулуэта.^[1] Кучер, который привез нас сюда, не торопился, выжидая, что мы будем делать. Ведь все непременно хотят побывать в этом месте.

У комплекса развлечений «Слоппи Джо», внутренность которого, надо полагать, была лучше внешности, лошадь остановилась. Видимо, «по собственной инициативе». Очевидно, она столько раз бывала здесь, что знала эту остановку «на память».

Кучер повернул голову и посмотрел на нас.

— Что это? — спросил я.

— «Слоппи», — объяснил он. — «Большой Аттракцион».

Я чуть было не спросил его, не имеет ли он проценты от клиентов, которых сюда привозит. Но он все равно бы ничего не ответил. Я повернулся к ней:

— Может, войдем?

Она колебалась.

— Ты не думаешь, Скотти, что это будет неосмотрительно с нашей стороны. Вдруг мы кого-нибудь встретим.

— Нет никакой опасности. Здесь Гавана, а не Соединенные Штаты. Сюда «Он» не доберется.

Девушка улыбнулась. Это была одна из тех улыбок, которая заставляет меня трепетать от нежности.

— Не доберется сюда? — повторила она. — Нам, наверное, нужно поехать в гостиницу и запереться изнутри.

«Конечно, нам нужно это сделать, — подумал я, — и выбросить ключ. Но по другим причинам».

— «Он» прислал тебе телеграмму с поздравлением, — сказал я.

— Именно это я и имела в виду, — объяснила прелестница. — «Он» же не уточнил, какую судьбу мне желает.

— Во всяком случае, я рядом с тобой, — успокоил ее.

Она снова улыбнулась, и мне показалось, что грудь распирает от избытка чувств.

— И я с тобой, — отозвалась она, — до самой смерти.

Я помог ей сойти с коляски. Она задержалась на мгновение, и ее красота будто осветила улицу. На ней было белое вечернее платье из атласа, сшитое с учетом местного климата, и все драгоценности, полученные «в дар от Него». Ее уши, горло, запястья и пальцы при каждом движении сверкали.

Я спросил, зачем же она надела все эти украшения после того признания, которое сделала мне прошлой ночью.

— Знаешь, Скотти, эти драгоценности иногда разговаривают со мной по ночам. Я просыпаюсь и слышу, как в темноте из ящичка, где они лежат, доносится странный голос, повторяющий раз за разом: «Ты помнишь, когда ты нас получила? Помнишь?» и «Помнишь, сколько мы тебе стоили? Конечно, помнишь!» И так без конца, одно и то же. Порой кажется, что я схожу с ума.

— Понимаю. Но мы проведем вечер в городе. Не думаешь, что на тебе слишком много драгоценностей? — заметил я, когда сходили с корабля на берег.

— Мне кажется, было бы неосторожно оставлять их в каюте, пока будем отсутствовать, — ответила она.

— Почему не сдала их капитану на хранение?

— Я их брошу в воду, если хочешь. Все. До последней сережки. Сейчас.

Это была не шутка. Я задержал ее руку уже над водой.

Возможно, она даже не знала, почему так нарядилась. Может быть, этот жест вызов «Ему». Она хотела выглядеть еще лучше, чтобы понравиться другому мужчине.

Заплатив кучеру, мы попытались войти в здание. Помещение было забито людьми почти до тротуара. Некоторые даже пристроились у ложи, где разместился небольшой оркестрик. Я заметил арку над головами клиентов; бар должен находиться в той стороне.

Взяв спутницу за руку, пошел вперед, пробивая для нее коридор. С трудом нам удалось преодолеть первую группу людей. Затем вынуждены были задержаться перед толпой. В конце концов нам удалось добраться до стойки, и когда кто-то отошел, мы втиснулись вдвоем на одно место.

— Два виски, — заказал я.

Не нужно было даже поворачивать голову, чтобы поцеловать ее. Так я и сделал.

— Ты хорошо чувствуешь себя? — спросил.

Она опять подарила мне бесподобную улыбку.

— Когда твоя рука обнимает, когда рядом со мной твое плечо, я чувствую себя прекрасно и могу идти вот так всю жизнь, до самой смерти, — ответила она.

— Не говори больше о смерти, — прошептал я.

Меня иногда посещают странные мысли. Например, я с детства верил, что если повторять одно и то же слово, то оно, в конце концов, притягивается. Суеверие, от которого никак не могу избавиться.

Красивая и обаятельная, она всюду привлекала к себе внимание. Особенно торговцев. Мужчины проталкивались к ней в толпе, жужжали, как мухи вокруг цветка, и предлагали всевозможные вещи: парижские духи (расфасованные в Бруклине), хороший ресторанчик, где не задают нескромных вопросов, открытки, которые нельзя отправить домой. Но мы не слышали их, были изолированы в своем особом мире, созданном только для нас.

Она сделала глоток напитка, перевела дух и снова улыбнулась своей особой улыбкой.

— Будем надеяться, что мне станет веселее, — заметила.

Кто-то толкнул меня в спину, толчок передался и ей. В такой давке не сразу поймешь, от кого это исходило. Мы вместе повернули головы.

Перед нами стоял кубинец. В руках у него был старинный фотоаппарат на треноге.

— Сеньор и леди желают фото, чтобы показать друзьям по возвращении в Штаты? — спросил он.

— Никакого фото! — воскликнул я.

Ей же, напротив, идея понравилась. Может быть, по той же причине, которая заставила надеть все драгоценности.

— Я знаю, кто захотел бы иметь такую фотографию. А почему бы и нет? Да, сделайте. Прямо здесь.

Она обняла меня за шею и притянула поближе к себе. Потом прижалась своей щекой к моей.

— Так, — сказала она весело. — С большой любовью!

— Ш-ш-ш, — тихо проговорил я.

Мне никогда не приходило в голову, что девушка до такой степени ненавидит «Его». Я должен был догадаться раньше. Это откровение было приятно, я чувствовал себя счастливым человеком.

Не знаю, как кубинцу удалось убедить толпу отодвинуться от нас: наверное, многие не захотели попасть в кадр. Едва образовался кусочек свободного пространства, фотограф поставил треногу. Потом накрыл голову черной тряпкой, и спустя секунду из-под материи поднялась рука, держащая лампу-вспышку.

Мы застыли. В лампе вспыхнула магнезия, осветив все вокруг. В этот момент я почувствовал, как девушка вздрогнула. Не желая того, вздрогнул и я.

Некоторое время в воздухе еще оставался запах магнезии.

— Вот, фотография сделана, — сказал я.

Она продолжала прижиматься ко мне.

— Ну, ну, перестань, — смущенно проговорил я. — На нас же смотрят.

Краем глаза видел, что некоторые посетители бара посмеиваются, глядя в нашу сторону. Они, должно быть, думали, что мы слегка опьянели.

Девушка сказала мне тихо на ушко:

— Подожди, Скотти. Давай побудем так еще немного.

И подставила губы для поцелуя. Я поцеловал.

— Понимаю, что мы ведем себя легкомысленно, — прошептала она. — Но разве это имеет какое-нибудь значение? Сегодня такой хороший вечер.

Я не заметил, как ослабили ее объятия. Она вдруг обмякла, скользнула вниз и улеглась, скорчившись, у моих ног. На меня смотрели незнакомые люди. Я наклонился к девушке, ничего не понимая. Только что мы были вместе. Я не соображал, что произошло. Видел перед собой ноги, которые, будто барьер, окружали нас. Наверху, на галерее, оркестрик исполнял томную «Сибонею». Грустная мелодия разбивала сердце. Почти как на похоронах.

Девушка казалась красивой даже на полу. Тень от стойки падала на нее, как в спокойные сумерки. Я попытался взять спутницу на руки, но она сделала слабый жест рукой, останавливая меня.

— Оставь как есть, у нас мало времени.

Я опустил ее и положил ее голову себе на колени.

— Сейчас я должна уйти в темноту, — прошептала она. — Знаешь, терпеть не могу темноту...

Она потянулась ко мне губами, но нам не удалось поцеловаться из-за толкотни.

— Скотти, — попросила девушка, задыхаясь, — допей мой напиток. Он еще там. И разбей бокал. Я так хочу. И, Скотти... дай мне знать, как вышло наше фото...

Ее подбородок упал на грудь. Я окаменел. Остался один.

Взяв девушку на руки, поднялся и посмотрел вокруг. Я не знал, куда идти. Не понимал, почему должен куда-то идти.

Кто-то указал мне рукой на пол, и я посмотрел вниз. Увидел, как из-под нее, неторопливо и будто нехотя, одна за одной, появлялись и падали красные капельки; такие маленькие, что не были видны в полете и обнаруживались лишь когда касались земли, создавая причудливые рисунки, напоминающие крошечных морских звезд на морском берегу. Что-то торчало у девушки сбоку, похожее на большую брошь или пряжку от пояса. Но для пряжки предмет слишком сильно выступал. Я присмотрелся. Это был небольшой предмет из нефрита, и он слегка вибрировал. Но не потому, что отзывался на ритм дыхания

девушки, а потому, что дрожали мои руки, поддерживавшие бездыханное тело.

Предмет был знаком мне. Это вырезанная из нефрита обезьянка, сидящая на корточках и прикрывающая руками глаза. Я сделал попытку вспомнить, где ее видел, но тут же понял, что там, где она и находилась. Я сжал рукой обезьянку и потянул ее. Это было похоже на безумный кошмар. Казалось, я вместе с этим предметом извлекал из девушки жизнь, высасывал ее плоть, внутренности...

На лбу у меня выступил пот, словно оружие вытягивалось из моего тела. Стальное лезвие выходило наружу медленно. Оно было прямое, изящное, узкое и смертельное. Смотреть на него — все равно что смотреть на смерть. Это и была смерть.

Наконец кинжал вышел полностью, оставив вместо себя рану.

Я вытянул руку, будто прося милостыню. На моей ладони лежали рукоятка с обезьянкой и окровавленное лезвие.

Я наклонил ладонь, и кинжал с шумом упал на пол.

И только тогда до меня все дошло. Влюбленный медленно приходит в себя.

Я наконец увидел вокруг себя людей и в отчаянии обратился к ним, словно они могли мне чем-то помочь.

— Она мертва! — выкрикнул я незнакомым лицам. — Она же не двигается! Ее ударили кинжалом прямо у меня на руках.

Моя боль была произнесена на английском языке, их страх — на испанском. Но в подобных случаях это не имело значения. В таких ситуациях язык универсален.

В зале вдруг поднялась суматоха. Каждый думал о себе, остальное их не касалось. Это было мое дело. Посетители бара расходились быстро, толкаясь и спотыкаясь. Очевидно, они не хотели задерживаться, чтобы не попасть на глаза полиции и не давать свидетельских показаний. Наверное, это был основной мотив их бегства. Вполне возможно, что сюда примешивалось искушение уйти, не заплатив за выпитое. Паника передавалась от одного к другому.

Я заметил, как один человек споткнулся и вынужден был ползти по полу, не имея возможности встать. В конце концов ему удалось все-таки подняться и он выбежал на улицу вместе с остальными.

Я остался один с моей девушкой. Мертвой девушкой. Только я и она. Только я и она; и длинный ряд бокалов, выстроенных на стойке. Всех размеров, форм и цветов. И бармен за стойкой, который обязан был там оставаться. Я стоял не двигаясь. Бесполезно было нести тело куда-то, потому что в любом другом месте она была бы так же мертва, как и здесь.

Гавана — быстрый город для всего: для любви, для жизни и для смерти. Вдали послышался звук полицейской сирены. Вскоре он приблизился и резко оборвался перед входом в здание. Из-за деревянных колонн, которые служили у «Слоппи» вместо стены, показались полицейские в форме и в штатском. Клиенты похрабрее вернулись назад и остановились поблизости. Они стояли позади полицейских.

Тело взяли у меня из рук и положили на три сидения, поставленные ряд. Это был лучший гроб, который могли соорудить в тот момент. У нее зацепилась за кресло юбка, и я поспешил расправить ткань, чтобы та падала свободно. Этот бессознательный жест причинил мне невероятную боль. Я повернулся и пошел к стойке.

Бездыханное тело обступили люди, и врач начал осмотр. Я взял ее недопитый стакан, поднял на уровень глаз, приветствуя, будто она находилась передо мной, и жадно проглотил жидкость. Напиток показался мне горьким. Потом я сломал ножку бокала. Прощай.

Насколько простой оказалась похоронная церемония. Впрочем, время для прощания было ограничено.

Меня окружили полицейские, и началась моя другая жизнь. Новая, трудная, долгая и одинокая. Без нее. Я остался один в незнакомом городе. Заметил, что два агента сжимают в руках пистолеты. Подумал, зачем им оружие. Не было рядом никого, кто угрожал бы им или кто мог сделать что-нибудь плохое. Остаток толпы отпрянул еще дальше назад.

Полицейские повторяли одни и те же слова, значения которых я не понимал. Когда до них дошло, что я не знаю испанского, они разом повернули головы и выкрикнули: «Акоста!»

Я предположил, что это имя. И действительно, человек, стоявший несколько в стороне, выступил вперед.

Он был в гражданском. В костюме из ткани «альпака». Носил очки в черепаховой оправе и имел вид научного работника. Я подумал, что, может быть, хоть один из полицейских попался толковый. По-английски он говорил хорошо. Очевидно, был из тех, кто не только изучал язык по книгам, но и применял его на практике. Акоста переводил с местным акцентом, но фразы были правильные. Возможно, он учился в Соединенных Штатах, посещая наши полицейские школы.

Полицейский-переводчик подошел ко мне и сказал:

— Эта женщина мертва.

Я ничего не ответил. Признать правду было выше моих сил.

— Вы были с ней?

— Да, я был с ней.

— Ваше имя?

— Скотт. Билл Скотт.

Это было занесено в записную книжечку.

— Запишите лучше Уильям, мое полное имя, — добавил я.

— А ее имя?

Этот вопрос причинил мне боль. Я тихо проговорил:

— Какое имя? Официальное или девичье? Или же имя, которое она собиралась принять?

Он дал понять, что не стоит заниматься с ним крючкотворством.

— Я хочу знать ее имя. Мне кажется, вопрос достаточно ясный. Или нет?

— Ева, — сказал я вполголоса. — Миссис Роман, официально. Собиралась стать...

Мне было плохо, слова застревали в горле.

— Собиралась стать миссис Скотт, — пробормотал я, — но кто-то отнял у меня такую возможность.

— А где мистер Роман?

— Не там, где ему следует быть. Я хочу сказать, что не в аду!

— Ваш адрес в Гаване?

— Здесь, где я сейчас нахожусь.

— А ее адрес?

— У нее были разные адреса. Мы прибыли на пароходе «Уорд», который пришвартовался сегодня в три часа дня. Если вы действительно придаете этому значение, запишите: каюты Б-21 и Б-23. Они расположены друг против друга и разделены проходом. Моя бритва и наши зубные щетки все еще находятся там.

— Значит, ваши каюты — напротив?

— Да. Вы, наверное, плохо поняли меня, я уже говорил об этом.

Акоста положил записную книжку в карман, и мне показалось, что дело закончено. Но я ошибался: мы были только в начале.

— И потом... — продолжил полицейский.

— Что «потом»?

— Вы с ней поссорились? Уже здесь?

— Нет! Я не ссорился с ней, ни здесь, ни в каком другом месте.

Акоста пристально посмотрел на меня, и я понял.

— Послушайте, — спохватился я, — с какой целью задаете мне эти вопросы? К чему ведете?

— Я хочу знать правду, и мне нужны факты.

— Тогда вы выбрали ошибочный путь, — проговорил я, пытаясь контролировать свой голос. — Это был не я.

Кто-то из полицейских произнес несколько фраз, очевидно, делая какие-то замечания. Акоста резким жестом руки заставил замолчать пулеметную очередь из слов, как бы предупреждая: «Не надо ничего говорить, я сам знаю, что делать». Такой жест мне понравился еще меньше, чем протест полицейского.

— Это ваш кинжал? — спросил Акоста, снова поворачиваясь ко мне.

Рукоятка из нефрита, вырезанная в форме обезьяны, которая закрыла глаза, показалась мне знакомой с самого начала. Теперь я узнал ее.

Понял, что лучше рассказать об этом сейчас. Потому что они все равно вскоре узнают.

— Нет, не мой, — ответил я. — Но у меня есть похожий. Я купил его сегодня днем. В художественном магазине. Он у меня в кармане.

Полицейские, заметив, что я поднес руку к карману, перехватили ее в трех местах: за плечо, локоть и запястье. Крепко была схвачена и вторая рука.

— Одну минутку, господа. Успокойтесь, — холодно произнес я. — Что вы, черт возьми, намерены делать?

— Пока не знаем, — сказал Акоста. — Но то, что вы собирались сделать, мы сделаем за вас.

— Значит, вы собираетесь произвести... обыск, и тем самым хотите вызвать против меня подозрение?

Акоста преподавал мне урок грамматики.

— Я не могу «хотеть» вызвать подозрение против того, кто уже подозревается.

Я молча проглотил это замечание.

Они обыскали меня. Я ждал, когда полицейские найдут кинжал, вытащат его и убедятся, что он не «тот самый». Но появилась лишь квитанция о покупке.

Я вырвался из рук полицейских, пока Акоста читал документ.

— Эй, послушайте! Там должен быть кинжал! Он лежал вместе с квитанцией!

Я продолжал извиваться, пытаясь поднести руку к карману, где должно находиться оружие. Но меня держали крепко.

В конце концов один из агентов вывернул карман подкладкой вверх, показывая, что он пуст.

— Но нож был там! — уверял я.

— Да, нож был там, — согласился Акоста. — Этот нож!

Мне удалось вернуть голосу твердость и спокойствие. Через минуту все станет ясно.

Бесполезно так волноваться, это только запутает дело.

— Подождите, выслушайте меня. Это не мой кинжал, потому что свой я даже не вытаскивал из кармана. Он был завернут в бумагу продавцом и передан мне в таком виде. Бумага маслянистая. Сверток скреплен по краям двумя резинками.

Акоста сделал знак полицейским, и они оттащили меня в сторону на несколько метров. Акоста присел на корточки у основания стойки. Тусклый свет туда почти не проникал. Он поискал на ощупь в двух-трех местах и встал. В руках у него был кусок зеленой промасленной бумаги.

— Описание точное, — заметил он.

Я с вызовом поднял подбородок.

— Может быть, вы хотите сказать, что в толпе я вытащил из кармана сверток, снял бумагу и воткнул нож ей в бок?.. И никто не увидел?

— А вы, может быть, хотите сказать нам, что это сделал кто-то другой? И вы не почувствовали, как неизвестный залез к вам в карман? Ничего не почувствовали? Послушайте, какой звук издает эта бумага.

Акоста скомкал промасленную бумагу, и она зашуршала, захрустела, как живая.

Он оставил в покое бумагу и изобразил на лице некое подобие сердечной улыбки. Которая, очевидно, означала: «Давайте будем дружить!»

— Вы продолжаете отрицать, что этот нож ваш? — настаивал Акоста.

Я не отрывал взгляда от проклятого оружия. Теперь меня охватило беспокойство. Несомненно, заколдованный предмет... А как же иначе он мог выбраться из кармана, освободиться от бумаги и войти в плоть?

Акоста взял квитанцию у полицейского и начал переводить ее мне слово за словом. Она не была похожа на тот сжатый, краткий документ, который выдают у нас в Штатах. Квитанция была написана в цветастом испанском стиле, с подробным перечислением различных деталей. Действительно, в магазинчике я заметил, как торговец тщательно описывает в квитанции мою покупку. И подумал тогда, что, должно быть, такова местная традиция.

— Продавец искусства Тио Чин, — читал Акоста. — Пасайе Ангоста, сорок два. За продажу кинжала, декоративного, привезенного с Востока, с рукояткой из нефрита, господину Скотту.

Чтение воскресило в моей памяти сцену в китайской лавке, и я понял, что не давало мне покоя последние четверть часа. Теперь все стало ясно.

— Постойте, — прервал я его. — Дайте рассмотреть кинжал поближе. Подержите его рукояткой вверх, так, чтобы можно было лучше видеть саму рукоятку. Прекрасная скульптура.

Акоста с иронической снисходительностью держал кинжал двумя пальцами почти у самой рукоятки.

— Обезьянка закрывает руками глаза, да?

— Да, ну и что? — сухо констатировал он.

— Тогда это не тот кинжал, который купил я.

Я с триумфальным видом ожидал эффекта от своей фразы, но его, по правде говоря, не последовало.

— У продавца было их три. Три кинжала такого типа: глаза, уши и рот. Знаете, для иллюстрации старинной поговорки: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не скажу». Я

хотел только один и спросил Еву Роман, какой мне выбрать. Миссис Роман посоветовала с изображением обезьянки, которая закрывает уши. Я взял. Этот нож из той же серии, но я покупал не его. Он принадлежит кому-то другому. Продавец подтвердит. Давайте сходим к нему.

Акоста даже не шелохнулся.

— Вы отрицаете, что этот документ был написан для вас и передан вам?

Что за вопрос! Они взяли квитанцию из моего кармана.

— Естественно, не отрицаю. Это моя квитанция, — ответил я не колеблясь.

— Тогда позвольте прочитать документ до конца. Вы прервали меня, — сказал Акоста и продолжил: — Описание... с рукояткой в виде скульптуры, представляющей собой «обезьянку, которая ничего не видит». Получено для оплаты двадцать песо.

Я открыл рот от удивления.

— Нет! Он ошибся с описанием в квитанции, вот и все!

Не убедило.

— Вы признались, что купили кинжал. Вы признались, что квитанция ваша. Вот орудие, которым была убита женщина. Вы сами заявили, что она убита этим ножом. Кинжал был вырван вами из раны. Наконец, мы имеем квитанцию, в которой сказано, что куплен нож с обезьянкой, которая «ничего не видит». Квитанция соответствует кинжалу, а кинжал соответствует ране. Это подтверждает квитанции. А квитанция выдана вам. — Акоста пожал плечами. — Все просто. Замкнутый круг, даже спаянный, из которого вам не выскользнуть.

Это было правдой. Как ни пытался, мне не удалось найти выход.

— Но я вам говорю, что купил кинжал с обезьянкой, которая «ничего не слышит». Это другой нож. Он соответствует ране, и квитанция соответствует этому ножу. Но квитанция не соответствует кинжалу, который я купил. Кинжал другой! Неужели вам не понятно?

— Обычные отклонения англосаксонского ума, — прокомментировал терпеливым тоном Акоста. — Вы, северяне, никогда не выбираете прямой путь между двумя точками. По той же самой причине вы не принимаете десятиричную систему, более рациональную, чем ваша.

Наверное, он решил убедить меня. Оказывается, ему не только нравилось арестовывать людей, но и убеждать их, что они виновны. Сейчас он хотел дать понять, что я нахожусь в неприятном положении. В чем себе еще не отдаю отчета. Я пришел к мысли, что разговаривать с ним — попусту тратить время. Но ничего другого не оставалось.

— Предположим, кинжал куплен кем-то другим. Кто, конечно же, не признается. — Акоста развел руками. — В таком случае, не хватает кинжала. Где тот, который якобы купили вы? Где тот, который был завернут в промасленную бумагу и скреплен двумя резинками? Где тот, который лежал у вас в кармане? Ну, где же он? Вы утверждаете, что речь идет о двух ножах. Мы не убеждены в этом. Мы говорим, что нож один. И показываем вам этот единственный кинжал. Вы говорите, что их два, но не можете показать их нам. Так кто выкручивается, вы или я?

Я больше ничего не понимал.

— Может быть, его вытащили из кармана в коляске или в том месте, где мы обедали? Это было в «Сан-Суси». Мы там станцевали пару румб. Может быть, он выпал там. Откуда мне знать? Карман не очень глубокий...

Когда мои слова перевели, они вызвали хохот у полицейских. Один из них приложил растопыренные пальцы к кончику носа; жест, который имел одинаковое значение в

нескольких языках.

Акоста снова повернулся ко мне.

— Значит, кинжал сам развязался, освободился от обертки, и потом его вытащили. В общем, он «сменил кожу», как змея, оставив в вашем кармане бумагу и резинки. Когда вы пришли сюда, бумага с резинками сама упала на землю! Тем временем была выдана квитанция на другой кинжал. Оказывается, продавцы выдают квитанции, чтобы описать предмет, который мы не покупаем. И чтобы описать не тот предмет, который мы покупаем.

Я сделал попытку прервать его, но он спокойно продолжал:

— Значит, в квитанции говорится о другом кинжале? И этот другой таинственным образом появляется здесь, в баре «Слоппи Джо», чтобы соответствовать квитанции, которая у вас в кармане. Он преданно следует за вами, может быть, потому, что притягивается магнетической силой, которая исходит от вас, а? Итак, кинжал, вместе с квитанцией, в которой он описан, вылетает из лавки, следует за вами и падает здесь, у ваших ног. Предварительно побывав в боку вашей дамы. — Акоста повертел руками, как при спиритическом сеансе. — И вы хотите попотчевать нас этой историей? Думаете, если вы на Кубе, то можете делать из нас дураков? Какое же у вас мнение о нашей полиции?

— Действительно, ситуация запутанная, — проговорил я смущенно. — Но вот что непонятно: если я хотел убить Еву Роман, почему мы пришли в многолюдное место? Ведь до того, как прибыть сюда, мы катались в коляске одни. Однажды даже остановились. Сидели и смотрели на порт. А кучер в это время сошел размять ноги. Почему я не убил ее там? Почему не воспользовался удобным случаем?

Акоста и здесь нашел ответ. Его возражения и быстрота, с которой он реагировал, убеждали!

— Потому, что толпа — лучшая защита. Больше людей — легче спрятаться. Если бы вы убили даму, оставшись с ней наедине, то не могло быть сомнений в вашей вине. Убийцей, в таком случае, были бы вы и никто другой. Здесь же, при таком скоплении людей, у вас большая вероятность заставить нас думать, что убийца не вы, а кто-то другой. Как вы и поступаете в действительности.

— Но Еву убил кто-то другой! — с горячностью настаивал я.

— Я продемонстрирую вам, что это не мог быть кто-то другой.

Держу пари, последний раз он так веселился после очередного повышения по службе!

— Более того, вы сами мне это продемонстрируете, ответив на три вопроса, — продолжал Акоста и показал три пальца. — С какого времени миссис Роман находилась в Гаване?

Это я уже говорил. К чему повторять вопрос?

— Она сошла с парохода вместе со мной сегодня вечером немного ранее шести.

Акоста загнул один палец.

— Четыре часа тому назад. — Он приблизился ко мне. — И она никогда не бывала здесь?

Я вынужден был правдиво отвечать на этот вопрос, так как полицейский мог в считанное время проверить мои слова.

— Никто из нас никогда здесь не бывал, — ответил я.

Второй палец загнулся. Акоста вынудил меня прижаться спиной к стойке бара.

— Она знала здесь кого-нибудь? Может быть, у нее было рекомендательное письмо, и таким образом, хоть кто-то мог знать о пребывании миссис Роман в этом городе?

— Нет, — признался я. — Она здесь никогда не знала. Именно поэтому мы и приехали сюда.

Казалось, правда отворачивается от меня.

Третий палец загнулся. Это означало, что теперь уже Акоста держал меня зажатым в кулаке.

— Вот ваши ответы. И после этого вы продолжаете утверждать, что она была убита кем-то другим? В городе, где она никогда не была? Более того, убита ножом из вашего кармана.

«Все сводится к кинжалу», — подумал я в растерянности.

Полицейские готовились унести Еву. Я видел, что они снимали с нее кольца, браслеты и другие драгоценности. Мне было непонятно только, почему приступили к этому здесь, а не в морге. Или в том месте, куда они собирались ее отвезти.

Весь блеск, все сверкание исчезали с шеи, ушей и рук моей Евы. Теперь драгоценности вернутся назад, «к Нему». Она не оставила их там, потому что они были слишком ценные для нее. Гораздо ценнее суммы, которую заплатила за них при покупке. Ева рассказывала мне, что драгоценности разговаривают с ней по ночам и не дают уснуть. Даже когда она прятала их в шкатулку и убирала прочь, они не молчали. Она слышала, как драгоценности тихо шепчут в темноте. Это началось после того, как Ева познакомилась со мной. И вот драгоценности здесь, а ее больше нет. Это только белое платье, разложенное на три сидения, такое ровное, застывшее, неподвижное.

В воздухе витал запах ее духов, но Евы уже не было. Это все, что сохранилось от нее. И еще моя бедная, неуклюжая любовь.

Полицейские сложили драгоценности в большой платок, связали вместе четыре узла и бросили Акосте, как будто это был пакет с овощами. Потом они взяли Еву. Это было началом длинного путешествия, которое ей предстоит совершить одной. Я сделал попытку сопровождать тело, по крайней мере, до похоронного фургона, но полицейские не разрешили. Я вспомнил, как Ева говорила, что ей не нравится темнота. Бедная ты моя! Теперь ты должна уйти туда, где нет ничего, кроме одиночества и мрака. Я стоял неподвижно и смотрел на свою любовь в последний раз.

И вот она исчезла в черной ночи Гаваны, без бриллиантов, без любви и сновидений.

Не знаю, сколько минут прошло после этого. Наверное, немного, но мне показалось это бесконечностью — слишком медленно и пусто текли они. Мне что-то сказали, я плохо расслышал.

— Оставьте меня в покое! — глухо проговорил я.

Почувствовал, как тяжелая рука легла на плечо.

— Аделанте! — что означало «пошевеливайся!». — Вы арестованы по подозрению в убийстве.

Китайский квартал Гаваны старался грохотом и давкой компенсировать свою относительную малость. Китайские кварталы наших северных городов, казалось, населены призраками, даже если люди и толпятся. Этот же квартал был настоящим муравейником. Я никогда не видел ничего подобного.

Полицейский автомобиль, где я сидел на заднем сидении между Акостой и другим блюстителем порядка, вынужден был продвигаться со скоростью человеческого шага по гудящей, переполненной людьми улице. Может быть, мы бы шли быстрее, но законники, конечно, думали, что машина с яркой надписью и полицейским за рулем еще выше поднимет престиж полиции. Водитель рулил одной рукой, а второй непрестанно нажимал на клаксон.

Мы и на метр не могли продвинуться без этого звучного аккомпанемента, который еще больше увеличивал окружающий шум. Этого было достаточно, чтобы расшатать нервы, но я старался не обращать внимания на суматоху.

Там, где улица расширялась, пешеходы оставляли коридор, прижимаясь к стенам по обе стороны. Но чаще этого невозможно было сделать, поэтому бедняги прятались в подъездах. Лоточники, — а их здесь было порядочно, спасались на какой-нибудь скамейке. Автомобиль иногда делал немислимые повороты, чтобы проехать под монументальным пучком бананов или связкой шляп. Таким был мой путь в тюрьму.

Я понимал, что мне предоставляется удобный случай доказать свою невиновность. Меня везли к китайцу, у которого купил кинжал. Он должен письменно подтвердить, что я вышел из лавки с ножом, украшенным обезьянкой, «которая ничего не слышит», и что в бумагу действительно был завернут тот, а не другой нож, и что он, по рассеянности, ошибся в квитанции при описании кинжала. Но даже если китаец и признает свою ошибку, этого будет недостаточно для доказательства моей невиновности. Теперь я уже по горло завяз в подозрении, что преступление совершено мною. Конечно, возможное признание ошибки со стороны продавца немного улучшило бы мое положение. Если этот небольшой факт подтвердится, то и к остальным моим словам будет больше доверия. Это единственный факт, для подтверждения которого есть свидетель. Все остальные показания не учитывались.

Впрочем, меня не слишком беспокоили свидетельские показания торговца.

Ева ушла, и какое значение теперь имело все остальное? Гореть нам всем в аду! Я сидел, уставившись в одну точку перед собой. Быстро мы едем или медленно, прибудем к месту или не доедем — мне все равно.

В конце концов мы добрались до Пасайе Ангоста. Улочка была уже предыдущих и казалась щелью между двумя зданиями. Машина дальше не могла проехать, поэтому ее поставили поперек, перегородив вход.

Обстановка осложнялась тем, что как только мы остановились, со всех сторон начали появляться любопытные. Нет ничего более пассивного, чем неподвижная толпа китайцев.

Акоста вышел из машины и осмотрел расщелину между зданиями.

— Это здесь, Эскотт? — спросил он меня.

Я повернулся к нему. До этого момента смотрел только перед собой.

— Здесь, — подтвердил я.

Акоста толкнул меня локтем. Я вышел из машины и встал рядом. Вышли также и два

агента. Один из них схватил меня за одну руку, Акоста взялся за вторую, показывая, что я становлюсь опасным преступником. Второй агент прикрывал нас с тыла. Остальные остались в машине. Так как мы не могли идти втроем в один ряд, то пошли боком.

Улочка казалась длиннющей, хотя после входа и расширялась на ладонь. Какое здесь было зловоние! Возле каждой двери висели фонарики. Они были сделаны из окрашенного стекла или бумаги и светили различными цветами: ярко-оранжевыми, желтыми и красными. Впрочем, «светили» — громко сказано. Это были тусклые пятна света, которые даже не рассеивали окружающую тьму.

Иногда перед нами возникали люди в черных одеждах и в сандалиях. Увидев нас, они вдавливались в подъезд, чтобы освободить путь, а потом стояли и пристально смотрели вслед. Некоторые пытались идти за нами, но замыкающий агент грубо гнал их прочь.

Один раз железная вывеска, выступающая над низкой дверью, сбила мне шляпу. Агент поднял ее и подал мне.

Наконец добрались до места назначения. Я узнал дверь, хоть и был здесь один раз. Она была немного больше других и более ярко освещена. Над ней висел бумажный прямоугольник, на котором золочеными буквами написано название лавки. С одной стороны надпись сделана китайскими иероглифами, с другой — по-испански. Хотя для меня это одно и то же.

Мы вошли в магазинчик. Внутри витал запах ладана, сандалового дерева и пыли.

Мы остановились резко, как поезд с тремя вагонами, едва не натолкнувшись друг на друга.

Акоста грубо спросил:

— Это здесь, Эскотт?

— Да, — устало ответил я.

— И как вам, только сошедшим на берег, удалось отыскать столь удаленное от главных улиц место.

— Нас сюда затащил какой-то гид. Он долго надоедал, пока мы, в конце концов, не согласились, чтобы он привез нас сюда и отстал.

Я вспомнил, что Ева не хотела идти сюда. Это я дал согласие гиду.

«Нам надо держаться подальше от таких улочек», — выговаривала она мне. «Но весь город состоит из таких улочек, — успокаивал я девушку. — Давай посмотрим, куда нас приведет гид».

— Хм, — промычал Акоста. Это был его комментарий.

Магазинчик имел тот же вид, что и несколько часов назад. Только сейчас он казался немного погрустневшим.

Те же самые Будды из стеатита, выстроенные в один ряд. Те же резные шкатулки из тисового дерева, латунные урны, те же вещички из слоновой кости, китайские фонарики, висящие в рядок, каждый со своим девизом, обозначенным черным иероглифом. Тот же китаец с седыми усами, свешивающимися по краям рта на двадцать сантиметров. Он дремал в углу, где я увидел его в первый раз. На голове у него круглая шапочка из шелка, украшенная пуговицей. Ноги, обутые в домашние тапочки, спрятаны под табуреткой. Руки, скрещенные на животе, ходили вверх-вниз в такт дыханию.

— Эй, хозяин! — обратился к нему Акоста.

Две косые щелочки глаз приоткрылись на полном лице китаецца. Более ничего не изменилось. Едва лишь можно было различить легкое мигание этих глаз.

— Да, сеньоры, — проговорил он певучим голосом и двинул рукавом, освобождая кисти рук, длинные и тощие, как лапы курицы. Сделал одной рукой круговой жест, как бы говоря: «Проходите. Если что-нибудь понравится, разбудите меня».

Но для Акосты этого было недостаточно. Ведь он представлял полицию.

— Встаньте! — приказал полицейский.

Китаец понадобилось несколько движений, чтобы встать. Сначала он отцепил ноги от табуретки. (Я заметил, что его ноги были очень маленькие для толстяка.) Потом сдвинул живот, за ним последовали голова и руки.

Наконец китаец отделился от табуретки и встал. Двинулся вперед, дрожа, как масса желатина, и почтительно покачивая головой. Какой он был смешной, этот человек! Мне пришла в голову мысль, что китаец нарочито подчеркивает каждое свое движение.

— Вы Чин? — задал вопрос Акоста.

Китаец поклонился и радостно заулыбался. Указал пальцем на свою грудь.

— Да, Чин. К вашим услугам.

Значит, приставка «Тию» не составляла часть его китайского имени, догадался я. Потом, узнал, что «тио» по-испански звучит как «цио».

— Если вы собираетесь задавать вопросы, которые касаются меня, — вмешался я, — задавайте их на английском языке. Правда, он плохо говорит по-английски, но когда я был здесь впервые, как-то приспособился.

Торговец согласился, будто я сделал ему комплимент.

— Немножечко, — произнес он.

Ты ломаешь комедию — подумалось. Уж слишком церемонный, даже для китайца!

— Посмотрите на этого человека, — сказал ему Акоста.

Чин пристально посмотрел на меня сквозь косые щелочки глаз.

— Он заходил к вам несколько часов тому назад?

— Да, господин, заходил.

— Он купил что-нибудь?

— Да, господин, купил.

— Что?

— Господин купил кинжал.

Пока все шло хорошо. Он подтверждал мои слова.

— Опишите кинжал. Вы понимаете, что означает «описать» по-английски?

— О, конечно. Кинжал декоративный. Нож с рукояткой из нефрита. Чтобы резать, вскрывать письма. Чтобы вешать на стенку.

Китаец нежился в своих шутовских манерах.

— Опишите рукоятку ножа.

Вот мы и дошли. В конце концов, как и предвидел, мне не было скучно.

Тию Чин продолжал ломать комедию. Было впечатление, что он преследует свою цель, но я не понимал какую.

— Рукоятка из нефрита в виде обезьянки.

— Это мы знаем. Опишите обезьянку.

Китаец развел руками и закрыл ладонями глаза.

— Обезьянка, которая спрятала глаза. Так.

Ответ до меня дошел с небольшим запозданием. В этот день вообще мой ум работал как-то замедленно. Даже когда Ева умерла, я был последним, кто понял это. И теперь

полицейские уже начали перемигиваться между собой и покачивать головами, как бы приговаривая: «Ну, что мы вам говорили?», а до меня только дошел смысл сказанного.

Вот так рассеялся последний лучик надежды. И вдруг меня прорвало:

— Ты сумасшедший! Что ты несешь? Что хочешь внушить, ты, мешок с картофелем? —

Я попытался броситься на китайца, несмотря на двух кубинцев-полицейских, удерживающих меня. Толкнул столик из тика и опрокинул его. Латунные безделушки, падая, зловеще звякнули. — Я купил ту, которая затыкала уши! И ты это знаешь! Ты видел...

Полицейские заставили меня замолчать.

— Эй! Успокойтесь! — произнес Акоста, и я почувствовал в его голосе угрозу.

Одновременно один из агентов отводил мне руку за спину. Так им удалось меня успокоить.

Тио Чин любезно пожал плечами.

— Их было три. Первую купил господин. Другие еще здесь. Я могу показать.

— Бессовестный обманщик! — выкрикнул я.

Руку за спиной повернули на несколько градусов, будто она была ручкой от двери. Остаток оскорбления застрял у меня в горле.

Китаец, покачиваясь, приблизился к шкафу, передвинул пару панно и порылся внутри. Когда он повернулся к нам, в руке у него был сверток из шелка. Я узнал этот сверток, но не мог представить себе, как торговец собирается подтвердить сказанное. Судя по его словам, там должен лежать нож, который я унес с собой.

— Привезены из Гонконга, — сказал он. — Сначала в Панаму, потом сюда. Заказаны только три серии. Стоят очень дорого. Никогда не продать, никогда не спрашивать. У меня есть счета на товар. Показать вам? На испанском и китайском. Я могу доказать, что заказано только три серии. Показать счета потом.

Он развязал сверток и развернул его. Внутри было два параллельных ряда шелковых петель, сверху и снизу. В верхних петлях размещались рукоятки ножей, в нижних — их лезвия. Все рукоятки представляли собой скульптурки одних и тех же обезьянок, вырезанных из слоновой кости, эбенового дерева и нефрита. Один кинжал с рукояткой отсутствовал — в центре было пусто.

Оставшиеся два кинжала из этой серии представляли обезьянку, закрывающую рот, и обезьянку, затыкающую уши. Последний был именно тот, который покупал я и который был завернут в зеленую бумагу. Именно его я положил в свой внутренний карман.

— Видите? — Китаец выглядел жизнерадостно.

— Ну что? — спросил меня Акоста.

Я отреагировал бурно.

— Ты лгун! Не знаю, почему, но ты сыграл со мной злую шутку. А ну говори, как это сделал...

— Я ничего не сделал, — запротестовал Тио Чин жалобным голосом. — Я только показал это.

— Да, ну так я тебе сделаю кое-что! Получишь сейчас пинок в живот!

Но я тщетно поднял ногу, агенты потянули меня назад.

— Успокойтесь, — пробормотал Акоста и ударил меня тыльной стороной ладони.

Но я даже не обратил на это внимания. Все мое возмущение сконцентрировалось на борове-китайце.

— Ты же слышал, когда я спросил мнение девушки, с которой приходил. Ты даже

показал ей кинжалы, чтобы она сделала выбор! Ты прекрасно слышал, какой нож она сказала тебе вернуть! Ты помнишь кинжал, выбранный мной, тот, который я дал тебе в руки, чтобы ты его завернул! Должно быть, ты проделал фокус, когда повернулся ко мне спиной и подошел к прилавку...

— Я оставил вам остальные ножи после выбора, — залопотал Тио Чин. — Взял только один. Может, вы трогать ножи, я их не трогать...

Так оно и было, китаец оставил два кинжала на столе. И отвернулся от меня на минутку. И это было, конечно, не в мою пользу. Акоста, полицейские и без того уже полностью подозревали меня. Подумать только!

Акоста сухо сказал:

— Какой смысл затягивать эту историю? Никто другой, кроме вас, не покупал этот нож. А тот, который, по вашим словам, вы купили, оказывается, находится здесь. Идемте. Мы и так были слишком терпеливы с вами. Дали возможность оправдаться только потому, что вы иностранец. Вы уже должны быть за решеткой!

— Вы мне никакого одолжения не сделали, — глухо произнес я.

Акоста задержался, чтобы обратиться с несколькими вопросами к Чину.

— Скажите, как вели себя они, когда пришли сюда?

— Обычно. Никакого отличия. Сеньора идти кругом, трогать кое-что. Сеньор стоять, двигаться мало.

— Он попросил показать нож или вы первый предложили?

— Он спросил кимоно для госпожи. Я показать, они смотреть. Потом госпожа идти туда, в угол, трогать всякие штучки.

— А потом?

Кажется, Акоста заинтересовался. Я чувствовал, как внутри меня накапливается раздражение, готовое выплеснуться, если Тио Чин начнет лгать.

— Потом господин говорит: «У вас есть что-нибудь, что могло бы служить как нож для разрезания бумаги?» Он сказал тихо.

Я говорил тихо, потому что толстяк стоял прямо передо мной. Незачем кричать, когда собеседник рядом.

— А дальше?

— Я принес серию, показать ему. Господин взять кинжал, попробовать, хорошее ли у него лезвие.

Акоста наострил уши!

— Он идти к госпожа. Она находить хороший нож.

Китаец сделал вид, что у него в руке нож. Он сделал вид, что Акоста — Ева. Отвел назад руку и направил воображаемый кинжал в сердце Акосты.

— Он остановить едва-едва вовремя, прежде чем кинжал коснуться ее. Он говорить: «Вот что ты заслужила».

— А госпожа?

— Она закрыть глаза. Сказать что-то по-английски. Не могу понять. Не понимать слишком хорошо английский.

— Она казалась испуганной?

— Может быть, испугана... Не знать.

В действительности Ева сказала мне тогда: «От тебя — с радостью».

Китаец, воспроизводя эпизод, убрал из него шутливый тон. Он повторил голый текст,

изменив значение. Лавочник не передал наши взгляды. Впрочем, как он мог их передать? Продавец упустил тайное значение этой пантомимы... Любовь, которая вдохновляла нас на эти шутки.

В итоге вот что получилось!

Я молчал. Чин не передал Акосте единственную подробность, которая была действительно настоящей. Но я не мог назвать это ложью. Хотя и был продан с потрохами.

Я смотрел на него и спрашивал себя: «С какой целью ты это сделал, чертов толстяк? Кто стоит за тобой? Что ты выигрываешь, искажая правду?»

Китаец казался таким сонным, невинным и благожелательным. Вот прилагательное, которое ему подходит. Благожелательный.

Агенты приготовились вывести меня на улицу.

Китаец, видя, что допрос окончен, «отслютовал» головой несколько раз и направился к табуретке. Сел в своей первоначальной позе: ноги — под табуретку, руки — на животе.

Акоста прервал мои размышления, схватил за шиворот и повернул к себе.

— Идемте, Эскотт, — проговорил он грубым тоном. — Пошевеливайтесь!

— Минуточку, — возразил я. — Вы меня арестовали, бросаете за решетку. Вы своего добились. Прошу о единственном: произносите правильно мою фамилию. Она начинается с «С», а не с «Э».

— Успокойтесь, вашу фамилию будут произносить правильно. Все будет как положено.

Пока мы шли к полицейскому автомобилю, я размышлял о том, что же произошло. Время и место достаточно своеобразные для подобных размышлений. Но здесь было лучше, чем в тюремной камере, куда я вскоре прибуду. Пока же еще свободен, можно сказать.

Нетрудно вообразить, что должна представлять собой местная тюрьма, если судить по обычным городским домам. Нет сомнений, что это здание со стенами толщиной в метр построено в эпоху испанского владычества. И нет сомнений, что те, кто однажды туда попадает, остаются там гнить навсегда.

Я подумал об этом и пришел к решению: не буду гнить в тюрьме за преступление, которого не совершал. Если не смогу вырваться на свободу, пусть уж лучше кончу в морге. Это единственная альтернатива, которая мне оставалась.

Впрочем, Ева ушла, и ничто уже больше не имело значения. Но с этого момента моя жизнь — в руках моих стражей. Должно быть, я слишком ценный человек, раз ко мне приставили столько полицейских агентов.

Видно, им велено обращаться со мной великодушно. Может быть, потому, что, как сказал Акоста, я иностранец. Действительно, я еще не был в тюрьме, мне дали возможность оправдаться. И если это не удалось мне, то их вины в этом нет. Это была, можно сказать, судьба.

Меня могут убить и оставить лежать на брусчатке, но моя нога не ступит на территорию тюрьмы. Если и пойду туда, то только в горизонтальном положении. Такое решение сильно упрощало дело, в плане побега!

Я должен действовать сейчас или никогда. До того, как меня снова зажмут в машине, где ждут еще двое агентов. Там вероятность успеха предприятия уменьшалась в несколько раз. Кроме того, на меня, очевидно, наденут наручники. Почему они не сделали этого раньше, я объяснить не мог. Возможно, до последнего «удара» господина Чина я еще не был подзаконным арестом. Теперь уже был. Хотя различие пока не ощущалось. В общем, будут наручники или нет, сейчас мне нужно действовать.

Мы шли почти гуськом по узкой темной кишке улицы. Я — в середине. Акоста сзади меня, двое полицейских впереди. Они были вооружены, но это меня не беспокоило. После того, как потерял Еву, жизнь оценивалась мной совсем по-другому.

Машина закупорила выход из улочки, поэтому побег в ту сторону невозможен. Оставалось два выхода: бежать назад либо куда-нибудь в сторону. У меня возникли сомнения относительно побега в направлении, противоположном от машины, хотя, наверное, это решение наиболее очевидное. Но там мог быть тупик, и полицейские взяли бы меня сразу или — я допускал и такой вариант — пригвоздили бы несколькими пулями. Кроме того, стены располагались очень близко друг против друга, и в меня могли попасть пули рикошетом. Даже если бы полицейские плохо целились из-за темноты.

Как путь к спасению, мне оставались подъезды и щели между домами. Впрочем, мы шли довольно долго, и выход из улочки близился, так что теперь выбрать особо не приходилось. Два подъезда, справа и слева, едва различались в темноте.

Я должен довериться случаю. Потом я часто спрашивал себя: что могло случиться со мной, если бы нырнул в подъезд слева? Что меня там ждало — свобода или смерть?

Я выбрал тот, который был справа.

Вырвался из рук полиции ловко и без звука. Побег удался потому, что я действовал следующим образом. Акоста держал меня сзади за запястье и за воротник. Человек передо мной придерживал за другое запястье.

Неожиданно я остановился и наклонился вперед. Акоста, пойманный врасплох, пошатнулся, потерял равновесие и упал мне на спину.

Я подхватил его вытянутой назад рукой, поднял на спину и швырнул на агента, который находился впереди. На мгновение оба полицейских опешили. Тем временем я уже влетел в подъезд.

Первый выстрел прозвучал в подъезде, когда я, свернув еще раз направо, находился в безопасности. Почувствовал под ногами первую ступеньку деревянной лестницы, споткнулся, потерял равновесие и дальше уже начал взбираться вверх на «трех ногах», помогая себе рукой.

Полицейские видели, в какую сторону я повернул, и побежали за мной. На лестнице появился мазок желтого света, нащупывающего дорогу для преследователей.

Второй выстрел на мгновение запоздал. Секундой раньше я свернул во второй лестничный пролет и находился вне досягаемости пули. Выстрел немного оглушил, но я не остановился и продолжал подниматься.

Маленький лучик от карманного фонарика рывками двигался в непосредственной близости от меня. Он то останавливался, как бы прислушиваясь, то резко прыгал по сторонам, пытаясь нащупать меня.

Если бы полицейские поймали меня лучом света, то убили бы не задумываясь. Однако пока удавалось избегать смертельного луча. Я ухитрялся на мгновение раньше ускользнуть с того места, которое он освещал. Фонарик в какой-то степени даже помогал мне определять правильное направление и не сталкиваться со стенами и препятствиями на пути.

Третий лестничный марш оказался последним. Теперь уже не было спасения от луча фонарика, шарившего в поисках меня. В крыше, прямо над лестничной площадкой, находился квадрат слухового окна, через который виднелись звезды. Туда, наверх, вела небольшая лесенка из железа и дерева, за которой мне уже не укрыться от пуль.

Луч света приближался ко мне, предвещая зарю смерти.

Выход на крышу соблазнял, но я уже не успевал. Преследователи приближались, они взяли бы меня прямо на лестнице.

Я снял шляпу и бросил вверх на лестницу, будто потерял ее, когда карабкался к слуховому окну. Потом нашел ручку двери, оказавшейся передо мной, и нажал. Дверь не поддавалась. Либо была закрыта, либо ей что-то мешало. А свет приближался к лестничной площадке. Еще немного — и светящийся конус обнаружит беглеца. Тогда — конец. Я попробовал еще раз толкнуть дверь и почувствовал, как она поддается натиску. Я вошел и закрыл ее за секунду до того, как луч фонарика коснулся стены. Видно было, как приближается светящееся пятно и редеет тьма.

Я сильно прижал дверь. Услышал шаги преследователей, потом задыхающееся восклицание. Очевидно, свет упал на мою шляпу. «Поднялся туда» или что-то в этом роде, как я понял. Они пошли в ту сторону, куда мне хотелось их направить.

Услышал шаги по железным ступенькам.

Судя по скрипу лесенки, понял, что полицейские, один за другим, поднимаются наверх. Шаги затихли. Должно быть, они поднялись на крышу.

У меня появилась слабая надежда на спасение, если быстро спущусь по лестнице и

выскочу на улицу, но она тут же испарилась. Снизу, от основания лестницы, раздался голос, и один из тех, кто был на крыше, высунулся в слуховое окно и прокричал что-то в ответ. Без сомнения, он сказал тому, кто был внизу, оставаться на своем посту и следить за входом. Это означало, что на звук выстрела прибежали еще два агента, которые оставались в машине. Теперь я находился в западне.

Держа руку на двери, повернулся и осмотрелся. Точнее сказать, попробовал это сделать, потому что из-за темноты, царствовавшей внутри, ничего не видел. Никакого проблеска. Как будто я находился в абсолютно темном тоннеле. Или стоял в могиле. Я повернулся лицом к двери.

И тут до меня, с опозданием, дошло, что я нечто учуял, хотя и не разобрался в темноте. Неожиданно вздрогнув, я снова развернулся кругом.

Первые мгновения ничего не различал. Потом понял, что передо мной нечто видимое. Точка во мраке. Красная точка. Пятнышко, подвешенное в пространстве, будто искра.

Я смотрел на нее, боясь двинуться. Искра тоже оставалась неподвижной. Я почти не дышал.

Так и стоял некоторое время, уставившись на точку, пока не сообразил, что передо мной. Точнее сказать, сделал вывод из наблюдения. Это была зажженная сигарета. Если долго смотреть на красную точку, то можно заметить, что она живет в своем, едва уловимом ритме. Краснота ее то уменьшалась и почти останавливалась, то вновь оживала и усиливалась. Ритм ее изменения повторял ритм дыхания. Значит, здесь, в темноте, кто-то есть.

Красная точка неожиданно продвинулась вверх сантиметров на тридцать и снова замерла. Значит, тот, кто курил, встал.

Движение не сопровождалось никаким шумом. Человек действовал проворно и хотел остаться невидимым. Но он не учел, что уже обнаружен. Зажженная сигарета была его ошибкой. Видно, он так привык к безостановочному курению, что забыл про сверкающий уголек на уровне его лица.

Я стоял как загипнотизированный и не мог отвести взгляд от этой раскаленной точки. Будто это глаз змеи, зафиксированный на мне. Я чувствовал, как твердеет мой позвоночник и по коже начинают бегать мурашки.

Огонек почти потух, очевидно, покрывшись пеплом, но очередная затяжка опять оживила его.

Вдруг он, слегка подрагивая, двинулся ко мне. Приближался медленно. Я почувствовал, как меня охватывает ужас и начинает бить озноб. Но остался на месте. А что я мог сделать?

Теперь сверкающая точка была рядом. Я даже почувствовал тепло сигареты на своей шее. Конечно, это скорее игра воображения, но эффект был именно таким.

Меня поражало молчание человека. Мы оба молчали. Я ждал, когда неизвестный раскроется, а он, очевидно, ожидал моего слова.

Я почувствовал, как подрагивает моя верхняя губа, и чуть не зарычал. Это был атавистический рефлекс, оставшийся у нас, людей, от животных. Я находился в темноте, а передо мной была непонятная, неконтролируемая опасность. Как же иначе я мог выразить напряжение выслеженного зверя, прижатого к стенке?

Я сделал глубокий вдох, развел руки, чтобы удобней пустить их в ход, и приготовился к предстоящей схватке.

Что-то холодное и острое коснулось моей шеи сбоку, прямо над веной. Металлическое

острие слегка нажалось и зафиксировалось в таком положении.

Оно было острым, как кончик ручки или ногтя, и только небольшое закругление мешало ему, несмотря на осязаемое давление, сделать дырку в моей коже. Один маленький толчок — и оно бы пробило вену. Но это не ручка и не ноготь, а нож, которым меня могли пригвоздить к двери одним ударом!

Огонек сигареты немного поколебался, но это движение не передалось на лезвие. Я почувствовал дуновение воздуха перед моим потным лицом, будто сделали быстрый жест рукой. Однако это была не та рука, которая держала нож. На уровне глаз раздался треск. Зашипела головка спички и сверкнула, как маленькая ракета, на мгновение ослепив меня.

Потом пламя спички успокоилось и отошло немного в сторону. Лицо человека, стоявшего передо мной, медленно выплывало из темноты, приобретало объемность и видимость, как на фотопластинке при проявлении.

Это была женщина.

Лицо появилось передо мной, будто освещенное внутренним светом. Типаж — общий для Кубы. Высокие скулы, черные гладкие волосы, разделенные посредине и зачесанные за уши, губы полные и выступающие вперед, яркие, будто накрашенные. Кожа цвета бисквита. Черные глаза, большие, полуприкрытые и вытянутые к скулам, выражали коварство и угрозу.

На ней была шаль, но не из тех романтических испанских с розами и цветами, а темная, без узора, из простого хлопка, даже дырявая. Под шалью виднелась одежда красного цвета. Красные хлопковые чулки, которые казались не слишком чистыми. На ногах — дешевые туфли. Кажется, они были на веревочной подошве и без каблучков. Впрочем, все это разглядел потом, а пока вынужден был смотреть только вперед, на уровне ножа.

Свет спички, отраженный лезвием, попал мне в глаза. Между тем давление на вену у горла не уменьшилось. Как ей удалось найти вену в этой темноте, для меня осталось загадкой.

Да, еще одна вещь: то, что я принял издали за сигарету, оказалась длинной и очень толстой сигарой, которую женщина не вынимала изо рта, дыша через нее воздухом с дымом. Не знаю, кто из курильщиков-мужчин смог бы посоревноваться с ней в подобной виртуозности!

Раскаленный уголек, обрамленный пеплом, завибрировал, и послышался мрачный голос:

— Bueno?

Я не знал, что это означает, мог только догадываться по модуляции голоса: «Ну что?» или «Что такое?». Нечто подобное.

Кубинка замахала рукой, держащей спичку, будто отрывая запястье, и вновь наступила темнота. Острие ножа осталось на прежнем месте. Женщине необходимо было взять новую спичку на груди, где завязана шаль. Спичка зажглась, и пламя вновь осветило наши лица.

Как я понял, незнакомка ждала ответа. И нож свидетельствовал, что она бы его получила.

— Успокойтесь, успокойтесь, — проговорил я. — Меня ищут в квартале. Я не говорю на вашем языке. И уберите оружие, прошу вас!

Хорошо понимал, что не имею возможности помочь себе жестами. Поэтому пришлось ограничиться словами, не повышая голоса.

— Americano? — спросила она.

Прижатый к двери, я мог только двигать глазами в попытках что-то объяснить.

— Агенты, полицейские... вы меня понимаете? Я бежал по лестнице... Не знаю, как сказать... Полиция... Меня ищут.

Женщина вдруг заговорила по-английски. Это был плавный английский.

— Полицейские? — лицо ее изменило выражение, когда произнесла это слово.

Словно брызнула ненавистью. До этих пор незнакомка означала для меня угрозу, теперь олицетворяла ненависть. Выразительный свет зажегся в ее глазах.

— Почему сразу об этом не сказали? Я ненавижу сыщиков! — воскликнула она.

Кончик ножа слегка отошел от шеи.

— Тот, кто против сыщиков, — мой друг, — добавила женщина.

Нож неожиданно исчез. Не могу сказать, куда он спрятался. Может быть, в подвязке или складках шали.

Я глубоко вдохнул. Мне казалось, что прошло уже полчаса, хотя на самом деле — минуты четыре-пять.

— Не знал, что вы говорите по-английски, — удивился я.

— Выучила поневоле, — с горечью произнесла незнакомка, — когда проводила в ваших тюрьмах время, необходимое, чтобы получить документы для натурализации.

Спичка погасла, но после короткой паузы вспыхнула новая.

На этот раз женщина зажгла свечку — длинную, бесформенную, стоящую в горлышке бутылки. Свет был слабый, он не разгонял темноту вокруг голов. Она дала мне знак отойти, заняла мое место и прислушалась.

— Я сделаю для вас что смогу, — проронила кубинка.

Преследователи явно не скучали. Было слышно, как они ходят по крыше, производя шум, подобный раскатам грома.

Кубинка прошептала по-испански какие-то оскорбления в их адрес. По-моему, послала их к матери.

Потом, она подняла ногу, надавила на дверь и опустила шпингалет в отверстие на пороге. Дверь была заблокирована. После этого женщина повернулась, пересекла комнату и подошла к стене, где крепилась тряпка, очевидно, прикрывающая окно.

Впервые, я увидел, как она ходит. Стоило только взглянуть, как идет эта женщина, и сразу понимаешь значение слова «грубость». Не знаю, как ей удавалось добиться такого эффекта, но ее манера ходить была совершенно невыразительной. Кубинка не покачивала бедрами, чтобы привлечь внимание, и не старалась казаться естественной. Она была очень худой, без излишеств в округлостях, и эта походка казалась вызовом. Она ставила ногу прямо, не сгибая колена, опиралась на нее и выносила вперед вторую таким же образом. Я попытался представить себе юношу, который шел бы с ней, прогуливаясь. Но не смог. Так ходят люди, привыкшие бродить по ночам одни. И тот, кто имел здравый смысл, должен держаться подальше от подобных прохожих!

Непроизвольно мне подумалось: «Это действительно удача, что вы на моей стороне, мисс!»

Она отодвинула рукой занавеску и вытянула шею:

— Их там около двадцати. Много, как клопов! Вам не уйти отсюда. — Оторвалась от окна и покачала головой: — Они и в самом деле хотят взять вас, чико.

Кубинка вынула изо рта окурок сигары, от которой я каменел несколько минут назад, сплюнула огрызок на пол и затоптала его. Вытащила другую сигару, хорошенько растерев ее пальцами, прикурила от свечки.

— Знаете город? — спросила она сквозь дым.

— Я увидел Гавану сегодня впервые.

— Вы выбрали хорошее место для убежища. Куда бы пошли, если, допустим, вам удалось бы уйти отсюда?

— Не знаю, — признался. — Мои мысли были только о том, как сбежать.

Женщина выпустила облако дыма.

— Я попыталась сделать то же самое в Джексонвилле и потерпела фиаско. Надо иметь дыру, где можно спрятаться. Или покинуть город немедленно. Постоянное передвижение ни к чему хорошему не приведет, и вы кончите тем, что окажетесь в тюрьме.

— Куда бежать, если вокруг одна вода.

Кубинка кивнула, соглашаясь, и задумалась.

— Почему они вас ищут? — вдруг спросила она, кутаясь в шаль.

— Они утверждают, что я убил женщину.

— И то, что они говорят, неправда?

— Сплошная ложь!

— Ну, это с ваших слов. Может, кто-то другой отбил у вас женщину?

— Я отбил ее у другого.

— Тогда надо быть таким идиотом, как сыщик, чтобы не понять о вашей непричастности. Никогда не убивают то, что нам не принадлежит. Убивают только то, что — наше.

— Сходили бы и убедили их, — пробормотал я, засовывая руки в карманы.

Женщина спокойно выпустила кружок дыма.

— Обвинение серьезное. Но лучшего места, чем здесь, вам не найти.

Рубанула рукой в моем направлении:

— Только не стройте иллюзий. Я это делаю не ради вас, а потому, что против них.

Потом она заговорила по-испански, и глаза кубинки загорелись гневом.

Это была передышка. Наверху опять задвигались, должно быть, кончили проверять крышу. Шаги вернулись к лесенке, и послышались звуки, будто застучали по оцинкованной ванне. Лесенка закрипела.

— Ну вот, они идут, — заметил я.

Кубинка отбросила сигару и, схватив меня за руку, выпалила:

— Идите сюда. Ложитесь на койку. Снимите пиджак, раздевайтесь до пояса.

Я не понимал, зачем нужна эта операция, но подчинился без лишних слов. Тем временем, полицейские беседовали уже у основания железной лесенки. Наверное, старший давал инструкции агентам.

Женщина исчезла в углу комнаты. Я услышал, как она вытягивает ящик из стола.

— Куда я положила помаду? Еще когда был Манолито, — говорила она сама себе.

Я поспешно снял рубашку, оторвав несколько пуговиц.

Сыщики стучали где-то поблизости, может, в соседнюю дверь, а может, этажом ниже.

Она подошла ко мне, приказала:

— Снимите майку!

Я снял.

— Теперь ложитесь лицом к стене... так. Поближе к стене. И что бы ни случилось, не поворачивайтесь. Положите руку на голову, чтобы они не могли видеть вас сбоку... Подождите! Мы спрячем ваш пиджак под одеяло. Они могут узнать его.

Я почувствовал, что женщина засовывает под меня одежду. Потом кубинка села на край койки рядом с моей голой спиной. И без всякого предупреждения принялась постукивать по спине чем-то холодным и скользким.

Я вздрогнул, не в силах сдержаться.

— Лежите спокойно, — прошипела кубинка. — Времени мало!

Она продолжала быстро стучать по моей спине. Я повернул голову и увидел, что кубинка наносит мне красные точки тюбиком губной помады.

Полицейские уже были в соседней комнате. Мы слышали, как они ходят за стеной. Конечно же, сыщики будут тщательно обыскивать каждую лачугу.

Женщина укрыла меня одеялом почти до головы.

— Теперь лежите тихо. Не тритесь об одеяло. И не поворачивайте голову.

Кубинка понесла свечу в другую часть комнаты. Услышал, что она взяла бутылку, и немного спустя по комнате распространился сильный запах дезинфекции. Она двигалась к постели. Я скосил глаза и увидел, что женщина уронила несколько капель на пол и на одеяло.

Полицейские подошли к нашей двери. Принялись стучать и толкать ее. Прокричали что-то по-испански.

Женщина положила руку мне на спину и сказала:

— Будем ждать. Теперь мы либо выплывем, либо потонем.

Я следил за ней краем глаза. Кубинка взяла шаль и покрыла ею голову. Потом завела конец шали со спины и прикрыла рот. Повернулась и посмотрела на меня. Трансформация была поразительной. Завернутая в черное, женщина из трущоб стала воплощением грусти. Это была вдова в траурном одеянии. Изменилась и походка! Медленная, смиренная. Кубинка извлекла откуда-то четки и принялась быстро и настоятельно бормотать что-то. Слегка наклонила вперед голову.

Я окончательно повернулся к стене, и все, что происходило дальше, воспринималось только на слух.

Кубинка вытащила защелку. Дверь заскрипела, и послышались хрюкающие голоса нескольких мужчин. Очевидно, они задавали вопросы.

Кубинка произнесла «ш-ш-ш» с упреком.

Но этого было недостаточно, чтобы удержать полицейских. Я бы очень удивился, если бы они не вошли.

Послышался шум шагов по комнате. Потом они заметили меня. Последовал короткий вопрос, который я понял без труда.

— *Quien es eso?* (Кто это?)

Женщина со вздохом пробормотала ответ. Я услышал среди других слов «*Mi hombre*», повторенное пару раз.

«Мой муж». Я был ее мужем.

Женщина замолчала. Наступила пауза, но напряжение не спадало.

Я чувствовал взгляды пяти или шести мужчин, которые пытались разглядеть меня сквозь одеяло. Естественно, ощущение не из приятных. Я лежал тихо, без движений, как кубинка сказала. Но как трудно оставаться неподвижным и не шевелить мускулами. Неприятный запах влажной штукатурки щекотал в моем носу. Я боялся, что вот-вот начну чихать и привлеку внимание полицейских. К счастью, этого не произошло.

Я осторожно открыл глаз под защитой руки и посмотрел на стену. Она была освещена. Очевидно, приблизилась свеча. Я понял, что полицейские хотели посмотреть на меня вблизи.

Женщина жаловалась меланхоличным голосом, противясь этому вмешательству, но они ее не слушали.

Я знал, что вскоре произойдет. И действительно, произошло. Тень вырисовалась на стене, значит, человек приблизился. Тень стала больше. Я почувствовал, что человек осматривает меня, и это вызвало беспокойство. Я не осмелился даже приплюснуть приоткрытый глаз.

Тень свернулась калачиком. Я понял, человек наклонился, чтобы посмотреть на меня

поближе. Ощутил его дыхание на своей шее, полоске тела, оставшейся открытой.

Если бы женщина дала мне нож до того, как впустить сыщиков, можно было попробовать прыгнуть на этого человека, развернуть его и, прикрываясь, как щитом, потребовать, чтобы они открыли мне дверь в коридор. Нет, это была бы ошибка. Я понимал, что не ушел бы далеко, а только до низа лестницы, где и ждали меня у входа в дом.

У меня появился соблазн повернуться... и всему конец. Но этого не сделал.

Я видел, как поднялась на стене большая тень от руки. На мгновение она задержалась и опустилась. Почувствовал, что тянут одеяло. Свежий воздух соприкоснулся с моей спиной.

Раздался внезапный возглас, исторгнутый не из одной, а из четырех или пяти глоток. Стена очистилась, тень исчезла. Человек, должно быть, резко отпрянул назад.

Кто-то задал вопрос приглушенным тоном.

Я услышал, как кубинка произнесла единственное слово. Она произнесла его медленно, почти нараспев. Какое прекрасное это было слово! Много таких слов есть у них в языке, но это было очень мелодичным.

— Viruela, — сказала она и коротко всхлипнула.

Кто-то хрипло вскрикнул. Потом тяжело затопали, отчего даже кровать задрожала. Полицейские старались как можно быстрее добраться до выхода из комнаты. Поток воздуха выгнул пламя свечи, поколебав полумрак в помещении.

Дверь с шумом захлопнулась. Мы опять остались вдвоем.

С минуту я не двигался.

Полицейские продолжали свой бег вниз по лестнице. Их охватила паника. Казалось, весь квартал вибрирует и дрожит от их топота.

Я услышал, как шум выплеснулся на улочку, и понял, что сыщики наконец-то ушли.

Кубинка пока не произнесла ни слова. Я медленно повернулся и посмотрел на нее. Пламя свечи успокоилось. Женщина стояла у двери и, наклонив голову, слушала. Я видел, как она «показала нос», смеясь над теми, кто удрал. Потом, проговорила что-то сквозь зубы.

Я полностью развернулся и сел.

— Отличная работа, — обронил.

Кубинка посмотрела на меня. Подмигнула большим черным глазом.

— Неплохо! — призналась и она.

Женщина вернула на место шаль и снова стала прежней. Странно, как одна деталь одежды может все изменить. Тихо посмеиваясь, она освободилась от четок. Отодвинулась от двери, и я увидел маленькую желтую бумажку, которая свисала с ручки. Бумажка еще покачивалась. На ней большими черными буквами было написано мелодичное слово «viruela», которое я услышал недавно.

— Что это означает? — спросил я.

— Оспа, — ответила она, не моргнув глазом. И постучала ногтем по этикетке. — А надпись — предупреждение держаться подальше от этой комнаты. В общем, своеобразный карантин. Бумажка должна висеть с наружной стороны двери, а не с внутренней, но они были слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на такую деталь. Я так и думала, что они вас не тронут и не будут переворачивать. На это у них не хватило бы смелости!

— Какая находчивая! — удивился я и сел на край кровати. Принялся натягивать рубашку, не обращая внимания на красные пятнышки. — Но откуда здесь дезинфицирующая жидкость?

Женщина пожала плечами.

— Осталась. Люди из здравоохранения забыли унести, когда последний раз приходили сюда. Видите ли, на этой кровати действительно умер от оспы человек. Пару недель тому назад.

Я резко вскочил, будто меня кто-то толкнул снизу, и продолжил одеваться стоя.

Кубинка усмехнулась, видя, что пытаюсь отряхнуть с себя пыль и невидимую инфекцию.

— Успокойтесь, — заметила она. — Люди из здравоохранения продезинфицировали и окурили здесь все, прежде чем уйти. Я сама тут спала и чувствую себя прекрасно. Во всяком случае, трюк удался, а это главное.

— И все же, — выдохнул я, — хорошо, что стало известно об этом после того, как дело сделано.

Женщина подошла к шкафу, открыла ящичек и достала сигару, которую положила туда перед тем как впустить полицейских. Должно быть, сигара погасла не сразу, потому что ящичек был полон дыма.

Кубинка сбросила пепел, постучав сигарой по мебели, потом извлекла спичку, чиркнула ею и зажгла окурок, испустив вздох облегчения. Она опять стала женщиной из трущоб. Прислонилась к шкафу спиной и оперлась локтями.

— Вы что, курите только сигары? — полюбопытствовал. — Почему не сигареты?

Она скривила губы.

— Сигареты — для детей. Их курила, когда мне было девять лет.

— Черт возьми! — тихо ругнулся я.

— Но я не вдыхала, — уточнила женщина.

Воспринял ее объяснение как намек на хорошее. Однако хорошего у нее было мало.

— Я работала как «сигарайя» в Тампе, — добавила кубинка. — Именно там привыкла к сигарам. Можно сказать, что из десяти сигар, которые я делала, выкуривала одну.

Я стал завязывать галстук, продолжая смотреть на свою спасительницу. Хотелось понять ее.

— Почему вы столько сделали для меня? — допытывался.

Кубинка слегка пожала плечами.

— По разным причинам. Как уже вам говорила, я ненавижу полицейских и всегда принимаю противоположную им сторону, не пытаюсь узнать, почему полиция за кем-то охотится. — Она понаблюдала за полетом дыма. — А может быть, дело в цветах, которые я ношу на могилу.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это трудно объяснить. Мне кажется, сделать что-то для человека — это лучшее, что можно сделать в мире. Видите ли, я так же, как и вы, знаю, что значит потерять человека, который любит тебя. Со мной такое же случилось две недели назад в этой комнате.

Я показал пальцем на кровать, где недавно лежал.

— Он умер здесь?

— Да. Его звали Манолито. Нас депортировали из Майами за уголовное преступление. Довольно грязная история. Полиция искала нас. Искала именно его. Несколько месяцев сыщики не давали нам покоя. Наконец они выследили Манолито и посадили за решетку. Но когда поняли, что он сильно болен, вышвырнули, как собаку. Поэтому, он притащился сюда, ко мне, и умер в этой лачуге.

Ее большие черные глаза говорили сильнее слов. Но остальные черты лица оставались

неподвижны и не выражали никаких чувств.

Я не знал, что сказать. Повернулся к ней спиной, заправляя рубашку в брюки.

— Как вас звать? — спросил, снова поворачиваясь к женщине лицом.

— Мое настоящее имя? Я забыла его. Имела, по крайней мере, с дюжину имен. В каждом месте, где бывала. Будет лучше, если скажу вам, как меня называют здесь. Я Мэдиа Ноче, потому что допоздна брожу по улице... с тех пор, как он ушел.

— Мэдиа... Мне трудно произносить это имя.

— Оно означает Полночь. Говорите его по-английски.

— Хорошо!.. Значит, Полночь. — Я подошел к кубинке, положил руку на ее плечо и с волнением сжал его. — Послушайте, Полночь, не знаю, что сказать вам, как... поблагодарить.

— Цветы на могилу, — тихо ответила она.

Я закончил одеваться и обратился к ней:

— Думаю, будет лучше, если я уйду. Теперь путь свободен.

— Будет лучше, если вы никуда не двинетесь. Вы дойдете до угла, они узнают вас и схватят. Почему хотите разрушить то, что я сделала?

— Я не могу оставаться здесь всю ночь.

— Есть такое место в городе, куда вы могли бы пойти?

— Нет. Никто...

— Тогда зачем уходить отсюда? — Она протянула руку ладонью вверх, словно проверяя, идет ли дождь. — На кону ваша жизнь, чико. Идите, если хотите, это ваше дело. Но тогда позвольте спросить, почему убегали от полиции? Можно бы побережь переживания на будущее.

Замечание было справедливым. Почему убегал? Я прикурил сигарету от свечи и нерешительно присел на кровать.

Некоторое время мы молчали. Я — с сигаретой, она — со своей сигарой. Два лица в полумраке комнаты. Два задумчивых существа. И у каждого свои проблемы. Она думала о «нем», наверное. Я думал о «ней».

Как на похоронном бдении.

Первой нарушила молчание кубинка:

— Как думаете уйти из города, даже если вам удастся выбраться отсюда?

— Не знаю. Должен же быть какой-то способ...

— Если укроетесь на острове, чего достигнете? Вы навсегда останетесь пленником вод.

Я уныло согласился.

— А если попытаетесь переплыть, то таможня и портовая полиция предупреждены. Это точно. За портом они следят особо.

Я бросил окурочок.

— Мне кажется, что должен остаться в Гаване.

— И мне так кажется. Но выходить отсюда вам нельзя, потому что в этом случае вы сможете пробыть на свободе не более нескольких минут.

Опять наступило молчание. На этот раз его прервал я:

— Да, у меня нет никакого резона оставаться в Гаване, потому что не могу доказать свою невиновность. — Поднял голову. — Если бы такая возможность была, я не стал бы убегать от полиции за преступление, которого не совершал. Но однажды начатое бегство трудно остановить. Я останусь здесь, пока все не выясню!

— Нет закона, запрещающего вам делать это, — прокомментировала кубинка.

Я поднес пальцы к глазам и начал их рассматривать, будто они меня очень интересовали.

Полночь изменила позицию у шкафа.

— Не хотите рассказать, как все произошло? — предложила она. — Все равно пока нам делать нечего.

И тогда я рассказал ей всю мою историю.

Я работал у «Него» уже неделю, когда увидел Еву в первый раз. Семь дней я не знал о ее существовании.

Стоит особо отметить, как я нашел это место. В уличной канаве, можно сказать. Кто имеет склонность к мистике, увидел бы в этом символический смысл. Я не очень-то в это верю, но, видимо, именно там я должен был найти занятие, которое искал.

Дело было в Майами. Меня зовут Скотт. Все, что имел тогда, сейчас — при мне. У меня была такая же одежда, потому что, когда тебя арестовывают, без нее не обойтись. Один комплект необходимой одежды — весь мой гардероб. Кроме того, у меня имелась скамеечка в парке. Конечно, скамеечка часть городской собственности, но пользуясь только ею каждую ночь, я приобрел особое право на нее. Это было мое достояние. Однажды пришлось прогнать оттуда другого типа и уговорить его поискать более подходящее местечко.

Вставал я тогда рано — с рассветом или даже чуть позже. В Майами рассвет прекрасен. В нежно-розовых и часто голубых красках, как лицо и глаза детей. Невозможно насладиться цветами рассвета. Умывался в фонтанчике в том же парке и причесывался половинкой расчески, которую ревниво хранил в кармане.

В то утро я вышел из парка и прогуливался в одиночестве, следуя за своей длинной тенью, по улице, окрашенной в розовое. Проходил мимо ночного ресторана, кажется, он назывался «Акации». Я редко обращаю внимание на рестораны. Майами — место отдыха и развлечений, оно изобилует ночными заведениями. Но этот был огромным и казался даже более сверкающим, чем другие. Поэтому его и заметил. Должно быть, ресторан закрылся недавно, приблизительно с час назад, потому что я чувствовал исходящие от него волны тепла, оставленного людьми за ночь. Между тротуаром и улицей тянулась полоска травы, и в этой канаве что-то лежало. Однако я не был в этом уверен, потому что мешала блестящая на солнце роса. Прошел мимо, но потом решил проверить, повернул назад и пнул предмет ногой. Предмет перевернулся. Это оказался бумажник. Я наклонился и поднял.

Наверное, его потерял клиент ресторана, когда сел в автомобиль. А может, уронил кто-то другой и не нашел, потому что место здесь слабо освещено. Бумажник был из черной тюленевой шкуры с углами, отделанными золотом. На шелковой подкладке было отпечатано «Марк Кросс» — магазин, где приобретен бумажник. Внутри лежали деньги. Меня интересовали только они: сорок один доллар. Я продолжил прогулку.

В бумажнике еще находились документы, удостоверяющие личность владельца: водительские права, выписанные Эдварду Роману, сорока четырех лет, проживающему в Эрмоза Драйв, и визитные карточки. Вовсе не анонимный был бумажник!

Однако мои моральные принципы не вызывали восхищения у пустого желудка. Он требовал своего. Потому плотно позавтракал, на этот раз не занимаясь мытьем посуды и не разгружая грузовик. Когда успокоил голод, в бумажнике стало на полтора доллара меньше.

Потом заметил, что мои моральные принципы опять стали брать верх. Удивительно, как легко побеждает честность, когда желудок полон.

Пришлось расспросить трех человек, прежде чем узнал, где находится этот дом. Первый, к кому я обратился, был полицейский. Он никогда не слышал о таком названии и честно признался в этом. Второй человек имел о нем слабое представление. Наконец водитель грузовика показал мне, в каком направлении двигаться. Добавил, что сочувствует,

если буду добираться туда пешком. Он с удовольствием бы подбросил меня, но, к сожалению, едет в другую сторону. Итак, я продолжил свой марш. Правда, мелькнула мысль, что есть более легкие способы остаться честным, но все равно дел никаких не имелось, и мне было совершенно безразлично в какую сторону шагать.

Мне показалось, что я прошел только полдороги до Пальм-Бич, когда, наконец, прибыл туда. Это был большой и прекрасный дом.

Вокруг разместились и другие похожие виллы, но эта понравилась мне больше всех. У нее была своя внутренняя улочка, отходящая от автострады. И это объясняло, почему не многие знали о ее нахождении.

Эрмоза Драв стояла фасадом к морю, а тыльной частью к автостраде. У нее был частный пляж и прекрасный внутренний берег.

Я поднялся по маленьким ступенькам перед входом и позвонил. Мне пришлось ждать несколько минут, прежде чем подошел афроамериканец в белом пиджаке, как те, которые одевают слуги в клубах. Он открыл дверь и испытующе посмотрел на меня.

— Могу я видеть господина Романа? — спросил.

— По какому поводу?

Я проделал слишком большой путь, чтобы теперь, вот так просто, отдать бумажник негру.

— Мне нужно отдать то, что ему принадлежит, — ответил.

Слуга недоверчиво посмотрел на меня и закрыл дверь. Пришлось ждать еще. Создавалось впечатление, что за мной наблюдают, но я не знал, откуда и кто, потому не стал убегать.

Потом появился тот же негр.

— Зайдите на минутку, — сказал он.

Итак, меня впустили в дом на время, будто проверяли. Я понял это по сухой фразе. Негр не сказал, что господин Роман меня примет.

Я последовал за слугой, который направлялся вверх по лестнице. Но прежде чем успел достичь ступеней, кто-то возник передо мной и вынудил остановиться. Человек не выглядел на сорок четыре года, как значилось в водительских правах господина Романа. Он был коренаст и ростом мне до бровей. Кожа мужчины была цвета корки сухого лимона и такая же неприятная на вид. Волосы напомажены чем-то блестящим. Глаза смотрели пристально, но казались затуманенными. Свет приглушался в них. Не знаю, как определить этот взгляд, — описания никогда не были моей сильной стороной. Даже собаки имеют блеск в глазах, а у него не было этого блеска. Я думаю, в них отсутствовала душа. Эти глаза напоминали пуговицы ботинок или зерна кофе — гладкие, твердые, простые предметы.

Мужчина был одет в рубашку из черного шелка и спортивный пиджак горчичного цвета. Босые ноги с фиолетовыми венами всунуты в соломенные сандалии. В общем, тип, который не располагал к веселью, а создавал впечатление скрытой опасности. Словно вы находитесь перед гремучей змеей, свернувшейся в кольца на расстоянии всего лишь сантиметров тридцать, поэтому ей не надо даже прыгать, чтобы ударить и отравить. Вот такое впечатление произвел на меня этот человек.

Неясно, почему же от него исходила враждебность и угроза? Если честно, так сразу и не скажешь. Он говорил мягко, вытягивая слова, безразличным тоном, будто спросонья. Даже руки, которые время от времени как бы невзначай касались меня, казались сонными.

— Какое послание?

Я не сразу понял его.

Человек коснулся левой части моей груди тыльной стороной ладони.

— Что вы сказали слуге? — спросил он.

— Я хочу видеть господина Романа и отдать то, что ему принадлежит.

— Это может означать многое.

По-прежнему не пропуская меня, мужчина переговорил со слугой, который остановился на первой ступеньке и уже держал ногу на второй.

Потом человек с глазами-пуговками провел рукой по моему бедру, но жест был настолько быстрым и ловким, что казался почти незаметным. Я опустил глаза, но рука исчезла.

— Извините, — сказал он, — вы немного запылились.

Слуга спросил:

— Все в порядке, мистер Джордан?

Афроамериканец вел себя так, будто эти сцены были для него не в новинку.

— Да, теперь можете подниматься, — ответил мужчина.

Я последовал наверх за слугой. С минуты на минуту ожидая услышать позади себя жужжащий звук, который издает гремучая змея, но так и не услышал.

Негр постучал в дверь.

— Человек к хозяину.

Из-за двери послышалось:

— Пусть проходит.

Слуга открыл дверь.

— Входите, — произнес он.

Я очутился в большой спальне, одну стену которой заменяло окно, выходящее на террасу.

На террасе в кресле сидел человек. Лица не видно — его брил парикмахер. Перед ним на табуретке сидела девушка и обрабатывала ему ногти.

Я в ожидании остановился посреди комнаты.

— Отмерьте точно виски, — услышал.

Афроамериканец опустился на колени. Он вытянул из кармана сантиметр и измерил длину висков сначала с одной, потом с другой стороны.

— Сантиметр ниже верхушки уха, — приказал хозяин. — И оставьте прямые. Мне они нравятся.

Я продолжал ждать.

Вдруг человек в кресле вскрикнул:

— Ой! — и поднял колено.

Но вины парикмахера в этом не было.

— Вы двигаетесь, господин Роман, — заметила маникюрша.

Мужчина выпрямился в кресле и с силой ударил ее по лицу. Девушка очутилась на полу.

— А ты, наоборот, не двигаешься вовремя! — прорычал хозяин виллы с сарказмом.

Девушка заплакала.

— Выйди отсюда! — выкрикнул человек. — Пока не залила мне террасу.

Девушка собрала свои принадлежности, и слуга проводил ее из комнаты, держа за плечи, чтобы она быстрее шла. Потом я заметил, как он передает ей банкноту — десять долларов, как мне показалось.

— Не принимай так близко к сердцу, малышка, — услышал, как он шепчет девушке. — В следующий раз получится лучше. Не обращай внимания на то, что сделано.

«Однако сделано любопытным образом», — подумал я.

Роман встал с кресла, пригладил волосы и вошел в комнату. Он не выглядел на свои сорок четыре года. На нем была шелковая пижама в полоски: темно-лиловую, ярко-зеленую и еще два цвета, которые лишь подчеркивали приходящее на ум сравнение с брюхом рыбы в аквариуме. К счастью, большую часть пижамы покрывал халат — видны были грудь и верхняя часть брюк.

Роман подошел к зеркалу и хорошенько осмотрел себя. Я вдруг подумал: «У вас, должно быть, крепкий желудок, мистер!»

Потом Роман взял сигару и, откусив кончик, прикурил. В конце концов, он, кажется, заметил меня и спросил:

— Что я могу сделать для тебя, Джек?

— Я подумал, что, может быть, доставлю вам удовольствие, вернув это, — сказал, протягивая ему бумажник.

Хозяин виллы с удивлением посмотрел на бумажник. Но даже после того, как осмотрел его и исследовал содержимое, казалось, не хотел верить, что это его вещь.

— Это не мой, — произнес он, наконец. — Где вы его нашли?

Я объяснил.

Роман приказал слуге:

— Посмотри одежду, которую я одевал вчера вечером. Есть ли там бумажник?

Негр ушел, потом вернулся и сообщил:

— Там нет его, хозяин. Нет.

— Но я даже не заметил, как он выпал! — воскликнул Роман.

Видимо, он хорошо выпил в ту ночь, подумал я. Вдруг хозяин стал усердно рыться в бумажнике, не обращая внимания на деньги. Открыл ящичек и вытащил оттуда другой бумажник из крокодиловой кожи. Заглянул в него.

— Ага, здесь, — сказал Роман, как показалось мне, с облегчением. — Сколько в нем было? — обратился он ко мне с равнодушным видом.

— Сорок один доллар, — ответил я. — Мной потрачено полтора доллара на еду, так что там осталось тридцать девять с половиной долларов.

— Я бы этого не заметил, — проговорил хозяин виллы и взглянул на слугу. — Ты представляешь, в мире существуют честные люди.

Дело приобретало странный оборот.

— И мало того, — продолжал Роман, — они приходят сюда с бумажником...

Неожиданно Роман повернулся ко мне:

— Возьмите его, он ваш.

Я не взял, но поблагодарил:

— Спасибо, но через день-два, я его все равно продам...

— Вы мне нравитесь, — сказал хозяин виллы. — И я хочу вам это доказать. Что вы умеете делать?

Я перечислил небольшой список своих возможностей:

— Немного понимаю в садоводстве, столярном деле, могу водить машину...

На этом пункте он меня прервал:

— Считайте, что вы нашли работу.

Тем временем в комнату вошел человек, который остановил меня внизу у лестницы. Точнее сказать, обратил на себя внимание. Потому что он имел способность появляться рядом неожиданно и оставаться незамеченным.

— А что вы сделаете с Клэйборном? Вы хотите двух шоферов, Эд? — заметил вошедший.

— Пошлите к черту, — махнул рукой Роман. — Дайте ему двадцать минут, чтобы он убрался. — Но когда мы оба уже были на пороге, хозяин изменил свое решение: — Дайте ему пятнадцать минут. Может быть, через полчаса мне понадобится машина, а я не хочу ждать.

Это произошло во вторник.

Я работал на него целую неделю, прежде чем увидел Еву, прежде чем узнал, что она живет в этом доме.

В моей комнате зазвонил телефон, и в трубке раздался голос Джоба:

— Скотт, приготовьте машину. Через две минуты.

Джоб — мажордом, который открыл мне дверь неделю назад.

— Есть, — ответил я.

Полагая, что поеду как всегда с хозяином, я надел пиджак, берет. Вывел из гаража автомобиль и остановил его перед парадной дверью. Вышел, открыл дверцу и стал ждать. Все это я обычно проделывал, когда подавал Роману машину.

Дверь открылась, и вышла девушка.

Молодая, красивая девушка. Справедливо сказать, она была красивой, но это неважно, — важен эффект, который красивая женщина производит на вас.

У меня непроизвольно дернулись веки, но лицо осталось неподвижным.

Ева вышла медленно, как будто не было у нее необходимости идти туда, куда направлялась. Еще медленней девушка развернулась, закрыла за собой дверь и спустилась с лестницы.

На меня она даже не взглянула. Глаза опущены, веки полузакрываются. И не обратила внимания, что шофер — другой... Да и как она могла это заметить, если не смотрела на меня? Наверное, видела меня, как видят нечто расплывчатое через зеленое стекло. Ее фигурка, спускающаяся по лестнице, отпечаталась тогда в моем сердце и осталась там навсегда.

На ней было кремовое платье до колен, из тех, которые одеваются как рубашка. Вокруг талии — узкий пояс. Косынка на голове полностью скрывала волосы и была завязана на два узла по обе стороны лица с торчащими кончиками, что делало Еву похожей на котенка с маленькими ушками. Правая рука украшена прекрасным бриллиантом.

Мысленно я проговорил: «Тут все ясно. Красивая и совершенная снаружи, а внутри — опилки».

— В город, пожалуйста, — тихо сказала девушка. И села в машину.

Я закрыл дверцу. Садясь, она попыталась расправить платье под собой, несмотря на то, что оно было короткое. Жест механический, обычный для всех женщин.

Я занял место за рулем, и мы поехали. Хозяину нравилась скорость, но с Евой я ехал не спеша. Во всяком случае, судя по виду девушки, она не волновалась.

Мы катили по автостраде, когда красавица вдруг сказала:

— Остановите здесь на минутку.

Я остановился и осмотрелся, не понимая причины остановки. Не увидел ничего, кроме

моря... Хотя место было удачным, с хорошей панорамой. С одной стороны — пальмы, с другой — бескрайний морской простор.

Не знаю, сколько мы просидели вот так, в машине. Время от времени я поглядывал в зеркало заднего вида. Она положила руки на край окошка, чтобы лучше видеть, и упорно смотрела на простирающееся перед ней море. На лице застыло выражение восхищения и задыхающейся радости, как у заключенного, который смотрит на небо через решетки окна. Она смотрела на линию горизонта, туда, где соединяются вода с небом. Эта воображаемая линия манит и искушает, но всегда обманывает, потому что достичь ее невозможно.

Я молчал. Мне казалось бесполезным демонстрировать нетерпение. Я перестал волноваться, а просто сидел, уставившись на сложенные руки.

Наконец мы снова двинулись. Девушка быстро управилась со своими делами и сделала покупки. Каждый раз я ожидал ее у входа и провожал до следующего здания.

По пути домой Ева обратилась ко мне и произнесла всего лишь две фразы.

— Что случилось с Клэйборном? — спросила она, словно только заметила, что водитель другой.

— Он уволился, мисс.

— Миссис, — поправила она. — Я — миссис Роман.

Мое удивление было двойным. Оказывается, она жена Романа, и удивил ее тон, которым это было произнесено. До этого момента я пытался уверить себя, что такая красивая куколка годится лишь на сезон или даже на одну ночь. Теперь понял, что передо мной прекрасная и несчастная женщина. Я почувствовал это по оттенку покорности, по тону, почти извиняющемуся, когда она сказала, что является женой Романа.

И все, ни одного больше слова. Женщина садилась в машину медленно, нерешительно, выбиралась из машины еще более неохотно, а до двери дома шла, еле передвигая ноги.

На следующий день — снова голос Джоба по телефону:

— Машину, Скотти. Через две минуты.

И опять тот же маршрут и та же остановка.

Как и в прошлый раз, она сказала:

— Остановитесь здесь.

И хотя остановились мы не в той именно точке, что днем раньше, причина остановки была та же самая.

Я смотрел на нее в зеркальце и чувствовал себя растерянным. Не мог понять ее. Вначале мне показалось, что Ева испугана или чувствует себя не очень хорошо. Женщина глубоко дышала, ее грудь тяжело поднималась и опускалась. Но вскоре я пришел к выводу, что она, как человек, сидящий взаперти, просто изголодалась по свежему воздуху. И только здесь, в этом одиноком месте, имела возможность свободно дышать и неотрывно смотреть вдаль, надеясь, может быть, когда-нибудь достичь невидимой линии горизонта.

По пути домой она снова произнесла две фразы.

— Между прочим, как вас звать?

— Скотт, мисс... — Потом вспомнил вчерашний день и добавил: — Извините, я забыл. — И повторил ответ: — Скотт, миссис Роман.

— Именно так, — подтвердила она, обращаясь больше к себе, чем ко мне. — Даже если я предпочитаю называться по-другому.

Прошло несколько недель.

В тот день, возвращаясь из своей обычной поездки в город, мы опаздывали и не должны

были задерживаться. И все-таки остановились. Говорят, ясная луна опасна, но это можно сказать и про закат. Были сумерки, час грусти: умирает день, умирают надежды, несбыточными кажутся мечты.

Я заметил, что Ева плачет. Лицо ее было печальным, почти спокойным, слезы катились медленно и тяжело.

Мне бы следовало подумать о себе, быть более осторожным, но легко ли сдерживаться, видя, как плачет красивая женщина.

Я резко повернулся к ней.

— Я могу что-нибудь сделать для вас? — спросил.

Взгляд, который она вернула мне, тронул мое сердце.

— Да, — ответила она. — Сделайте так, чтобы не было этих последних трех лет. Отведите стрелки времени назад на три года. Если вы не можете этого сделать, называйте меня «мисс». Если вы не можете сделать даже это, тогда отвернитесь.

Не помню, как я очутился на заднем сидении рядом с Евой, не отдавая отчета в том, что делаю. И слова вырвались у меня спонтанно, помимо воли:

— Я вас люблю. Уже три недели. Полюбил вас с того момента, когда в первый раз сели ко мне в машину. Но только сейчас это понял.

Оторвав свои губы от ее губ, я попробовал укротить себя:

— Извините, больше этого не повторится. Завтра я уйду.

Ева ответила тремя словами, но их было достаточно.

— Не делайте этого!

В дальнейшем к теме моего ухода не возвращались. Мы были влюблены и не могли жить друг без друга. И нечего к этому добавить. Мы любили, и точка.

Три дня спустя, когда ехали по автостраде, я сказал:

— Знаешь, я ведь ничего не могу предложить тебе взамен того, что ты имеешь.

— Именно этого я и желала.

— Ты уверена?

— Совершенно уверена.

Она посмотрела на линию горизонта:

— Что находится там? В той стороне?

— Гавана, думаю. Но не прямо перед нами, а немного вправо.

— Мне неважно название места. Здесь на море так просторно, свободно, чисто... И через такую глубокую воду невозможно добраться к тому, кто находится там...

— Значит, Гавана?

— Да, Гавана.

— Есть корабль на Гавану. Он пришел из Нью-Йорка и сейчас стоит в порту. Вскоре отчалит. Я разужаю о времени отплытия. Заказывать два места на самолет — неосторожно. Они имеют привычку звонить для подтверждения заказа и могут нарваться на «Него». И почтовым судном рискованно — у Романа лучшая яхта в Заливе.

— Нельзя терять время. Действуй быстро, быстро! За спиной у нас смерть. Каждую минуту, каждую секунду, даже когда мы сидим здесь. Не смотреть, не дышать, не думать, пока не уедем.

Я вспомнил о Джордане. Этой гремучей змее, свернувшейся в кольца, чье шипение я ожидал услышать всегда. Ева была права, смертью дышало все вокруг постоянно.

— Отход возможен в ближайшее время. Как-то раз я видела его в порту, но до среды...

Корабль, я имею в виду. Он останавливается здесь на три-четыре дня, не более. Если у тебя нет возможности уточнить день, то это можно сделать завтра в городе...

Я почувствовал, как дрожит ее тело, совсем рядом. И прижал Еву к себе.

— Не приближайся! Будь осторожен. Мне так страшно, Скотти.

— Из своего окна ты видишь мое?

— Да, я видела его еще раньше, до того, как все произошло. Этот светящийся прямоугольник над парком гипнотизировал меня.

— Тогда сделаем так. Пока ты одеваешься к обеду, около семи, смотришь на мое окно и считаешь, сколько раз гаснет свет. Так ты узнаешь время отхода. Если только судно не уйдет раньше, чем мы выедем завтра из города.

— Отвези меня домой, уже поздно. На днях «Он» заметил: «Мне кажется, что теперь ты слишком часто едешь в автомобиле».

На следующее утро я повез в город Романа. Пока он занимался делами, я успел съездить в агентство за билетами. Судно должно отплыть сегодня в полночь. Я заказал две каюты до Гаваны. Вначале свободных кают не было, но потом оказалось, что в Майами сошли несколько пассажиров, поэтому в агентстве смогли удовлетворить мой заказ. Не спрашивайте, почему взял две отдельные каюты. Если бы у нас была обычная любовная интрижка, мы могли бы никуда не ездить, остаться там и делать у него под носом все что нам захочется. Несмотря на риск и опасность. Но мы хотели постоянства, хотели жить свободно и любить свободно.

Я не видел Еву днем. Не было возможности связаться, дать ей знать. Хозяин держал меня постоянно при себе. Непонятно было, делается это с целью или нет — лицо Романа выглядело невозмутимым. Очевидно, это было простое совпадение. Хотя я вспомнил, что Ева мне рассказывала о его замечании насчет частых поездок. Хозяин ограничивался тем, что бросал мне:

— Оставайтесь здесь.

И я оставался там, где он приказывал, боясь сделать неосторожный шаг или лишнее движение, даже когда Роман поворачивался спиной ко мне, чтобы, не дай бог, не разрушить все. А время шло, день близился к концу.

Отвез я хозяина на виллу в шесть. Мчались «с ветерком», как ему нравилось. Когда на большой скорости проезжали «наше место» — там, где останавливались много раз я и Ева, — произошло нечто интересное. Именно в тот момент, когда мы там проезжали, Джордан издал глухой сдавленный смешок. Естественно, Джордан всегда был с хозяином. Можно сказать, Роман и шагу не делал без него.

Так как мы всю дорогу молчали, этот смех получился не к месту и требовал объяснения.

— Почему ты смеешься? — спросил его Роман.

— Я подумал, — послышался голос Джордана, — что там, где мы сейчас проезжаем, идеальное место для влюбленных.

Роман не ответил. Но я почувствовал на шее легкое холодное дуновение. Мне удалось сдержать желание взглянуть в зеркальце заднего вида. У меня было ощущение, что если бы я туда посмотрел, то наткнулся бы на взгляд Джордана. Может быть, я и ошибался, точно сказать не могу. Если опять идет речь о простой случайности, то это насмешка судьбы! Ехидная насмешка! Я почти реально слышал у себя за спиной, как стучит хвостом гремучая змея, предупреждая меня о предстоящей опасности.

Когда приехали домой, уже стемнело. Я поставил машину в гараж и поспешил в свою комнату. Последующие два часа были самыми тяжелыми в моей жизни. Я нетерпеливо ходил по комнате, останавливаясь каждый раз, чтобы взглянуть в окно напротив. Но вместе с ее окном светилось рядышком другое. Это было «Его» окно. Я не мог подать сигнал, пока Роман находился в своей комнате. Он мог это заметить.

Мне пришла в голову мысль, что супруги ссорятся и могут пропустить время обеда. Ведь в семь они обычно сидят за столом. Потом подумал, что, может быть, «Он» пошел вниз и забыл выключить свет. Но в этом случае Ева зашла бы в его комнату и выключила свет.

Я очень волновался. Конечно, у нас было еще пять часов в запасе, но она ничего не знала! Я должен дать ей знать. Она могла решить, что отъезд только завтра, и поэтому сразу после обеда пойти спать. Ева говорила, что часто так поступает, стараясь как можно меньше видеть мужа.

И вот неожиданно, около семи двадцати, я увидел, что освещено только ее окно. Я побежал к выключателю, выключил свет, выдержал так минуту, потом принялся включать и выключать. И так — двенадцать раз.

Потом, вернулся к окну и подождал.

Свет в ее комнате погас, затем зажегся только один раз. Она увидела. Ева получила мое послание!

Я спустился на первый этаж и поужинал в компании с Джобом, как это делал каждый вечер. Там, в той части дома, где живут слуги, я был еще более отделен от нее, чем в своей комнате, потому что не мог видеть даже ее окно.

— Здесь как в могиле, — посетовал негр, кивая головой на дверь с автоматическим запором. — Не успеешь сесть за стол, а еда уже остыла.

Я не ответил. «Знал бы ты причину, по которой мне побыстрее хочется вырваться отсюда!» — подумал.

— Вы плохо поели, — заметил Джоб, забирая тарелки. И добавил, складывая их в раковину: — И Ева тоже плохо ела сегодня вечером, почти не дотронулась до еды.

Я посмотрел прямо ему в глаза, чтобы проверить, не являются ли слова намеком. Но Джоб казался невинным. Я успокоил себя: если бы что-то было, он бы иначе ответил на мой взгляд. В таких случаях обычно смотрят, попала ли стрела в цель. Должно быть, здесь тоже было простое совпадение, как смех Джордана, когда мы проезжали мимо «того места с пальмами».

Я отодвинул стул, встал и вернулся в свою комнату. Было без четверти девять. Оставалось три часа. Чистых два часа, учитывая время, чтобы добраться до порта.

Я нервничал. Никогда раньше не был так напряжен. У меня взмокли ладони, но не потому, что испугался Романа или Джордана. Я боялся, что не удастся увезти Еву отсюда, боялся, что она вынуждена будет неожиданно остаться дома, боялся потерять ее. Это тревожное ожидание влюбленного.

Я кружил и кружил по комнате. Наверное, пробежал несколько километров!

Девять тридцать. Без четверти десять. Десять. Осталось два часа. Час чистого времени.

Вдруг зазвонил телефон. Я почувствовал, как холодок пробежал по моей спине. Раздался голос Джоба:

— Пожалуйста, приготовьте машину, Скотти. Сейчас.

Наконец-то. Должно быть, она придумала что-то... Я бросил сигарету, сбежал вниз, сел в машину. Давая задний ход при выезде из гаража, чуть не зацепил не полностью открытые

ворота. На большой скорости подъехал к входу и шумно затормозил.

В этот момент дверь открылась и вышла Ева, одетая в длинное вечернее платье из белого атласа. На ней были все бриллианты. Роман часто ей дарил украшения.

Я смутился, почувствовал, как холодеет кровь. Ей не следовало так одеваться для побега. В этом наряде девушку за километр видно!

Лицо ее было бесстрастным, будто она меня вообще не знала. Я придерживал дверцу автомобиля. Проходя мимо, она прошептала:

— Осторожно. За мной иду.

Сначала вышел Роман, надутый, пахнувший лосьоном. На шее — белый шелковый шарф.

Секунда ожидания, потом хозяин буркнул:

— В чем дело, Джордан?

Я заметил одну особенность: Роман называет своего телохранителя полным именем, когда хочет сказать, что раздражен по какой-то причине, которая, может быть, даже к Джордану не относится.

— Должно быть, он забыл свой пистолет, — иронически проговорила Ева.

Наконец появился телохранитель — гремучая змея в боевой позиции на хвосте — высокая, стройная и зловещая.

Они заняли места по бокам от нее. Я закрыл дверцу и сел за руль.

Роман приказал:

— В «Трок», Скотти.

Это был один из его любимых ресторанов. Я не смотрел на них в зеркальце, чтобы не выдать себя чем-нибудь. Глядел только на дорогу, которая катила мне навстречу. На небе перемигивались звезды.

Мы проехали три четверти пути, но никто из пассажиров не произнес ни слова.

Наконец Роман заметил:

— Ты молчаливая сегодня.

— У меня нет желания говорить, — ответила Ева.

— Не понимаешь, Эд? — вмешался Джордан. — Может, сегодня вечером миссис не собиралась выходить.

Ева ничего не сказала.

— Ты не собиралась выходить? — спросил Роман.

— Ты меня уже об этом спрашивал дома, — возразила жена. — Но я же здесь. Я еду. Чего же ты хочешь?

Остаток пути она молчала. Я вел машину спокойно.

Мы подъехали к «Троку», сверкающему изнутри голубоватым светом. Портье, негр с Багамских островов по имени Уолтер, который в этом голубоватом свете казался еще черней, чем был на самом деле, хорошо знал Романа. Увидев его, он склонился в глубоком поклоне.

У Евы не было возможности перемолвиться со мной. Она вынуждена была пойти вперед, двое мужчин ее сопровождали. Я наблюдал за ней, когда девушка входила в ресторан. В этом свете ее белое платье отражалось голубым, красивые плечи казались мраморными с едва заметными голубыми прожилками вен.

Все вокруг было голубым — и мое опечаленное сердце тоже.

Я поставил машину немного в отдалении, за углом. Не знал, что делать. Стена ресторана с той стороны, где я остановился, была без окон. Люди продолжали собираться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Увидел, как вышел официант и что-то сказал Уолтеру. У меня тут же родилась надежда, что она послала мне записку, поэтому я приблизился к входу, ожидая оклика. Но официант на мгновение задержал на мне взгляд, потом повернулся и вошел внутрь. Очевидно, он вышел, чтобы сделать глоток воздуха.

Я вернулся на свой пост. Знал уже, что с улицы невозможно увидеть зал ресторана, поэтому не делал попыток приблизиться к входу.

Наступило одиннадцать часов. Потом одиннадцать двадцать. Одиннадцать тридцать. Я стоял рядом с машиной и водил рукой по гладкой поверхности, как бы снимая с нее нервное напряжение.

Вдруг увидел, как что-то блеснуло там, где прежде было лишь слабое отражение голубого света. Ева бежала ко мне в своем белом платье, без шарфа и сумочки.

Я сделал несколько шагов навстречу, обнял ее.

— Быстро! — задыхаясь, проговорила она. — Ничего не говори! Поехали!

Она прыгнула на переднее сидение, я уже был за рулем.

Спешно отъехали.

— Сколько у нас времени?

— Двадцать минут.

— Я не могла уйти раньше. Черт возьми! Они выбрали столик как раз напротив коридора. Им был виден и коридор, и выход на улицу. Я не могла выйти незамеченной.

— Тогда как тебе удалось...

— Немного спустя пришел их друг и сел за наш столик. Они вынуждены были изменить положение, чтобы дать ему место. И потому вход оказался уже вне поля их зрения. — Она пошарила за декольте. — Держи!

Это был замшевый кошелек с деньгами. Ева протянула его мне. Я продолжал держать руки на руле.

— Чьи это деньги? — спросил.

— Мои.

— А до этого чьи были?

Секунду она размышляла.

— Ты прав, — сказала и, высунув наружу руку, перевернула кошелек. Посыпались банкноты. Они уносились прочь с большой скоростью. Кто-то завтра найдет на улице доллары.

— Мы когда-нибудь приедем?

— Еще немного, и будем на месте. Теперь уже успеем. Судно не отойдет до полуночи. У нас есть еще... — Я почувствовал, что Ева прижалась ко мне. — Почему ты так боишься?

— Потому что они знают, Скотти! Они раскрыли наш заговор раньше времени. Не знаю, удастся ли нам прибыть на судно раньше их!

Я спросил, что она хочет этим сказать.

— Кто-то видел тебя. Тот, кто знает его, видел тебя, когда ты покупал билеты. Или узнал машину Эда. Несчастливое стечение обстоятельств, понимаешь? И надо же, чтобы оно случилось именно с нами! Это все тот друг, присевший за наш столик. Он думал, что билеты заказываются для меня и Романа. Я слышала, как он спрашивал Эда. К счастью, Эд не придавал этому значения, так как я находилась с ними за столиком. Он подумал, наверное, что это какое-то недоразумение. Но с того момента, как я встала из-за стола, с того момента,

когда они заметили мое отсутствие... То, что видел тот друг, подтверждается. Они знают: Гавана, корабль. Судно заходит сюда каждые десять дней, исчезли мы вдвоем. Они поймут, кому были предназначены билеты. Определят, где мы находимся, раньше чем отойдет корабль.

— Но машина у меня.

— Машина есть и у того друга, который все рассказал. Может быть, они уже позади нас. Преследуют.

Я увеличил скорость.

— Будем начеку. Еще десять минут — и мы на месте.

— Впрочем, умирают только один раз.

— Мы не умрем, — пообещал я. Но как оказалось в дальнейшем, свое обещание не сдержал.

— Что-то виднеется там сзади. Кажется, за нами следуют две фары. Но они далеко.

— Не смотри назад, — попытался успокоить Еву. — Ни к чему это.

Мы прибыли в порт за шесть минут до полуночи. Сделали резкий поворот и остановились прямо перед молотом. Я дал ей билеты и сказал:

— Возьми и жди меня у трапа. Отведу машину, чтобы она не оставалась на виду.

Ева хотела, чтобы пошел с ней, но я жестом вынудил ее повиноваться.

Мне нельзя было оставлять там автомобиль. Если фары, которые девушка видела в отдалении, означали преследование, то машина становилась уликой.

Я отвел автомобиль подальше в тень и бегом вернулся к трапу. Прибывали другие машины, группировались в длинный хвост перед пристанью. Теперь уже невозможно было определить, какие фары мы видели позади себя. Основная часть людей, выходящих из машин, были одеты элегантно. И это естественно, так как речь шла о круизе. Сирена судна с воим испустила пар, перекрывая в течение минуты любые другие звуки.

Я нашел Еву у основания трапа. Было очень много других дам в вечерних платьях, и это меня радовало: так она не сильно бросалась в глаза. Мы показали билеты и быстро поднялись на борт. Нас встретил стюард и проводил в каюты, которые находились напротив друг друга. Он вошел, чтобы закрыть иллюминатор, но я протянул ему чаевые и попросил:

— Оставьте все как есть.

Человек тут же ушел.

— Закрой дверь, — прошептала Ева. Я закрыл дверь на ключ, но несмотря на это, девушка с силой оперлась на нее руками.

— Я взял другую каюту, для себя, — напомнил я.

— Нет, не оставляй меня. К черту приличия. В эту ночь ты останешься со мной.

Судно начало двигаться.

— Ну вот, корабль отплывает. Мы сбежали! — вырвалось у меня.

— Не думаю, что нам это удалось, — ответила она. — Ты веришь?

— А ты не чувствуешь? С каждой минутой корабль увеличивает скорость. Дело сделано.

Мы сидели рядышком на низком диване под иллюминатором, и свежий бриз дул в лицо. Я обнял Еву за талию, она положила голову мне на плечо. Так мы прободрствовали всю ночь. Вся история моей любви сконденсировалась в этой единственной ночи. Но я думаю, что этих часов нам было достаточно. У нас имелось время сказать друг другу все. И может быть, даже лучше, что над нами висела смертельная угроза. Деньги и материальные жизненные трудности в последующие недели и месяцы сорвали бы покров романтики

нашего приключения. Мы наслаждались пылающей любовью, мы все начинали сначала, все впереди было наше. Что можно еще желать?

Мы оставались сидеть так всю ночь: ее голова отдыхала на моем плече, второе плечо опиралось на стенку. Над нашими головами колыхалась занавеска иллюминатора, как корабельный вымпел, а за бортом сладко пела морская вода. Мы плыли на пароходе навстречу прекрасным приключениям. Плыли к горизонту, где небо соединяется с водой, к этой несуществующей линии, к нашей страстно желанной мечте.

Через круг иллюминатора начал проникать слабый свет. Наступал новый день.

И вдруг кто-то постучал в дверь — мы едва слышали. Было около шести. Слишком рано для прибытия в Гавану. Однако кто-то стучал: тихо, вкрадчиво.

Мы вскочили, все еще находясь в объятиях друг друга.

— Они на борту! Они сели вчера вечером! — растерянно прошептала Ева.

— Нет, нет, успокойся. Они бы не ждали столько, если бы находились здесь со вчерашнего вечера.

Мы не двигались, надеясь на ошибку. Но услышали, как постучали еще раз.

— Кто там? — спросил я грубым тоном.

Мужской голос ответил:

— Телеграмма, мистер.

Старый как мир трюк!

— Не открывай! — тихо проговорила Ева.

— Подсуньте под дверь, — попросил я.

Из-под двери медленно просунулся желтый листок бумаги. Это действительно была телеграмма.

Я подождал, и когда конверт появился полностью, поднял его. Мы вскрыли телеграмму и вместе прочитали. Она была с пометкой «срочно». Адресована Еве. Телеграмма была краткой и горькой. Содержание состояло из единственного слова: «Судьба». И подпись: «Эд».

За время моего рассказа пламя свечи опустилось до горлышка бутылки. Оно горело еще потому, что кормилось нагаром со свечи, который коркой покрывал горлышко. Зеленое стекло давало отблески зелено-голубого цвета, и от этого комната казалась похожей на подводный грот.

Мы почти не изменили позиций. Я все еще сидел на краю кровати, где умер ее влюбленный, а кубинка сидела на буфете. Вот и все различие.

Я с горечью подумал:

«Какой долгой кажется твоя жизнь, и как мало нужно времени, чтобы о ней рассказать».

Неизвестная женщина слушает беды незнакомого мужчины. Я с трудом различал ее. При этом свете она опять становилась невидимой, почти как в первую минуту нашей встречи, той встречи, которую мне — в этом я был уверен — никогда не забыть. Лишь проблески свечи временами выхватывали из темноты мое лицо и молнией отражались в глазах кубинки.

Несколько минут длилось молчание. Потом женщина с глухим стуком спрыгнула на пол, подошла к столу и поставила новую свечку вместо прежней. Если быть точным, это был новый огрызок свечи, но от него вновь вернулся желтоватый свет и пропал зелено-голубой.

— Совсем нетрудно, — сказала кубинка.

До меня не дошло, что она имеет в виду.

— Совсем нетрудно представить, что произошло сегодня вечером в «Слоппи». Для этого не нужно много мозгов.

Я поднял подбородок.

— Представить — одно, доказать — другое. Хотите сказать, что это был Роман, правда?

— Ева была его собственностью, вы же понимаете.

— Но Роман в Майами. Вы можете позвонить ему туда, и он вам ответит. Из своего дома.

— Это ничего не меняет.

— Я уверен так же, как и вы. Но желание убить не довод для обвинения. Сам механизм, как они смогли это проделать — вот что необъяснимо для меня. — Я провел пальцами по волосам. — Не могу понять, как при всей той давке вокруг нас никто не заметил удара, который ей нанесли, никто не увидел нож в руке убийцы. Ведь ему нужен был замах, он должен был отодвинуться немного от жертвы, прежде чем воткнуть в ее тело кинжал. Почему никто не заметил блеск лезвия или движение руки?

— Может быть, — попыталась она помочь мне, — кто-то видел, но смолчал?

— А может, — предположил я, — кто-то видел и еще не знает этого.

Полночь озадаченно посмотрела на меня:

— Что вы хотите этим сказать?

Я поднялся на ноги и уставился в темноту. Внезапная идея пришла мне в голову.

— Минутку! Кажется, я знаю, где искать решение этой загадки. Правда, если это не результат моей фантазии, — проговорил.

Она подошла ко мне, готовая помочь.

— Сейчас попробую объяснить, — прибавил я, — пока не ускользнула мысль... У вас

есть что-нибудь, чем можно рисовать?

— Тюбик губной помады, который недавно так славно поработал.

— Хорошо, давайте его.

Кубинка принесла тюбик.

— Я могу рисовать на стене?

— Ну конечно!

Подошел к стене и провел четыре линии. Получился квадрат. Она принесла бутылку со свечой, чтобы лучше видеть, и встала позади меня.

— Где бы мы ни находились в любой момент времени, это место можно представить графически как замкнутое пространство с четырьмя сторонами. Я обозначил квадратом наше местонахождение в «Слоппи», когда произошло убийство. Мы находимся здесь, в центре. — Я поставил крестик. — Теперь посмотрим, удастся ли мне что-нибудь вспомнить. С одной стороны стойка бара. Она представлена этой линией. И с прилегающей стороны мы защищены той же стойкой. Удар не мог последовать оттуда. К тому же Еву ударили в другой бок, а не в тот, которым она прислонилась к стойке.

— Укажите стрелкой, с какой стороны мог прийти удар, — посоветовала женщина.

Я провел стрелку, которая упиралась в крестик.

— С третьей стороны, справа от меня, сидели люди, сдавленные, как сельди в бочке, и их тела препятствовали движению ножа. Но была еще одна сторона — четвертая. Здесь оставалось немного пространства, может быть, несколько квадратных дециметров.

— А кто был с этой стороны?

— Эту сторону практически блокировал единственный человек — фотограф, который работает в «Слоппи Джо». Теперь вы понимаете, куда я веду? Конечно, и с этой стороны была такая же толпа, но она держалась сзади от фотографа, который в это время накинул на голову черную тряпку. Фактически можно сказать, что он заменял всю четвертую сторону.

— Таким образом, вы считаете, что фотограф мог видеть происходящее?

— На месте нет, потому что на голове у него был своеобразный капюшон. Но есть вероятность, что «видел» аппарат!

Полночь щелкнула пальцами.

— Значит, на фото должен быть виден убийца рядом с Евой. Может быть, не в тот именно момент, когда втыкает в тело нож, а в другой, — заметил я. — Ведь убийце надо вытащить нож из кармана, освободить от обертки, поставить его в удобную позицию, наконец, воткнуть в тело и оставить там. Речь идет о пяти или шести последовательных движениях. На снимке мы можем обнаружить одно из этих действий, но любое из них будет мне полезным. Все зависит от четкости фото и от кадра. Нож вошел сюда. — Я показал точку на теле. — Если фотограф снял нас только по грудь, мы не увидим убийцу, который действовал большей частью снизу. Но если фотограф снял нас полностью... Ну, тогда у меня есть возможность обнаружить на снимке кое-что интересное. Будет достаточно, если на фото запечатлена рука, воткнувшая кинжал. Не моя рука.

Я бросил тюбик губной помады на койку.

— Этот человек должен находиться на снимке.

Застегнул пиджак и приблизился к двери.

— Я ухожу. Жаль, что не подумал об этом раньше. Теперь нужно выяснить, кто этот фотограф и где его можно найти.

Женщина поставила на стол бутылку со свечкой, подошла к двери и встала перед ней,

отодвинув меня рукой.

— Чувствую, без меня вам здесь не обойтись. Поисками займусь я. Увидите, у меня это получится лучше.

— Вы уже достаточно сделали для меня, — запротестовал. — В конце концов, в беде нахожусь я, а не вы!

— Как хотите получить информацию, если вы даже не говорите по-испански? — возразила кубинка. — Куда пойдете искать фотографа? В «Слоппи»? Там ведь вам нельзя показываться, потому что тут же схватят. Будьте же рассудительны, чико! Мне сподручнее. Никто не знает и не подозревает, что мы знакомы. Я могу уходить и приходить когда захочу. Оставайтесь здесь. Закройте дверь, когда выйду, и не открывайте никому. По возвращении постучу два раза, так, — и она показала.

— Мне неудобно. Я не могу позволить вам пускаться в такие опасные поиски вместо меня.

— Но я это делаю не ради вас, а ради любви человека, которого когда-то преследовали шпики. — Полночь показала головой на кровать. — Цветы на могилу! Сколько раз мне говорить вам? Не двигайтесь! Я вернусь по возможности быстро.

Приоткрыв дверь, женщина выглянула наружу и вышла. Дверь закрылась. Она ушла.

Несколько минут я оставался у двери, прислушиваясь. Слышал, как она легкими шагами спускается по лестнице. Потом я опустил щеколду в гнездо и принялся прогуливаться по лачуге.

В конце концов вернулся к кровати, сел и задумался. Вот и кончился мой медовый месяц, не успев начаться. Ева лежит на мраморной плите в морге, я, разыскиваемый полицией, скрываюсь в китайском квартале.

Время, казалось, остановилось. Ни у меня, ни в комнате часов не было. Только медленно опускающееся пламя свечи давало какое-то представление о времени. Как-то уловил в отдалении бой башенных часов, но мне не удалось посчитать удары, потому что они сопровождались несогласованным звоном колокольчиков. Колокольчики звонили как им вздумается, и это сбивало. Впрочем, так ли важно сейчас для меня знать точное время?

Вдруг послышался какой-то звук. Я наострил уши. На мгновение застыл. Сигарета выпала из руки, и я раздавил ее ногой.

Было слышно, как кто-то поднимается по лестнице, и у меня закралось подозрение, что это не моя хозяйка. Ритм шагов был более медленный, чем Полночи. Нет, явно не она шла этим летаргическим, как у сомнамбулы, шагом. Ритм походки человека указывает на его индивидуальность, равно как отпечатки пальцев и тембр голоса. Шаг кубинки мог быть таким же крадущимся, медленным, почти ватным, но в том, который я слышал, было нечто свое, особенное. Создавалось впечатление, что человек останавливается на каждой ступеньке, которую преодолевает, а это не соответствовало темпераменту Полночи.

Шаг был мягкий. Туфли, очевидно, не на кожаной, а на веревочной подошве, возможно, мокасины или сандалии. И обязательно короткая пауза между шагами — многозначительная пауза.

Я поднялся, опираясь руками на край кровати. Шаги перешли на лестничную площадку и начали приближаться к двери. Так мне казалось.

Я тоже медленно двинулся через комнату, почти в темпе шага того человека. Проходя мимо свечки, потушил ее, сжав пальцами фитиль. Подошел к двери. Прислонился к ней, как в первый раз, когда проник в это убежище, спасаясь от полиции. Но тогда я легко различал

полицейских, которые меня искали. Их топот был слышен далеко. Теперь же представить не мог, кто идет сюда.

Я стоял у двери и слышал нерешительные, медленные, шаркающие шаги. Может, это бедняга умалишенный или преступник со злыми намерениями? Шаги затихли.

Вдруг край моего пиджака прижался к телу и сдвинулся. Показалось, что до меня дотронулись рукой. Впечатление было настолько сильным, что я чуть не запаниковал. Но тут же взял себя в руки. Понял, что двигается ручка от двери!

Потом на дверь нажали, будто хотели взломать. Раздался сухой, резкий звук, от которого я вздрогнул, словно меня царапнули. Оказалось, что это чиркнули спичкой о дверь. Щель неожиданно осветилась, как будто провели длинную желтую линию.

Это был уже вполне определенный жест, и я на него среагировал. Напряжение, в котором находился несколько последних часов, вылилось в желание действовать. Мне просто необходимо было приложить физическое усилие.

Правда, женщина велела никому не открывать, но не всегда можно проконтролировать эмоции, особенно когда все идет кривь и вкось.

Я тихо поднял ногой щеколду, резко открыл дверь и приготовился прыгнуть на непрошеного гостя. Но — не сдвинулся с места. Есть люди, вызывающие отвращение и ужас, брезгливость мешает ударить их. Человек, стоявший передо мной, был настолько страшный, что я не решился бы и дотронуться до него, а не то что схватить или ударить.

Трудно сказать, был это призрак или нечто живое, восставшее из могилы, нечто уже мертвое, которое направлялось в свою могилу, но задержалось здесь для страха. Речь шла о китайце с изнуренным лицом, по виду напоминавшем труп. Невозможно различить, старый он или молодой. Призрачное пламя спички недостаточно освещало его лицо.

Цвет кожи у этого человека был не желтым и не белым, а каким-то серо-зеленоватым. Ввалившиеся глаза и большие, как у черепа, глазницы. Очень скудная одежда висела на нем. Под курточкой вырисовывались ребра. Он производил впечатление пугала.

Специфический запах ударил мне в нос. Запах... ну, как будто этот человек был из глины, смешанной с водой. Те же самые вонь и грязь.

Китаец казался ошеломленным. Он что-то пробормотал сквозь зубы, но я не понял.

— Уходи, — выругался я вполголоса. — Иди отсюда, бродячий призрак.

Он нерешительно повернулся, шатаясь, словно должен упасть с минуты на минуту, двинулся прочь, касаясь стены рукой. Спичка погасла прежде чем он сделал шаг. Я снова закрыл дверь, застраховал ее щеколдой, еще немного постоял, прислушиваясь. Рядом тихо открылась дверь и тут же закрылась. Потом кто-то ходил по соседней комнате. Сквозь тонкую стенку проникали какие-то звуки. Немного погодя наступила тишина, будто призрак окончательно умер.

После короткой паузы я вновь почувствовал тот же кислый запах, от которого меня чуть не стошнило на пороге. Но теперь трудно было понять, откуда он исходит. Затем запах ослабел, уменьшился настолько, что почти не ощущался.

Я провел рукой по лицу и зажег свечку. Вернулся к кровати, сел и стал ждать возвращения Полночи.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как она ушла: может, полчаса, может, час, а может, и больше. Мне показалось, что кубинка отсутствовала долго. Как она поднялась по лестнице, я не слышал — шаги у нее были еще бесшумнее, чем у китайца-трупа. Условленные два удара застали меня врасплох.

Я тут же открыл дверь. Полночь была нагружена: два свертка под шалью поддерживала руками, один — прижимала локтем сбоку. Она остановилась на мгновение на пороге, оглянулась, как бы проверяя, нет ли за ней преследователей. Я искренне обрадовался ее возвращению, будто давно был с ней знаком.

Войдя, кубинка подмигнула мне, словно хотела сказать: «Все сделано, я узнала то, что вам нужно». Или что-то в этом роде. Я закрыл за ней дверь. Полночь разложила на столе свертки.

— Я нашла то, что вам нужно, чико, — начала кубинка, еще не отдышавшись. По виду чувствовалось, что она удовлетворена.

— Говорите тихо, — посоветовал. — В соседней комнате кто-то есть.

— А, тот... — женщина пожала плечами. — Его можете не бояться. Он вызывает сильный страх, когда видишь впервые, а вообще-то, он безвреден. Курит опиум и размышляет. Не от мира сего. И потому удобен как сосед. Иногда я готовлю ему что-нибудь поесть, иначе он умрет от истощения.

Я положил руку ей на плечо, чтобы остановить объяснения.

— Что вы узнали?

Кубинка понизила голос, несмотря на то, что сказала перед этим о соседе:

— Фотографа, который работает в «Слоппи», зовут Пепе Кампос. В кафе его не оказалось, но я все узнала о нем от одного бармена с помощью маленькой кружки пива и нескольких взглядов. Итак, у Кампоса пара комнатусек на Калле Барриос, которые он использует как жилье и студию. Я не могла точно определить его дом, но он находится на маленькой улочке, которую я знаю, и потому отыскать его будет нетрудно. Узнала еще кое-что. Бармен сказал, что передо мной здесь побывал еще один человек, и он тоже расспрашивал о Кампосе.

Последнее известие мне не понравилось.

— Может быть, это простое совпадение, но может, у кого-то зародилась такая же мысль, что и у меня. Он тоже догадался, что отпечатанная пластинка является единственным доказательством преступления. Мне надо действовать быстро.

— У вас не получится.

— Должно получиться, Полночь. Другой альтернативы нет. Вы провели первые расследования. Показали мне путь. Остальное за мной. Я не могу сидеть здесь и всю ночь гонять почтовых голубей.

Кубинка усмехнулась.

— Смотрите, кого вы называете почтовым голубем, — запротестовала она. Подошла к столу, на котором разместила свой груз, и начала распаковывать свертки. — Я почему-то была уверена, что вы примете такое решение, поэтому взяла одежду в одном известном месте.

Полночь извлекла из пакетов брюки, испачканные маслом, матросскую куртку и фуражку из непромокаемой ткани. Одежда за километр воняла машинным маслом.

— Вы что, хотите превратить меня в машиниста?

— В этой одежде вас не узнают, по крайней мере, с первого взгляда. А в вашем костюме вы до центра не дойдете.

— Хорошо, — согласился. — Отвернитесь.

Я переоделся. Запах масла был ужасный, но спустя несколько минут стал привыкать к нему.

Держа сигару вверх, кубинка осмотрела меня критическим взглядом, повернула кругом.

— Можно идти, — сказала она, наконец. — И знаете, вам больше к лицу одежда моряка, чем та, которая была на вас.

— Наверное, потому, что у меня привлекательная внешность.

— Когда идете, немного пружиньте шаг, и эти проклятые ищейки не узнают вас, даже если пройдете рядом с ними. Чуть расставляйте ноги. Обычные люди при ходьбе ноги не расставляют, моряки же ставят их пошире, чтобы удерживать равновесие при качке. А теперь слушайте меня внимательно.

Я подошел к ней поближе. Наклонил голову, чтобы лучше слушать.

— Я не стану забивать вам голову названием улицы. Для вас это будет, как греческий язык, только собьет с толку. Дам вам направление, в котором надо идти, и количество поворотов, которые должны сделать направо и налево. Пойдете прямо до проспекта и повернете направо. Проследуете по проспекту до конца и только тогда повернете налево. Вы будете находиться на одной из главных артерий города и поэтому должны действовать очень осторожно.

Объяснив несколько раз, женщина заставила меня повторить маршрут. Теперь она была уверена, что я не ошибусь.

— Советую не отклоняться от маршрута, — сказала она в конце. — Гавана — город запутанный, и если потеряете улицу, найти ее вам будет нелегко.

— Вы хорошая девушка, Полночь, — признался я.

— Вот комплимент, который мне не делали с четырех лет. Теперь ему придают несколько иное значение.

Я пошарил в карманах своей одежды. Вытащил горсть американских монет и немного банкнотов — все, что у меня было. Деньги для медового месяца.

— Возьмите, — предложил. — На тот случай, если мне не повезет и я не вернусь. Это — на платье и за то, что вы хорошая девушка.

Полночь положила деньги на стол.

— Но я сделала это не ради денег. Действительно.

Я вспомнил ее слова:

— Знаю. Цветы на могилу.

— Послушайте, — уверяла она меня, показывая руки. — До тех пор, пока есть кассы магазинов, из которых можно черпать деньги, пока клиенты покупают мои цветы в кафе и показывают мне, как лежат кошельки, вы можете не беспокоиться за меня. Я справлюсь, как справлялась до сих пор.

— Вы никогда не попадете в рай.

Кубинка изобразила ужас от подобной мысли:

— Там, должно быть, ужасно скучно, вы не думаете?

— Хорошо, если не хотите этих денег, отложите их до моего возвращения и забудьте место, куда их положили.

Я прислушался, не появился ли кто-нибудь на лестнице. Открыл дверь и вышел на лестничную площадку. Но прежде чем закрыть дверь, посмотрел на кубинку.

Я не знал, увижу ее когда-нибудь или нет. Но чувствовал, что должен сказать что-то перед тем как уйти. И не знал что.

Женщина стояла между мной и свечой на фоне неярко пламени, которое формировало вокруг ее головы своеобразный ореол. Наверное, она была последним

человеком для ореола. А может быть, напротив, она была достойная его?

— Ну, до свидания! — проговорил.

Полночь что-то ответила по-испански. Думаю, вроде как:

— Ни пуха ни пера!

Я закрыл за собой дверь.

На лестнице опасности не было. Оставался выход на улицу. Рисковал натолкнуться на агента, подкарауливающего меня в переулке.

Я спускался по лестнице гораздо медленнее, чем поднимался, преследуемый агентами и светом фонарика. Выйдя из подъезда, осторожно выглянул наружу.

Улочка казалась пустой. Правда, она не просматривалась до перекрестка, но, на первый взгляд, на ней никого не было. Я не знал, как полицейские объяснили мое исчезновение. Возможно, они поверили в мое бегство по крыше. А иначе Акоста оставил бы, по крайней мере, двух своих человеку подъезда.

Я ступил в темную «кишку». Вот она, та точка, с которой начался мой побег. Прижался к стене и медленно двинулся вперед. Конечно, моя одежда пахла маслом, но и улочка воняла ужасно. Из двух этих запахов предпочтительнее был запах моей куртки.

Этот промежуток пути был наиболее опасным. Если вдруг встречу шпика, в этой узкой «кишке» мне его не обойти. Придется расходиться лицом к лицу, и тогда не избежать подозрения.

Очень скоро улочка посветлела, сказывалось освещение большого проспекта. Приближаясь к перекрестку, замедлил шаг. Дошел до угла и осторожно высунул нос.

И тут начались неприятности.

Я услышал, как кто-то сказал на ухо, точнее, почти в мой высунутый нос:

— *Hasta que hora nos quedamos aquí?*^[2]

Вначале показалось, что это обращаются ко мне, настолько близко и неожиданно прозвучал голос. Я повернулся к стене, прижался к ней, насколько возможно, и выглянул из-за угла. Мне чуть не стало плохо: человек был в полицейской форме. С минуту я не двигался. Когда все-таки решился переместиться, ситуация улучшилась ненамного. Но, во всяком случае, я понял, что обращаются не ко мне. Второй голос ответил:

— *Hasta que lo cogimos.*^[3]

Таким образом, вход в переулок охранялся двумя полицейскими. Я должен был предвидеть, что они не оставят без наблюдения всю зону. Мне только было непонятно, почему Полночь не предупредила о них. Впрочем, вполне возможно, агентов не было, когда она проходила, или их послали уже после ее возвращения.

Полицейские больше не разговаривали. Может быть, им надоела слезка, а возможно, у них не было желания беседовать. Совсем рядом послышался скрип обуви одного из них, и я испугался, что запах одежды выдаст меня.

Шаг за шагом я начал отступать, ощупывая ногой землю перед тем, как ступить. На третьем шаге почувствовал себя спокойнее и попятился уже более уверенно. Без шума, разумеется.

Я был блокирован. Можно попробовать выйти с другого конца переулка, но раз полицейские поставлены здесь, очень вероятно, что у того выхода меня ждет еще одна парочка. Если они не приняли столь элементарные меры безопасности, значит, с головой у них не все в порядке.

Но прежде чем решил, как лучше поступить, прежде чем снова добрался до двери, из которой вышел, я оказался в плену этой «кишки». Теперь меня блокировали сзади.

Я слышал приближающиеся шаги. По переулку кто-то шел, вдали смутно виднелась

фигура. «Зажат с двух сторон», — подумал. И не было никакой двери, куда можно было нырнуть. Я перешел на другую сторону улочки, но не пошел к перекрестку, где стояли два стража. Они бы обязательно остановили меня. Предпочел идти навстречу приближающимся шагам. Мне казалось, что по походке смогу определить, случайный это человек или он направляется именно ко мне. Если буду идти навстречу ему с опущенной головой, то, может быть, мне и удастся пройти мимо, не вызвав подозрения.

Расстояние между мной и неизвестным быстро сокращалось. И вот мы — друг перед другом. Еще шаг — и я пройду мимо. Еще шаг, и я в безопасности.

Это была женщина. До меня донесся запах духов, женщина коснулась меня ногой. Создалось впечатление, что в этом городе слишком много проституток.

В тот момент, когда поравнялись, она зацепила своей рукой мою. Получалось, что я неожиданно был остановлен девушкой и, если бы продолжил движение, вынужден был бы тащить ее, как на буксире.

Она сказала:

— Come le va, marinero?^[4]

В темноте плохо ее видел, хотя она и держалась за мою руку. Показалось, что глаза у нее закрыты.

Она еще что-то проговорила, я уловил слово «сорита».^[5] Может, просила угостить ее выпивкой?

И тут в голову пришла идея. Я не пытался больше освободить свою руку, напротив, повернулся к ней и обнял за шею.

— Хорошо, — сказал я. — Хочешь выпить? Иди ко мне, так... Нет, поближе, дорогая... Вот так, хорошо. Теперь мы пройдем с тобой за угол.

Кажется, она поняла фразу, сказанную на английском. Только где она его учила, одному богу известно.

— Вы правы, — согласилась спутница сердечно.

— Продолжай говорить, — попросил я. — Говори еще.

— Вы правы, вы правы, вы правы, — повторяла она как заводная.

Я с трудом продвигался вперед, так как крепко прижимал к себе девушку, и мне пришлось чуть ли не нести ее. В волосах у незнакомки был большой гребень, и он ей очень шел. К тому же, этот гребень почти полностью скрывал мое лицо именно с той стороны, где находились полицейские.

— Что ты хочешь? Вино, ром?

— Вы правы.

— Хорошо, — похвалил я ее, растягивая слова. — Поворачиваем.

Мы свернули за угол и, можно сказать, коснулись тех двоих. Прошли очень близко от них. К счастью, она была с той стороны. Агенты, один в гражданском, другой в форме, скучали, прислонившись к стене.

Я шел с девушкой неуверенным шагом, как будто достаточно выпил. Видно, она знала их обоих, и для нее важно было показать мне это. Впрочем, меня такой вариант тоже устраивал.

— Привет, ребята! — весело выпалила она, повернув к сыщикам голову. — Смотрите, кого я нашла! Видите?

Девушка говорила саркастическим тоном и, может быть, показывала им язык.

Наверное, перед этим они посмеивались над ней, что не нашла клиента.

Я ухмылялся вовсю, так, чтобы мое лицо стало менее узнаваемым. К счастью, эти двое агентов были не их тех, кто участвовал в погоне за мной.

Мы уже отошли на достаточное расстояние, но я продолжал играть свою роль.

Я прижимал незнакомку, пока не добрались до следующего перекрестка, где она вдруг обнаружила, что свободна, так как я удаляюсь от нее.

— Увидимся здесь, — сказал ей, указывая большим пальцем на место, куда пришли.

Девушка знала только одну фразу по-английски, но компенсировала ее потоком испанских фраз, брошенных мне в лицо.

— Вы правы, — поправил я ее.

Прежде чем пропасть у девушки из вида, я заметил, как она наклонилась, оглядываясь вокруг в поисках камня, чтобы бросить в меня. Теперь, когда вышел на одну из главных артерий города, мне надо было быть очень внимательным. Обстановка изменилась: здесь сильное освещение, не то что в переулках, отходящих в стороны. По сравнению с предыдущим мраком, свет просто ослеплял. Через каждые пятьдесят шагов стояла чугунная колонна, поддерживающая красивую кисть из пяти ламп с позолоченными шарами. Да и кафе со столиками, размещенными прямо на тротуарах, тоже давали много света.

Кафе я должен был обязательно избегать. Кто гарантирует, что здесь не находится один из агентов, знающих меня в лицо? Пройтись перед этими столиками — как подняться по трапу. Весь на виду. В течение получаса я понял факт, довольно неприятный для меня: Гавана никогда не спит. Говорят, Нью-Йорк никогда не спит, но по сравнению с Гаваной Нью-Йорк идет спать в десять вечера. Нужно побывать в тропиках, чтобы увидеть, как город может бодрствовать до утра. Ну что ж, у меня появился удобный случай оценить ночную жизнь Гаваны. Кроме кафе мне надо было остерегаться и трамваев. Вот двигается очередной, в голубом сиянии, рассеивая полумрак светом фар.

К несчастью, я не мог покинуть проспект, чтобы следовать по какой-нибудь другой, менее оживленной улице. Инструкция, данная Полночью, не позволяла отклоняться от выбранного маршрута, который сам по себе был достаточно сложный. Я отлично понимал, что, войдя в какую-нибудь поперечную улочку, определенно потеряю ориентир и потом не в состоянии буду вернуться назад. Гавана не разрезана на ровные квадраты, как Майами, ее улицы располагались довольно неравномерно.

Наконец-то полдела сделано! Никто не кричит мне вдогонку, никто не преследует. Я добрался до мраморной статуи, о которой предупреждала Полночь, и повернул в ту сторону, куда она мне сказала. С этого момента дела пойдут лучше, потому что освещение опять уменьшилось. Здесь было безопасней, чем на проспекте. Я находился в другой части города, противоположной китайскому кварталу. Теперь я все дальше уходил от пульсирующего сердца центра. Улицы были затемненные, воздух свеж, людей встречалось мало.

Путь был долгий, и я время от времени повторял в уме инструкции Полночи, проверяя себя, чтобы не ошибиться. Я был не очень образован и умен, но обладал хорошей памятью. Точнее сказать, механической памятью. Что однажды в голове отпечаталось, там и останется. Полночь дала основные ориентиры, чтобы найти улицу, не перегружая меня названиями, — их, между прочим, я не смог бы даже выговорить правильно, — но подчеркивая характерные детали, которые встречу на своем пути.

Ночь была теплой. Временами из порта долетал бриз, но он лишь вводил меня в заблуждение, потому что не нес прохладу. Было жарко. Главным образом, из-за ходьбы. Кроме того, непривычная одежда и пружинистая походка — неперенные особенности роли

моряка — утомляли меня.

И вот я добрался до цели. Прошел мимо маленького кинотеатра, который являлся последней отметкой, данной мне кубинкой. Он был пуст — время позднее. Вывеска «Чине» и различные афиши, приклеенные у входа с обеих сторон. Повернул в другую сторону и очутился на улице Калле Барриос.

Полночь не могла сказать точно, где находится студия-жилище фотографа, так как в «Слоппи» тоже точно не знали. С этого момента мне самому надо было искать дом.

Я медленно передвигался от двери к двери. Зажигал спичку перед каждой в поисках таблички или другого указателя. Так как нужный человек фотограф по профессии, то он обязан был иметь на двери вывеску.

Мне встречались различные таблички — дантиста, портнихи, даже менялы, но той, которую искал, не было.

Я закончил проверку одной стороны улицы и принялся за другую, следуя в обратном направлении. Однажды вынужден был остановиться — прямо на меня шел тип. Может, его заинтересовали мои поиски с помощью спичек? Дал ему пройти, и человек чуть не задел меня. Он посвистывал. Я слышал, как он удаляется и сворачивает за угол. Кто бы он ни был, я завидовал ему. У него не убили любимую женщину несколько часов тому назад. Он мог возвращаться домой посвистывая!

Пожав плечами, зажег еще одну спичку и осветил очередную вывеску. Пламя не успело еще разжечься, а я уже прочитал: «Campos. Retratos y Fotografos». Я узнал имя, которое называла мне Полночь, последнее слов оговорило о профессии. Это был человек, которого я искал! Под вывеской нарисована рука с пальцем, указывающим, где вход. Эта деталь показалась излишней, но каждый думает по-своему. Там же стоял маленький номер «3», означающий этаж.

Я потушил спичку и вошел в дом. Очевидно, свет здесь экономили и на ночь не включали. На ощупь нашел лестницу и начал медленно по ней подниматься. Насчитал две лестничные площадки, и когда дошел до следующей, понял, что прибыл на место. Ошибка исключалась — это был последний этаж.

Я зажег еще спичку, чтобы определить нужную дверь. Но и в этом не было трудностей: на площадку выходили две двери, одна из которых была дверью туалета. Не имело смысла открывать ее и заглядывать внутрь — чувствовалось и так.

Я повернулся к другой двери и, собрав мужество, постучал.

«Как смогу понять его? — подумал. — Может быть, он знает кое-что по-английски. Раз общается со многими людьми».

Я попытался вспомнить, произносил ли фотограф хоть слово по-английски, но так и не вспомнил. Слишком много событий произошло с тех пор.

Никто не ответил. Парень, наверное, видит первый сон. Я постучал снова, на этот раз сильнее.

С помощью денег мы бы лучше поняли друг друга — деньги говорят на любом языке. Но у меня их не было, все оставил Полночи. Ладно, если не будет получаться, у меня есть два хороших аргумента в виде кулаков. Придется убедить таким способом, если не удастся по-другому.

Он не просыпался, скотина! Тогда постучал посильнее и подольше. Попробовал открыть дверь, но она была заперта. Надежды никакой.

Я заколотил в дверь изо всей силы. Удары громыхали по всему спящему дому, создавая

эхо, и утихали только на мгновение, когда я переставал колотить.

Внизу открылась дверь, и женщина прокричала скрипучим голосом:

— Перестаньте!

Я остановился, раздумывая, стоит ли стучать еще. Решил, что надо прекратить. Если бы фотограф был дома, он бы уже встал. Женщина внизу опять вошла в свою квартиру, хлопнув дверью.

Несколько минут оставался в неподвижности, чтобы дать женщине время заснуть. Потом зажег спичку, исследовал замок и понял, что вскрыть его непросто. Но стоило ли подвергаться риску, чтобы вернуться с пустыми руками?

Над дверью имелось полукруглое окно из непрозрачного стекла. Я заметил, что рама стоит не вертикально, а слегка наклонена внутрь, как будто сломана. Может, попробовать открыть окно и пролезть через него?

Да, я должен попробовать во что бы то ни стало. Подпрыгнул и ударил по стеклу. Ничего. Я повторил операцию. Рама немного сдвинулась. Тогда, ухватившись руками за внешний обод окна, я поставил ногу на ручку двери и поднялся повыше. Толкнул плечом стекло, и рама довольно легко сдвинулась внутрь. Она была на петлях. Я открыл окно полностью. Поддерживая равновесие на ручке двери, попытался перебраться на другую сторону, но это оказалось не таким простым делом. Рисковал упасть и удариться головой, пораниться. Кроме того, грохот от падения мог встревожить соседку, которая, заинтересовавшись, могла подняться сюда.

Я подумал о внутреннем замке. Находясь в неудобной позиции — перевесившись через окно вниз головой, протянул руку и нащупал внутреннюю ручку. Нашел над ней маленький ключик и повернул его.

Теперь нужно спуститься опять к наружной стороне двери, но удалось это не сразу. Был момент, когда боялся провести остаток ночи в таком подвешенном положении. Наконец, с синяком на голове, я упал на ноги перед этой проклятой дверью. Повернул ручку и вошел в квартиру.

Невольно в памяти всплыл момент, когда я крадучись проник в комнату Полночи. Это было несколько часов назад. А может быть, прошел год? Правда, здесь темнее, не видно даже горящего уголька сигары.

Мне казалось, что я ослеп, что закрыт со всех сторон черными бархатными шторами. Мог только дышать.

Подумал, что фотограф должен находиться дома, раз дверь закрыта изнутри. Но тогда как объяснить, что он не слышал весь этот шум?

Хотел зажечь спичку, но потом отказался от этой затеи. Лучше включить освещение. Если хозяин квартиры занимался фотографией, значит, в доме есть электрический свет. Я повернулся и принялся шарить рукой по стене рядом с дверью. С одной стороны косяка и с другой. Выключателя не было.

Я сделал несколько шагов к центру комнаты. Что-то коснулось моего уха. На мгновение показалось — комар, повернул голову, и эта штука коснулась меня с другой стороны. Протянул руку и натолкнулся на что-то рукой. Это был выключатель, который я так долго искал. Свет хлынул прямо на мою голову, подобно ослепительному водопаду. Увидел, что держу в правой руке электрический шнур с выключателем.

После темноты на секунду ослеп. Потом оставил шнур и осмотрелся.

Но то, что увидел, мне не понравилось.

Я находился в маленькой комнатке-мансарде, типичном помещении посредственного фотографа. С одной стороны — стена нормальной, или почти нормальной, высоты, с другой — стена сокращена до полутора метров покатым потолком. В этом скошенном потолке — окно.

Окно, или слуховое окно, оказалось без стекла, лишь по краям рамы виднелись остатки. Через разбитое окно мерцали звезды. Внизу, на полу, рассыпаны осколки стекла. Все это означало нелегальное вторжение в дом. Как раз под окном стояло кресло, и это заставляло думать, что уходили также нелегально. Видно, кресло поставили там после того, как упало стекло, потому что на нем не было осколков.

Решить загадку не составляло большого труда. Кто-то с крыши разбил слуховое окно и спрыгнул сюда. Затем выбрался наружу тем же путем, пользуясь креслом, как лестницей.

Не было сомнений и в том, что произошла драка. Два кресла опрокинуты, и на одном даже сломаны две ножки. Переносная тренога фотографа покоилась на полу. Рядом валялся треснувший, с опустошенной внутренностью аппарат. Очевидно, кто-то вытаскивал пленку, а потом использовал его в качестве оружия.

Два портрета упали со стены, третий косо свисал с небольшого крюка.

Больше ничего примечательного в этой половине мансарды не находилось. Справа от меня свисал занавес, который отделял часть комнаты. Занавес был задернут, но как-то косо, как будто ему что-то мешало.

Я подошел к нему, отодвинул и заглянул внутрь. Там виднелся маленький прямоугольник пространства, который фотограф, вероятно, использовал как альков и как темную комнату для проявления снимков. Там же стояли раскладушка и тазик, достаточно объемный, чтобы служить для проявления негативов. Тазик был полон раствора, но снимков там не было. Что я и констатировал, пошарив рукой по дну.

В спальне по диагонали была протянута проволока; ею фотограф пользовался, чтобы развешивать негативы для просушки, как белье. На проволоке негативы не висели, зато пол был усеян этими скрученными кусочками целлулоида. Вероятно, кто-то в спешке просматривал их, а потом отбрасывал.

Не теряя времени, я тоже просмотрел один за другим все негативы, но тот, что искал, не нашел. Я быстро определил, была ли пропaja. На земле валялось восемь негативов, в то время как на проволоке висело девять прищепок для них. Итак, один негатив исчез... через слуховое окно.

И тем же путем пропал фотограф. По всей видимости, он спал на раскладушке, судя по тому, как сдвинуто легкое одеяло. Услышав шум разбитого стекла, он, должно быть, спрыгнул с постели.

Вероятно, у него не было времени одеться — пиджак, рубашка и галстук валялись на полу, мятые и растоптанные. Видно, его утащили отсюда прямо в ночной рубашке. Самое большое, ему дали время надеть брюки и туфли, прежде чем принудили следовать за незнакомцами на крышу. Я решил так потому, что не было вокруг ни туфель, ни брюк.

Должно быть, фотограф не хотел идти. Обстановка в комнате говорила о том, что он оказывал сопротивление. Может быть, в конце концов, потерял сознание, и они его унесли. Я заметил пятно крови на простыне, висящей рядом с занавеской. Попробовал пальцем

пятно, оно было влажным. Итак, вторжение произошло немного раньше моего. Соперники ударили меня ниже пояса.

Фотограф защищался. А может, я просто приписал ему эту заслугу?

Я медленно вышел за дверь. Потом вернулся и выключил свет. Мансарда погрузилась в темноту, в какой находилась, когда сюда вошел.

Так испарилась единственная моя надежда спастись. Я закрыл за собой дверь и спустился по темной лестнице.

На обратном пути через город я не раз спрашивал себя, почему иду назад. Зачем опять беспокоить Полночь? Я не намерен делать этого. Несколько раз пробовал отклониться от маршрута, отпечатанного в памяти, по направлению к морю, но соблазн оставался непреодолим. Странно, как вода и берег моря притягивают, когда находишься в скверном состоянии и не знаешь, что делать дальше, где преклонить голову.

Но я отбрасывал подобное желание и держался подальше от моря и порта, потому что полицейские были в курсе этого притяжения. Они отлично знали, что эти места манят тех, кого разыскивают. Конечно же, они следят за портом и его окрестностями.

Поэтому я продолжал путь по указанной улице, но теперь уже в обратном направлении. Обратный путь не казался трудным, как некоторое время назад. Может быть, потому, что дорога была известна, и это внушало доверие. А возможно, сейчас я был индифферентен к случайному аресту. Исчезло доказательство, на которое рассчитывал, меня охватила глубокая депрессия. Я вернулся в ту точку, из которой начал.

В кафе уже не было такого оживления, уменьшилось освещение. Становилось поздно даже для города, привычного к ночной жизни. Какое-то кафе было уже закрыто, в другом официанты укладывали штабелями стулья и столы. Трамваи тоже проходили реже.

Ко мне подошел цветущий на вид негр в белом костюме. Он что-то спросил. Вопрос безобидный, думаю, судя по его спокойному лицу, но я не понял. Заметил только, что такое черное в яркой белой одежде казалось негативом фотографии. Очевидно, после случившегося негативы становились идеей-фикс в моем уме. Он повторил вопрос, но после того как я показал, что не понимаю, бросил это занятие и пошел искать кого-нибудь другого. Кто знает, может, он просто спросил спичку, но я все равно старался не очень выпячивать свое лицо. Это был единственный инцидент, который произошел со мной на обратном пути.

Не заметил и двух агентов, контролирующих вход в переулок. Я бы увидел их на расстоянии, несмотря на слабое освещение. Не было двух теней на углу. Они могли прятаться в переулке, но я сомневался. Агент редко постоянно стоит на одном месте, если только не получит новый приказ.

Я свернул за угол и также не заметил подозрительных теней. «Нужно быть бдительным, — подумал. — Пауза не повредит».

Остаток пути оказался легким. Я нашел вход, поднялся по лестнице и постучал, как договаривались, чтобы Полночь меня узнала. Ей понадобилось несколько минут, чтобы подойти и открыть дверь. Вот мы опять в первоначальной точке: стоим у входа в комнату.

Наверное, кубинка прочитала о крахе надежд на моем лице.

— Mala suerte?^[6] — пробормотала она.

— Если хотите сказать, что я ничего не сделал, то вы неправы. — Я слегка притронулся рукой к козырьку фуражки.

Мы стояли, прислонившись к косяку.

— Ну, входите, чего ждете?

— А что мне там делать?

— А что вы будете делать в дверях?

Я медленно шагнул через порог. Полночь подошла к двери и закрыла ее за мной.

— Кто-то опередил меня, — сухо произнес. — И забрал не только негатив, но и

фотографа.

— Sarajo,^[7] — вполголоса ругнулась она.

— Вы правы, — согласился я. — Это фактически доказательство. Значит, на фотографии было то, что могло меня спасти. Иначе, они не устроили бы погром в студии фотографа, чтобы завладеть негативом. Кстати, преодолевая немалые трудности. Они похитили фотографа, потому что бедняга уже проявил негатив и, вероятно, видел кое-что. Если бы это было не так, то злоумышленники просто оглушили бы его и оставили лежать в мансарде. Сцена, которая проявилась на негативе, отпечаталась у него в мозгу. Вот почему они унесли фото и фотографа. Жаль, что ко мне эта идея пришла с опозданием. Мог прийти туда раньше и взять негатив!

Я отодвинул ее руку и собрался снова открыть дверь. Хотел уйти.

Женщина не пускала.

— Вы не уйдете.

— А что мне остается делать? Не могу же расположиться здесь до конца жизни в ожидании еще одного визита полиции.

— Что вас смущает? Бойтесь скомпрометировать меня? — с горечью проговорила Полночь. — Только «честные люди», те, у которых все гладко, могут думать, что мужчина и женщина ночью, под одной крышей, обязательно ложатся вместе в одну постель. Мы, «mala»,^[8] сделаны из другого теста. Однажды, в Новом Орлеане, я тридцать дней провела в одной комнате с таким же, как вы. Никто из нас не мог выйти, и могу сказать, что мы вели себя лучше многих богатых из Ведадо, у которых апартаменты в тридцать комнат. Мы были заняты слежкой за шпиками, а не тем, чтобы смотреть за собой, одеты мы или нет. Здесь есть кровать и есть пол. Что нам нужно? Нас всего двое.

Кубинка подвела меня к кровати.

Мы сели.

— По крайней мере, вы проведете здесь ночь.

— Они будут искать меня сотню, тысячу ночей. Как я могу, оставаясь здесь, доказать свою невиновность?

Полночь посмотрела мне в глаза.

— Вижу, вам многое нужно растолковывать, чтобы дошло. Вы, северяне, не рассуждаете так прямо, как мы; предпочитаете кривые дорожки. — Она по-приятельски ударила два раза по моей груди тыльной стороной ладони. — У вас есть одна возможность, она не пропала. Эту возможность вы имели и тогда, когда отправились искать фотографию. Только теперь вместо негатива должны найти фотографа!

— Одни слова! — возразил я.

Полночь попыталась проиллюстрировать свою правоту жестами.

— Что легче отыскать, человека среднего роста или маленький негатив, который можно засунуть в карман? Неужели вы не понимаете, «hombre»,^[9] что они, наконец, выдали себя? Теперь, исходя из факта похищения фотографа, вы можете сделать вывод, что он знал об убийстве и мог вам помочь. Он что-то увидел на негативе, когда проявлял. Сейчас можете надеяться на большее. Вы знаете гораздо больше, чем знали раньше.

— Конечно. Настолько больше, что не имею представления, что с ним делать! — скептически отозвался я.

— Теперь вы уверены, а раньше уверенности не было. Считайте, что видели негатив собственными глазами, — настаивала кубинка.

Нить ее рассуждений ускользала от меня. Я не совсем понимал, куда она ведет.

— Хорошо, я знаю. Но полиция не знает. Убедить меня нетрудно, я жене считаю себя виновным. Необходимо полицию убедить в моей невиновности, а не меня.

— Я знаю способ, как заставить преступников раскрыться, показать полиции, что они виновны. Так же, как они показали это вам. Существует такая возможность. Все зависит от того, готовы ли вы рискнуть своей жизнью при ставке десять против одного.

Я коротко рассмеялся.

— Поднимите выше, учитывая риск. Двадцать против одного. Двадцать пять против одного. Такое вас устроит? И какое значение имеет моя жизнь теперь, когда я потерял Еву? Я не цепляюсь за жизнь.

Полночь одобрительно положила руку мне на плечо.

— Хорошо сказано, чико! Убедительно. Теперь вижу, что вы в порядке.

— Я рад, что наши взгляды совпадают. Так что у вас за идея? — спросил я. — Говорите.

— Вот она. Преступники должны схватить вас так же, как схватили фотографа. Вы должны попасть им в руки, но так, чтобы это казалось случайным, а не намеренным.

— Не понимаю. Они тут же передадут меня полиции. Как раз от этого я убегаю уже в течение нескольких часов.

— Нет, они не сделают этого! Разве вы не понимаете, чико, что теперь они уже не могут это сделать? Теперь уже вы знаете, где фотограф. Преступники схватили его, чтобы заставить замолчать. Вы можете доказать, что фотографа убрали, его нет. Никто не может отрицать этот факт, потому что фотограф существовал, вы его не выдумали. А где он сейчас? С ним все хорошо? Значит, даже если вы не в состоянии доказать свою невиновность, вы можете обвинить их в преступлении. Вина за это преступление падет на них, и они это хорошо знают, поверьте мне. Если попадете им в руки определенным образом, то полиция наверняка вас не увидит. Точнее сказать, не увидит вас живым. — Она сняла с моего плеча воображаемую пылинку. — Вы слушаете меня?

— Конечно! Мы дошли до пункта, что живым меня не найдут. Но это решение кажется не слишком изобретательным. Чтобы умереть, я могу перерезать себе горло и здесь. Так будет быстрее.

— Подождите минутку, — проговорила Полночь снисходительным тоном. — Не запугывайте. Они не могут освободить фотографа, потому что он расскажет полиции о фото. Схватив вас, они не дадут вам уйти, потому что вы расскажете полиции о фотографе. Claro, [\[10\]](#) а?

— Да, claro, — признался я. — Но почему думаете, что фотограф все еще жив? Если вы считаете, что тот, кто попал им в руки, больше ничего не скажет, значит, и с фотографом они поступили так же. У них есть такие же мотивы убрать его с дороги.

— По-моему, он еще жив, — ответила Полночь. — Я думаю, в студии преступники его не убили. Какой им смысл тащить за собой труп, да еще таким необычным способом. Они бы убили его в студии и там бросили. — Кубинка сделала быстрое движение рукой, держащей воображаемое лезвие в верхней части горла. — Значит, он был еще жив, когда тащили его с собой. Сколько времени он останется жив? Вот в чем вопрос. Либо они намерены избавиться от свидетеля за городом, в таком месте, где труп обнаружат не слишком быстро, либо собираются бросить его в океан, где труп не найдут.

— И есть основание полагать, что если я попаду им в руки, мне уготована та же участь, да? Это вы сами придумали? — с иронической усмешкой произнес я.

— Это только первая часть моей идеи. За ней немедленно следует вторая, как говорят китайцы. А если не последует, то будет плохо для вас. Потому я оценила ваш риск как десять к одному. Итак, первая часть: вы попадаете им в руки, и они решили вас убрать. Часть вторая: вы и они, вся их шайка, в итоге попадают в руки полиции, которая узнает правду. Здесь полиции не надо много трудиться, чтобы прояснить дело. Виновные сами выдадут себя. Кто вас похитил? Кто пытается заставить замолчать фотографа? Вы хотели устранить их или они собирались убрать вас? Не забывайте, в руках у этих типов оказались два свидетеля — вы и фотограф, — и они хотели вас убрать. А это очевидный признак того, что они что-то прячут. Вы же, напротив, ничего не прячете. Ну, что скажете? Как вам мои рассуждения, а?

— Прекрасно. Я нашел, как обеспечить себе приятное времяпрепровождение на весь субботний вечерок, точнее, на всю оставшуюся ночь.

Полночь с упреком подняла руки.

— Это единственный путь, который вам остается. Но почему вы так к нему относитесь? Если есть что-то лучшее, говорите.

— Да, это единственный путь, который мне остается, — признался я. — Но поймите меня правильно. Я не пытаюсь увилить. — Поднялся с кровати. — Я готов подвергнуться риску десять против одного. Мне это подходит. Буду рисковать и при пятидесяти против одного. Лишь спрашиваю себя: удастся ли этот трюк?

— Почему он не должен удастся? — живо отреагировала женщина.

— Начнем с главного. Итак, первая фаза: я попадаю им в руки. Однако скажите мне, как, черт возьми, я найду их, когда не знаю даже, кто они и где прячутся? Объясните, куда нужно идти, чтобы попасть им в руки? Я что, должен гулять всю ночь, а на спине у меня будет написано: «Я ищу вас, чтобы вы меня похитили»?

— Это неостроумно, — сделала замечание Полночь.

— Не буду знать, даже если и встречу их, — пробормотал я. — А кто их знает, в конце концов?

— Замолчите! — Полночь вытащила окурок сигары и, наклонившись над пламенем свечи, принялась его раскуривать. — Любую вещь, собранную из разных кусков, можно разобрать. Эта искусная ловушка была сооружена против вас. Задача состоит в том, чтобы найти швы и разделить на куски. Если возьмемся за это дело, у нас может получиться.

— Что нужно сделать? — согласился я без энтузиазма.

— Начнем с жирного китайца, Тио Чина. Без сомнения, он участвовал в этом деле. Первоисточник неприятностей — его лавка. Вы с Евой были направлены туда намеренно. Китаец подсунул вам не тот кинжал, написал неправильную квитанцию, в общем, сдал вас полиции.

— Да я шкуру с него спущу! — воскликнул. — Действительно, почему я все еще здесь? Почему раньше об этом не подумал? Мне нужно найти его!

— Успокойтесь! — сказала кубинка. — Вломиться в его лавку и разбить там все — не принесет вам никакой пользы. Китаец начнет визжать, как недорезанный поросенок, прибежит полиция и арестует вас. Так опять вернетесь в свой первоначальный пункт.

— Кажется, что сейчас вы противоречите себе, Полночь. Совсем недавно говорили, что преступники схватят меня и ни в коем случае не отдадут полиции!

— Конечно, если похитят вас при других обстоятельствах. Они вас уберут, если будут убеждены, что действуете из хороших побуждений. Вы не должны вызвать у них подозрения,

черт возьми! Они вас не похитят, если влезете в лавку и побьете китайца. Ведь Тио Чин наверняка действовал не один, он работал от имени кого-то другого. Он же вас раньше никогда не видел, так по какой причине сделал вас виновным? Ответ один: за спиной у него кто-то есть.

— Понятно! Это снова переносит нас назад, во Флориду. Если китаец действовал из плохих побуждений, — а есть все основания верить этому, — значит, он должен работать на Романа.

— Да. Но теперь вам нужно выявить связь между этими двумя людьми. Именно здесь, в этой конструкции, видно соединение. Может, теперь найдем место, где они должны вас похитить?

Я надвинул фуражку на лоб.

— Ну вот, я задаюсь вопросом: что может быть общего у делового человека, владельца ночных баров, такого, как Роман, и китайского торговца в Гаване? Китаец здесь продает сувениры и антиквариат из Китая. Вещи, которые не годятся Роману для дела. Я не видел ничего китайского в его апартаментах. Там, наоборот, все наисовременнейшее. Однако эти двое должны иметь какие-то общие интересы.

— Вы возили хозяина на машине и ничего не знали о его делах? Что было главным источником его доходов?

— Я возил его в ночные рестораны и по разным местам, но в пределах города.

— Он никогда не уезжал? Может, на север, когда рестораны закрыты?

— Нет, он оставался там круглый год.

— Тогда Роман жил не только с доходов ночных баров, которые в Майами сезонные, — работают в дачный период и все. Остальные девять месяцев в году хозяин делал деньги другим способом.

— Об этом мне неизвестно, — признался я. — Если и была какая-то торговля, то она велась в пределах виллы, его кабинета. Я же все время находился снаружи, за рулем машины.

— Но миссис тоже ездила в машине и была его женой. Она вам ничего не говорила?

— Она, бедняжка, знала столько, сколько и я. Получала свою часть прибыли в виде бриллиантов, но я не верю, чтобы ей было что-то известно о делах Романа.

— Лично для меня это не достижение. Я очень любопытна, понимаете?

— Наверное, Роман действовал осмотрительно.

— Но ведь какие-то комментарии Ева делала по этому поводу, даже если не знала о делах мужа. Каждая женщина рассказывает мужчине, которого любит, все о мужчине, которого не любит. Такова женская натура. Значит постарайтесь вспомнить, что она вам говорила, находясь с вами наедине. Напрягите память.

Я вспомнил те утренние часы, когда мы убегали по аллее как можно дальше от виллы, чтобы никто не увидел, как мы целуемся. И вот неожиданно в памяти всплыло одно слово.

— Что такое «гуава»? — вырвалось у меня.

— При чем здесь это? Объясните.

— Сначала ответьте.

— Это фруктовая паста. Твердая, как резина.

— Так вот, однажды Ева меня спросила, что такое «гуава», так же, как и я вас спросил. Но я не знал. Она слышала слово «гуава» от мужа и наследующее утро сказала об этом мне, когда мы находились рядышком в машине.

Похоже, Полночь не интересовали наши любовные похождения.

— Por supuesto, ^[11] — сказала она. — Продолжайте.

— При каждой нашей встрече Ева рассказывала обо всех маленьких событиях, случившихся днем или двумя днями раньше. События были незначительные, но она все равно рассказывала о них.

Полночь сделала нетерпеливый жест.

— Хорошо, поподробнее об этом случае. Может, вы вспомните детали, которые нам помогут, — согласилась кубинка.

— Одну минутку, попробую вспомнить... Так, она сказала, что ночью зазвонил телефон и она проснулась. Было четыре утра... представляете! Телефон стоял на ночном столике, рядом с его кроватью. Роман поднял трубку, и она услышала, как он сказал: «Подождите секунду. Я спущусь вниз, чтобы поговорить с вами из кабинета». Потом он надел халат и спустился вниз, хотя прекрасно мог разговаривать, находясь в постели. Шум, который шел из не положенной трубки, раздражал Еву. И она, полусонная, перевернулась на другую сторону, чтобы положить трубку на место. На мгновение она поднесла трубку к уху, чтобы узнать, разговаривает ли муж внизу. Так она услышала отрывок деловой беседы.

— И что она услышала?

— Буквально несколько фраз. Роман говорил с человеком, который, очевидно, работал на него. Тот сказал следующее: «Но я не могу держать катер всю ночь. Я должен ее выгрузить куда-то». Роман обругал этого человека. Он казался расстроенным оттого, что не знал о задержке. Ева услышала, как муж проворчал: «Почему не выгрузили вчера, как мы договаривались? Теперь у нас могут быть неприятности. Мне нужно посылать другой грузовик за товаром». Человек ответил: «Я здесь ни при чем. У того шефа были трудности». Роман размышлял минуту, потом Ева услышала, как он произнес: «Ладно, то, что выгружено, оставьте там, где есть. Я пошлю грузовик как можно быстрее. Сколько ящиков гуавы прибыло?» Второй ответил: «Пять дюжин: три и две». Больше она не услышала ничего. Положила трубку и притворилась спящей. Ева пересказала эпизод, не придавая ему значения. Да и я особенно в него не вникал.

— Должно быть, речь шла о контрабанде.

Я согласился.

— Ночь, катер, пустынное место на берегу. Роман срочно посылает грузовик, чтобы получить товар. Какой вид имеет гуава? Как ее продают?

— Гуаву покупают в бакалейных лавках в стандартных формах. Раскладывают слоями в деревянных ящичках, такой формы, как и ящички для сигар. Размером не выше пяти сантиметров. — И Полночь показала руками нечто продолговатое.

— Не понимаю. В своих ночных барах... Роман не мог сбить такой товар, как фруктовый желатин!

— Потом, за гуаву не платят таможенную пошлину... Следовательно, никто не подумает перевозить ее контрабандой, — заметила Полночь. — Должно быть, речь идет о чем-то другом.

— Да, но о чем? Тогда у меня мелькнула мысль, что речь идет о роме, который ввозят тайно. Но теперь, когда вы описали гуаву, это исключено. Ром перевозят в емкостях, а не в плоских шкатулках! Кроме того, в это время года контрабанда спиртным не приносит большого дохода... А Роман дней через десять после того разговора подарил жене прекрасный браслет, украшенный бриллиантами. Имел ли подарок отношение к телефонному разговору, я не знаю. Знаю, что Ева не любила этот браслет...

— Значит, дело прошло успешно, — подчеркнула Полночь. — Но это слишком большая прибыль, если речь шла об алкоголе. Подумайте, сконцентрируйтесь, попробуйте, может быть, вам удастся понять, что имелось в виду.

Не знаю, сколько времени я потратил на поиск решения этой загадки. Много перебрал в уме, но ничто не ассоциировалось у меня с маленькими ящичками, по форме напоминающими те, в которых хранятся сигары.

До меня донесся неприятный запах, и я тряхнул головой. Потом повел носом и поинтересовался:

— Какой запах! Что это?

Это был тот самый резкий запах, который вызвал у меня раздражение, когда сидел один, ожидая прихода кубинки. Но почему я его опять почувствовал? Может, у меня с обонянием было что-то не в порядке, а теперь оно вернулось? Запах жженных перьев и не добродивших дрожжей.

— Это оттуда, от него, — кубинка показала большим пальцем на стену у себя за спиной. На стену, которая разделяла ее комнату и лачугу китайца. Послышалось нечто похожее на стон во сне. Потом легкий шорох, и больше ничего. — Не обращайтесь внимания. Вероятно, он затянулся опиумом. Этим он занимается частенько...

Полночь резко оборвала себя и уставилась на меня. Я, в свою очередь, тоже смотрел на кубинку. Это было озарение, которое неизвестно по каким каналам приходит к двум людям одновременно.

— Вот что это было! — воскликнула Полночь и щелкнула пальцами.

Я понял, что она имела в виду.

— Опиум, сырой опиум, покрытый слоем гуавы! А может быть, спрятан между двумя слоями, в тех самых ящичках, о которых вы говорили! Так вот он, источник доходов! Тысяча процентов прибыли — на каждый кусок. Десять тысяч процентов!

— Вот и связь с Чином. Китаец ввозит с Востока антиквариат и предметы искусства — вазы и разные шкатулки. Держу пари, что для этой цели они имеют двойное дно, которое веществом и заполняется. Потом он отправляет опиум клиенту. Так легче осуществлять торговлю. Если бы опиум приходил из Китая в шкатулках, риск был бы большой. Чин является... как это сказать по-английски?

— Посредником.

Я подумал о Еве. Неудивительно, что она ненавидела драгоценности Романа. Неудивительно, что хотела бросить их в воду вчера вечером, когда катер перевозил нас на берег. Конечно, она не знала о тайных делах мужа, в этом я уверен. Но инстинкт говорил ей, что есть грязь на этих бриллиантах. Ева чувствовала это и потому так сильно ненавидела их. Я вспомнил, как она говорила, что эти камни шепчут ей по ночам жалобными голосами. Голосами потерянных душ, ушедших в ад.

Я оторвал руку от глаз, открыл их. Полночь направлялась к двери. Она наклонилась, подняла юбку и пошарила в подвязке. Потом опустила юбку.

— Теперь знаю, как использовать ваши деньги!

Я понял, куда она собралась идти, понял, что хочет сделать с деньгами.

— Но люди в наркотическом дурмане не разговаривают, они вас не поймут.

Полночь помахала банкнотой.

— Это заставит говорить даже когда торчки находятся в нирване. Я несу ему запас новых снов.

Полночь недолго пробыла в соседней комнате. Видно, ей пришлось здорово попотеть, чтобы добиться успеха. Даже не знаю, как ей это удалось. Очевидно, кубинка уже имела в этом деле практику. Потому что непростое это дело — вернуть на землю человека, одурманенного парами мака. Может, ей помогло женское чутье, подсказывающее, что надо делать. Ведь каждая женщина инстинктивно чувствует, как надо ухаживать за больным, даже не пройдя курсов медсестер. Таки Полночь знала, как следует обращаться с наркоманами, хотя этому ее никто не учил.

Я слышал через стену практически все ее настойчивые попытки вывести несчастного из бесчувственного состояния. Временами у меня кровь застывала в жилах, но это бывает, когда воображение дополняет то, чего мы не понимаем.

Сначала я слышал только голос Полночи — монотонный, настойчивый, автоматически повторяющий одни и те же фразы. Иногда она останавливалась, но потом снова принималась за свое. «Может быть, женщина говорит на ухо китайцу», — подумал я. И тут же отогнал от себя видение, которое напомнило его отталкивающий вид. Голос в соседней комнате перешел на повышенный тон, стал резким, временами почти истеричным. Может, она побуждала его проснуться пинками.

Потом, я услышал звук тазика или металлического бака и шум воды, льющейся в другой бак, более маленький. Прошло несколько минут. И опять голос продолжил механически, как сломанная пластинка, повторять одну и ту же фразу. Потом снова шум воды, мягкий шорох, как будто мочили тряпку, и ватный звук похлопывания. Наверное, Полночь стегала по телу китайца полотенцем, смоченным в воде.

Теперь ее голос прерывался стонами и бормотаниями того, кто был почти призраком. Затем опять лишь понукания Полночи. Наконец я услышал грохот, как будто кто-то из стоячего или сидячего положения упал замертво.

Мое сердце сжалось.

Удары стали более резкими, как от хлыста; вероятно, кубинка уже била наркомана не мокрым полотенцем, а тыльной стороной ладони.

Вдруг наступила тишина, и почти тут же распахнулась дверь комнаты. Появилась Полночь. Лицо покрыто капельками пота, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Мне почти удалось! Но он снова от меня ускользнул. Быстро дайте сигарету.

Я не понял, до меня всегда доходило с опозданием. По глупости подумал, что женщина хочет сигарету для себя. Кубинка почти вырвала ее у меня из рук, сунула в рот, наклонилась над свечой и убежала, оставив в воздухе немного голубоватого дымка.

Только после того как Полночь ушла, я понял все. Кубинка не курила сигарет, она мне уже говорила. Она курила сигары. Но, вероятно, окурочек сигары был слишком большим для того, что она задумала...

«Как бы не сойти с ума, когда услышу эти звуки», — подумал я и принялся ходить взад-вперед по комнате.

Крик, который донесся из-за стены, был душераздирающим. Меня передернуло. Я попытался представить себе сцену, но не мог поверить, что возможно столько времени держать сигарету прижатой к телу человека.

Однако, как я понял, Полночь получила желаемый эффект, потому что с этого момента

из-за стены были слышны два разных бормочущих голоса. Естественно, ей нужно время. Полночи нужно хорошо потрудиться, чтобы убедить китайца. Но деньги помогут! Деньги быстро могут завоевать доверие кого бы то ни было.

Наконец Полночь вернулась ко мне. Она шла шатаясь, с видом человека, который с высоты звездного неба случайно бросил взгляд в темную глубину ада и не успел быстро его отвести. У нее стучали зубы, когда закрывала дверь.

— Я бы предпочла умереть, — сказала женщина. Содрогнулась и натянула края шали на грудь, несмотря на то, что ночь была теплой. — Господи, как бы мне хотелось сейчас глоток *aguardiente*!^[12] — кубинка упала на кровать, закрыв руками голову.

— Вам нужно было оставить его мне.

Полночь взмахнула руками, не поворачиваясь.

— Вы не понимаете, он вполне мог выйти из себя и воткнуть вам нож в живот, увидев ваше лицо. Они пугаются «янки» больше, чем кубинцев.

Я промолчал. Пусть придет в себя. Я смотрел на нее и думал: «Оказывается, даже в навозной яме, в отбросах можно найти золото. Женщина сделала все это для меня, для человека, о котором несколько часов назад представления не имела. Почему? Какая ей выгода? Да, можно найти золото, где его меньше всего ожидаешь!»

Полночь подняла голову.

— Это действительно Тио Чин, — тихо проговорила она. — Я поняла по описанию места, которое он обрисовал. Он никогда не видел Тио Чина, но нетрудно сложить два и два. Лавка находится рядом. Место, куда они ходят, это подвал под названием «Мама Инес». Находится на соседней улице, но тыльной стороной стоит как раз напротив лавки. Я знаю это место, потому что бывала там. Не существует никакой мамы Инес, это только вывеска. Нечто среднее между столовой и закусочной. В теплые ночи оттуда запах опиума доходит до угла.

— И вы верите, что я смогу обнаружить что-то, если пойду туда?

— Нет, — сухо ответила кубинка.

— Но тогда к чему?..

— Вы пойдете с ним. Это уже совсем другое дело.

— Привлекательная перспектива. Хотите сказать, что мне нужно купить трубку и...

— Послушайте, в этом кругу торговцев нет дураков. Вы думаете, они примут постороннего только потому, что он представится, протянув записку: меня послал такой-то? Считаете, что с этим клочком бумаги они позволят вам бродить где попало?

— Хорошо. Я вхожу в забегаловку, и меня берут.

— Разве это не то, что мы хотели?

— Да, но мы дошли до пункта, где я попадаю в руки преступников. Это первая часть. А что делать дальше? Как осуществить вторую часть? Каким образом на сцену выйдут полицейские? Если я буду схвачен, то уже ничего не смогу сделать.

— А я? Вы думаете, что останусь здесь, буду сидеть и молиться? Я последую за вами до самого притона. На расстоянии, естественно. После того как вы войдете, буду ждать вас в переулке. Одинокая девушка на улице ночью — нет ничего необычного для этого района.

— Но как вы узнаете что-нибудь? Я не смогу связаться с вами. Если дам сигнал прежде чем они меня возьмут, это будет слишком рано. А если подожду, когда меня возьмут, то не смогу предупредить вас.

— Мы должны выработать надежную систему. А что, если я подожду немного после

того, как вы войдете в притон?

— Часа, наверное, будет достаточно, если они намерены схватить меня. Теперь еще одно. Вы уверены, что полиция послушает вас?

— Агенты? Конечно, меня послушают. Но я не собираюсь болтать с ними. Не стану говорить, что вы невиновны и что преступники похитили вас. Я скажу, что вас можно найти в «Мама Инес», что видела, как вы туда вошли. Они же ищут вас. Придут тут же, не задавая вопросов. В общем, донесу на вас в надежде, что получу вознаграждение за информацию. А уже войдя, сыщики обнаружат остальное.

— Хорошо задумано. Но как я узнаю, когда пройдет час. У меня нет часов.

— И у меня нет. Будете отсчитывать приблизительно. Никогда не пробовали? Это легко. Удастся почувствовать время с точностью часов.

Я не мог удержаться от смеха при мысли, которая пришла в голову.

— Предположим, что час окажется для меня более длинным, чем для вас, тогда свидание не состоится...

— Перестаньте! — угрюмо прервала кубинка. — Не время шутить. Там, в притоне, все может кончиться плохо для вас.

Я двинулся к двери.

— Сейчас придет ваш гид. Он проводит и покажет, что надо делать. Иначе вам не переступить порог этой забегаловки. Вы белый, а они мало верят таким.

Я поежился.

— Скажите, а мне тоже надо будет курить?

— Вам лучше не пробовать «гуаву», если хотите отсчитывать время. От этой штуки вы потеряете ощущение: минута кажется часом, а час может показаться минутой. Думаю, вам нетрудно будет притвориться курящим.

Полночь посмотрела на меня с симпатией.

— Вы не боитесь?

— Конечно боюсь, — раздраженно ответил я. — Вы думаете, что я кукла деревянная? Но добуду доказательства во что бы то ни стало.

— Рада, что признались, — проговорила она. — Если бы заявили, что не боитесь, я бы посчитала вас лгуном. А мне не нравится, когда мои друзья лгут. Я сама не очень хорошая, но честная. Тоже боюсь... за вас. Но свою роль сыграю. — Женщина пожала плечами. — И не забывайте, через сто лет все это не будет иметь значения. А теперь вам надо идти... а то как бы китаец снова не впал в бесчувственное состояние. Тогда мне опять придется его будить. — Она поспешно вытащила доллары и протянула их мне. — Возьмите, они вам пригодятся.

Я с благодарностью посмотрел на кубинку. Она продумала все.

На прощание Полночь сказала:

— На улице не оглядывайтесь, я буду позади вас.

Женщина открыла дверь. При свете передо мной предстала ужасная фигура китайца. Казалось, он должен исчезнуть как дым, но не исчезал.

— Куон, вот мой друг. Я сказала ему, что вы его проведете.

«Труп» не ответил, только посмотрел на меня. Не могу сказать, видел он меня или нет.

На прощание Полночь произнесла:

— Когда проснетесь, вернитесь и найдите меня, — выпалила это и закрыла дверь.

Я сделал знак китайцу пройти вперед. Не очень-то хотелось, чтобы он падал на меня с

лестницы.

На выходе из подъезда Куон остановился в дверях и, казалось, врос в землю. Весь его вид говорил о нежелании выходить на улицу. Я залез в карман и положил ему в руку доллар, который моментально исчез в складках его курточки. Китаец сдвинулся. Ага, приятель хотел, чтобы его «смазали».

Мы дошли до начала переулка и свернули в сторону. Тут наркоман обратился ко мне на плохом английском, не поворачивая головы:

— Давно знаете Полночь?

Я понял, что надо быть настороже. Он не такой дурак, как кажется, этот приятель!

— Да, когда работал в порту. Я знал ее мужа. Был их другом.

Должно быть, я ответил хорошо, потому что напарник одобрительно кивнул:

— Он живет в ней. Полночь не для легкой любви. Это знает вся улица.

Выйдя из переулка, повернули в противоположную сторону от той, куда сворачивал я в свой предыдущий выход. Мы были непохожими людьми — моряк и сторбленный «призрак». У нас были разные цели, но шли мы в одно и то же место.

На улице было темновато.

— Вы никогда не «спали» до сих пор, — произнес наркоман с уверенностью, не глядя на меня. — Даже представления не имеете ни о чем подобном.

Мне сжало горло.

— Да, решил начать сегодня ночью. Жизнь трудна, и я хочу забыться.

Он пожал плечами.

— Вы заплатили.

Мы вошли в другую улочку, несколько шире и немного прямее переулка, где жила Полночь. В глубине, на входе одного из домов виднелись светящиеся вертикальные полосы. Это свет проникал сквозь щели между бамбуковыми палочками, которые висели в дверном проеме, образуя своего рода ширму.

Прежде чем подошли к этому дому, напоминающему антикварную лавку Чина, я понял, что мы у цели. Притон — здесь. Дрожь пробежала по спине.

Мрачная узкая улочка шла немного под горку, и мне казалось, что она ведет меня сквозь ночь к последней пристани, в пропасть без дна.

Мы остановились у входа. Свет в полоску и нас сделал полосатыми. Куон вытянул свою руку скелета и раздвинул ширму, давая мне проход.

Только на секунду я был как бы разрезан с ног до головы яркими светящимися полосами. Придерживая гибкую ширму, вошел внутрь.

Это был ночной бар. Ничего подобного, уверяю вас, я еще никогда не видел. Кипящий котел с миазмами, проклятиями и богохульством. Снаружи, хотя и в грязном вонючем переулке, была ясная ночь, здесь же все казалось окутанным паром, освещенным снизу. И сквозь эти испарения любая вещь смотрелась расплывчатой, размытой.

Бедный «Слоппи» с его наивной изысканностью казался «Рицем» по сравнению с этим местом! Человеческие существа, которые копошились здесь, под фонариками, окруженными светящимся паром, напоминали извивающихся червей. Они были черные, коричневые, метисы, желтые — представители всех рас, а точнее сказать, отбросы соответствующих рас. Были и белые, но в меньшинстве. Мне это играло на руку. Мог надеяться, что на меня не обратят особого внимания, пока я, надвинув фуражку на лоб, следовал за своим гидом.

Мы прокладывали себе дорогу в дальний конец помещения. Пробирались, можно сказать, по людям. Куон все время шел впереди.

Неожиданно я почувствовал, как на плечо легла рука, женская рука, но она тут же отдернулась, потому что я не остановился.

Куон сел за стол у самой стены. Мне удалось найти свободный стул, и присесть рядом с ним. Напротив нас сидел какой-то тип, опираясь локтями на стол и обхватив руками голову. Он даже не сдвинулся при нашем появлении.

Никто не заметил нас. Мы были всего лишь червями, копошащимися здесь.

— А теперь что? — спросил я.

— Ничего. Слишком быстро. Они видят, что вы мой приятель.

Официант в шелковой рубашке, мокрой от пота, принес нам пива, пахнущего плесенью. Здесь надо довольствоваться тем, что принесут. Впрочем, если это ставят на стол, значит, всегда найдется тот, кто это употребит!

Сбоку от нас находилась дверь. Она была приоткрыта, и за ней сидел тип с китайской газетой в руках. Официанты для заказа подходили к нему.

— Мы должны пить эту гадость? — спросил у своего гида.

— Курите сигарету, — ответил он. — Так, чтобы вас видели.

Мы закурили. Я следил за тем, что делает Куон. Китаец-«труп» казался более сонным, чем был до этого. Почему он затих, оцепенел, оставив догорать сигарету, зажатую между пальцами? Спустя несколько минут от сигареты отделилось немного пепла и упало на стол.

Я повернулся, чтобы посмотреть на «кассира» у двери. Казалось, он весь сосредоточен на газете, которая закрывала его лицо почти до глаз. Взгляд был направлен на иероглифы газеты.

— Не поворачивайте голову.

Я вернулся в прежнее положение.

Куон опустил руку и стряхнул пепел со стола, скользнув предплечьем по деревянной поверхности. Локоть не сдвинулся. Повторил это движение два раза.

Такие старания из-за небольшого количества пепла не согласовывались с его грязным видом, поэтому решил, что данный жест является условным знаком. Я стряхнул на стол пепел со своей сигареты и повторил жест моего приятеля несколько раз.

Краем глаза посмотрел в сторону двери. «Кассир» оставил свой пост, как будто потерял интерес к чтению. Он открыл дверь полностью, вошел в помещение, где находились мы, и

прикрыл ее за собой. Сделал головой едва заметный знак и ретировался, закрыв дверь.

Костлявая рука Куона схватила мою руку.

— Подождите, не сейчас. Здесь слишком много глаз.

Мы оставались так с минуту. Потом китаец отпустил мою руку.

— Идите в ту дверь, куда пошел он. Идите медленно, не говорите ни слова. Я буду следовать за вами.

Я встал из-за стола, немного замешкался. Потом направился к указанной двери. В этом переполненном людьми зале невозможно было двигаться строго по прямой, приходилось идти зигзагами. Создавалось впечатление, что бродишь без цели.

Добрался до двери и с непринужденным видом осмотрелся вокруг. Кажется, никто не обратил на нас внимания. Я приоткрыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Теперь шум был приглушенный, и я впервые с тех пор, как вошел в эту забегаловку, мог спокойно порассуждать. Это был темный коридор, освещенный одним масляным фонарем. Вдали увидел лестницу, которая вела наверх, может быть, в какой-то люк.

«Кассир» как будто ждал меня там, стоял неподвижно в синем полумраке.

— Желаете что-нибудь? — спросил он по-английски.

Я не ответил.

— Вы ошиблись дверью, — сказал он. — Чтобы выйти, вам надо идти в другую сторону.

Луч света, волна шума. Вошел Куон и закрыл за собой дверь, подошел ко мне.

Затем китаец приблизился к «кассиру» и сделал вид, что стряхивает пыль с его рукава.

Два раза в одном направлении, два раза в другом.

— Рука моя не очень тверда, — извинился он.

— Может, вам было бы лучше отдохнуть, — предложил «кассир», продолжая смотреть на меня.

Раскусив, в чем дело, я проделал тот же маневр, что и Куон, с рукавом «кассира». По правде говоря, этот своего рода пароль показался несколько театральным.

— Небольшой отдых, может быть, легкий сон... — вежливо проговорил «кассир».

— Хорошо бы, — подтвердил я.

Человек потер пальцами. Красноречивый жест. Я протянул ему один из банкнотов, которые вернула мне Полночь. Даже не заметил, как он его взял. Банкнот исчез молниеносно. Фокус, да и только! Еще один банкнот я протянул Куону.

— Может быть, там, наверху, что-нибудь смогут сделать для вас, — сказал «кассир» у основания лестницы и позвал кого-то по-китайски. Сверху донесся гортанный ответ.

Куон подтолкнул меня.

— Suba.^[13]

И я начал подниматься.

Добравшись до верха лестницы, почувствовал запах. Я не ожидал здесь запаха розы, но этот был действительно ужасный. Даже попытался дышать реже.

Лестница оказалась необычной, она не была закреплена. Поднявшись до люка, я заметил, что она держится только на крюках и ее в любой момент можно втянуть наверх, уничтожая, таким образом, связь с нижним этажом. Люк закрывался двумя створками, которые складывались. В общем, в случае неожиданного появления полиции никто бы не заметил, что существует связь нижнего этажа с верхним.

Наверху нас ждал какой-то тип. У него было обиженное, совсем неприветливое лицо. Впрочем, я и не ожидал найти здесь ангелов. Он держал фонарь над головой, чтобы лучше

видеть тех, кто поднимался. Все остальное вокруг, куда не доходили лучи фонарика, тонуло в темноте. Несколько секунд спустя рядом со мной появилась призрачная фигура Куона.

Мы находились в коридоре, подобном нижнему, который вел в нишу, едва освещенную красноватым светом.

Человек сделал знак следовать за ним. Качающийся фонарик осветил довольно просторное помещение без дверей. Сбоку, где человек остановился в ожидании, стоял стул. Внутри помещения, куда мы последовали, находилась низкая, почти у самого пола, жаровня, на дне которой горел мелкий уголь. Оттуда и исходил этот красноватый свет. С трех сторон вокруг жаровни размещались деревянные нарты в два яруса.

Вонь от опиума стояла невыносимая. Не слышно было шума, даже шороха. Невозможно было понять, есть ли кто на нарах. Возможно, за нами следили или же все спали... Зловещая тишина только способствовала нагнетанию напряженности и ужаса.

Я буквально окаменел от страха. Идя сюда, считал, что человек может привыкнуть ко всему, и надеялся превозмочь себя. Но теперь холодный пот покрыл каплями мой лоб. Я был одним из этих «пропащих».

Человек, сопровождающий нас, осветил фонарем парочку нар и резко отвернулся от них. Наверное, они были заняты, хотя я не заметил там людей. Правда, не особенно и приглядывался. Потом он повернул в противоположную сторону, осветил вторую парочку нар и, хрюкнув, указал нам на них большим пальцем.

Я наклонился и заполз на лежак, стараясь контролировать себя. Возникло ощущение, будто вползаешь в гроб. Нет, хуже. Гроб, по крайней мере, чистый, если его используют впервые!

Куон поставил колено на край нар, но я грубо оттолкнул его.

— Иди отсюда! — проворчал.

Китаец опять поставил колено, я понял, что он хочет вскарабкаться на верхние нарты. Тогда я оставил его в покое.

Когда Куон исчез в своей нише, человек с фонарем наклонился и протянул мне трубку. Я взял ее обеими руками, держа на расстоянии, словно это был кларнет. Он повернулся, подошел к жаровне и помешал в ней небольшой кочергой. Потом помахал руками, раздувая угли.

Меня удивила тяжесть трубки. Я просунул руку под пиджак, вытащил край рубашки и оторвал кусок. Свернул лоскут и засунул его в рот, как кляп. Потом приставил к этому кляпу мундштук.

Человек вернулся ко мне, неся в каминных щипцах горящий уголек. Он положил уголек в трубку, а сбоку, на диске размером в пуговицу, пристроил пилюлю опиума так, чтобы она могла медленно гореть. Едва человек оставил меня одного, как я тут же с отвращением отвернул голову.

Провожатый вышел из помещения и вернулся на свое место. Он унес с собой фонарь, оставив нашу «пещеру» в темноте. Только в проеме, ведущем в коридор, виднелось немного света.

Я отложил в сторону дьявольский инструмент. Меня испугала мысль, что эта отравка может подействовать, несмотря на все меры предосторожности. Вытащил изо рта тряпку и несколько раз сплюнул. Некоторое время не двигался, опираясь на локоть. Я вспотел, но страх и отвращение медленно проходили. Однако, не знаю почему, у меня начали стучать зубы. Именно сейчас, в этот момент, когда самое трудное осталось позади. Наконец мне

удалось полностью овладеть собой.

Прикинул, сколько времени прошло с того момента, как вошел в притон. По моим расчетам получилось полчаса. Значит, пора действовать. Даже если и ошибался, торопя время.

Я сел на койку и снял туфли. Они были на кожаной подошве и могли выдать, когда буду идти. Я оставил их у койки и пошел по направлению к проему, стараясь не шуметь.

Человек сидел у проема сбоку. С этой точки, где я находился, виднелась только часть его тела: часть головы, плечо и рука.

Я пришел сюда без оружия, полагаясь только на мускулы, но сейчас не мог рисковать. Устраивать шумную борьбу не имело смысла, хотя был уверен, что выйду победителем. Я должен действовать быстро и без шума. В противном случае все могло обернуться катастрофой. Я наклонился к жаровне и взял каминные щипцы, которые человек недавно здесь оставил. Они были железные и не очень большие. Я поднял правую руку со щипцами над головой. Дрожь пробежала по моей спине.

Судя по позиции сидящего, нужно попытаться ударить его сбоку по голове. Для этого я должен отклониться немного в сторону, что было достаточно рискованно. Выступ скрывал от меня остальную часть его тела. Кроме того, у меня появилось ощущение, что человек бодрствует, хотя и сидит неподвижно.

Должно быть, в последний момент он уловил краем глаза движение, но было уже поздно. Повернул голову в мою сторону и выставил ее так, как я и хотел. Ударил его один раз, но крепко. Если бы удар не получился, я бы не смог его повторить. Человек вдохнул, но крикнуть не успел. Соскользнул со стула, слегка коснулся стены и свалился на пол. Я понял, что он потерял сознание.

Взял его под мышки, потащил в «пещеру» курильщиков. Даже если кто-нибудь из них видел сейчас происходящее, то, наверное, подумал, что это сцена из сна. Никто не двигался, не слышно было даже вдоха.

Связав человека, сделал кляп из тряпок, валявшихся на нарах, где я лежал, и засунул ему в рот. Потом взял фонарь, вышел из помещения. Остановился, соображая, куда идти дальше.

Единственным логическим решением было — прямо по темному коридору. Идти вниз через люк было глупо, я просто бы вернулся в пункт отправления.

Как был босой, так и пошел, освещая дорогу фонарем. Увидел двустворчатые двери, открыл их. Они вели в комнатку, заполненную ящичками, пустыми, но тщательно уложенными. Конечно, они снова будут использованы, и я представляю, чем их наполнят.

Я осторожно продвигался дальше, пока мне не перегородила дорогу белая оштукатуренная стена. Обычно коридоры не упираются в стены, иначе зачем их прокладывать. Нет логического объяснения. Кроме того, Полночь говорила, что помещения «Мамы Инес» смежные с домом Тио Чина.

Чтобы удостовериться, постучал суставами пальцев по боковой стене. Звук был глухой. Перегородка предо мной звучала по-другому, более звонко. С помощью фонаря тщательно осмотрел белую поверхность и обнаружил хорошо замаскированную дверь.

Я поискал немного и нащупал замочную скважину, похожую на трещину в стене. Тогда вернулся назад к «сторожу», который по-прежнему лежал без сознания. У него чуть кровоточила рана над ухом. Я пошарил в его карманах и нашел среди других вещей длинный железный ключ. Почему-то сразу подумал, что это тот ключ, который нужен. Взял его и возвратился к замаскированной двери. Сунул ключ в щель, повернул его, услышал щелчок,

но дверь не открылась. Я надавил плечом, и она отошла. Снова взял фонарь.

Если до сих пор мне не удалось найти ничего конкретного, то теперь я мог доказать, что помещение Тио Чина соединяется с притоном курильщиков опиума. Оставалось найти связь между преступлением и Тио Чином, а затем вскрыть отношения между китайцем и Эдом Романом.

Но ночь подходила к концу, и условленный час истекал.

Шел я недолго. Буквально через пару секунд, открыл еще одну дверь. Пройдя несколько шагов, уткнулся носом в стену. Осмотрелся. Свет фонаря выхватил деревянные стены. Окон не было. Сзади меня — два деревянных проема. В одной двери торчал ключ. Неужели эта дверь вела в слепую нишу? Не было смысла.

Я навалился всем телом на стену перед собой, но она осталась неподвижной. Повторил эксперимент со стеной справа, но и та не сдвинулась. Я надавил на стену, которая слева. Тонкие створки мягко отошли, повернувшись на хорошо смазанных петлях. Я наклонился, прошел на другую сторону и задвинул за собой створки, придерживая их рукой, чтобы не стукнули и не выдали меня.

Там горел электрический свет. Не было необходимости в фонаре, поэтому потушил его и поставил на пол.

Электрическая лампа висела на проводе. Кто-то оставил ее включенной. Я осмотрел устройство, с помощью которого проник сюда. Это был большой гардероб, тянувшийся вверх почти до потолка. У него имелась фальшивая дверца, которая, естественно, не открывалась. Она была сделана одним куском. Заметил в комнате еще один такой гардероб. У меня возникло подозрение, что это вход в другой тайный коридор.

Очевидно, я находился в доме Тио Чина. Комната, в которой сейчас стоял, напоминала зал для заседаний. В обстановке не было ничего восточного, как контраст лавке внизу, перегруженной всем китайским. К примеру, здесь было электричество, а лавку освещали фонари. Комната, где я находился, представляла собой типичное жилище человека западного стиля. Интуиция меня не подвела: толстяк Тио Чин ломал комедию в своей лавке, играя роль учтивого и церемонного китайца.

Мебель казалась достаточно старой. В комнате стояли конторка с поднимающейся крышкой, стулья, стол и, как я уже говорил, два гардероба. Единственным цветным пятном была занавеска из бусинок, которая закрывала дверь, ведущую, очевидно, в апартаменты китайца.

Я попробовал поднять крышку конторки, но она не поддалась. Закрыта на ключ. Выдвижной ящик не был заперт, но в нем я нашел только книгу счетов, написанных по-китайски. Да, Тио Чин был не глуп!

Отложил книгу, потому что почувствовал взгляд. Почти физически ощущал его. Я боялся пошевелиться. Мне казалось, что любое движение выдаст меня. Но делать было нечего.

Задвинул на место ящик и медленно повернул голову. В комнате никого не было. Никакого шума. Только слегка колыхалась занавеска из бусинок, хотя движения воздуха в помещении не наблюдалось.

Я быстро подошел к занавеске, прислушался. И ничего не услышал. За занавеской только дверной проем. А дальше — темнота. Уловил запах — легкий аромат цветочных духов. Впрочем, я не большой знаток в этой области и мог ошибиться. А может, запах духов уже раньше витал в этой комнате...

Я вернулся к своей работе. Осмотрел корзину для бумаг. Там ничего интересного, кроме газеты двухлетней давности. Тогда обратил внимание на второй гардероб. Он был прислонен к стене, в которой имелась дверь, скрытая занавеской из бусинок, поэтому решил, что

второй гардероб не является входом в еще один потайной коридор. Может, это обычный шкаф для пользования, а первый замаскирован под него? Присмотревшись, увидел, что он не повторяет в точности первый гардероб. Этот выше сантиметров на тридцать. Кроме того, его основание приподнято над полом и поддерживается на четырех ножках. Следовательно, шкаф не очень устойчив. И действительно, когда попытался открыть дверцу, он зашатался. Одна из ножек была короче других. Я оставил в покое гардероб.

Сделал шаг назад. Меня снова охватило чувство беспокойства. Но на этот раз я видел руку, сдвигающую занавеску, и блестящий глаз с длинными ресницами. Человек не думал прятаться. Сначала из-за занавески появилось его лицо, а потом медленно выплыло тело.

Это была красивая китайка. Если китайка красивая, то уверяю вас, она заставляет мужчину открыть рот от изумления. Малышка ростом метр пятьдесят максимум, изящная, с красным пятнышком рта. Рот был такой маленький, что возникал вопрос, как же ей удавалось поглощать пищу. Кожа кремового цвета, глянцевая. Глаза раскосые, но не намного, ровно настолько, чтобы казаться экзотическими. На ней были брюки цвета зеленой груши и бирюзовая курточка. Обе детали одежды покрыты маленькими белыми хризантемами. В волосах, над ушами, — две герани. Она несла легкий запах цветочных духов, которые почувствовал несколько раньше.

Я замер с полуоткрытым ртом, глядя на нее. И держу пари, был не первый мужчина, на которого она произвела подобный эффект.

Китайка приблизилась ко мне быстрыми, мелкими шажками и остановилась. Слегка согнула ноги в коленях.

В ответ я поднес руку к фуражке.

Жест ужасно глупый, если учесть положение, в котором я находился. Ведь мое присутствие здесь было незаконным.

Девушка не высказала ни удивления, ни волнения. Можно было подумать, что она ждала моего визита.

— *Vuenos noches*,^[14] — сказала девушка. Речь была плавной и казалась музыкальным аккомпанементом каждому ее жесту.

Я ничего не понял, но пробормотал что-то в ответ. Тогда незнакомка продолжила на английском языке, на котором, мне кажется, в этой среде говорят все:

— Вы, наверное, тот визитер, которого ждал мой уважаемый дядя сегодня ночью?

Значит, она племянница Тио Чина. Приятная куколка, не то что дядя.

Конечно, я не был тем гостем, которого он ждал, но на вопрос ответил утвердительно. А что еще я мог сделать?

— Вы капитан Паульсен?

Увидел, как ее взгляд на мгновение задержался на фуражке, потом на моей куртке. По этой причине девушка приняла меня за капитана, ожидаемого дядей. В конце концов, ничего необычного. Он мог быть тем капитаном, который участвовал в торговле между Гаваной и берегом Эвергладес. Может, он командовал катером, перевозившим груз.

Я снова поднес руку к фуражке, как бы подтверждая слова китайки. Мол, я действительно тот человек, которого она имеет в виду.

— Дядя скоро будет здесь. Его вызвали по делам, но ненадолго, — добавила девушка.

Все идет как нельзя лучше, подумал я.

— Он просил передать, чтобы вы чувствовали себя как дома.

«Предоставьте это мне», — ответил мысленно.

— Вы пришли отсюда, капитан? — поинтересовалась девушка, указывая на фальшивый гардероб.

— Да.

— Я очень удивилась, увидев вас здесь. Не поняла, как вошли сюда. Меня почему-то не предупредили снизу, что вас впустили в другую дверь.

Значит, куколка хорошо знала, чем занимались в забегаловке «Мама Инес». Ну что ж, это к лучшему, подумал. Чем больше она знает, тем больше могу узнать у нее.

— Ваши люди остались внизу? — продолжала китаянка, еще раз показывая на замаскированный вход.

Она намекала на забегаловку «Мама Инес». Из этого можно сделать вывод, что обычно капитан Паульсен отправляется сюда в сопровождении членов экипажа. Наверное, для того, чтобы забрать груз и перенести его на судно.

— Да, они внизу, — подтвердил.

Я решил продолжать играть роль, чтобы извлечь как можно больше информации. И прежде всего хотелось знать, каким временем могу располагать.

— Как думаете, когда вернется ваш дядя? — задал вопрос.

— Скоро придет. Он пошел искать вторую машину. Сказал, что сегодня ночью понадобится, по крайней мере, еще одна. Поручил мне сказать вам это. Он сказал, что вы поймете.

Конечно, я понял. Сегодня ночью намечалось отправить большое количество груза, и необходима еще машина для подкрепления.

— Может, выпьете чашку чая, капитан, пока ждете?

Это походило на абсурд. В той ситуации, в которой находился, спокойно пить чай!

Я покачал головой. Получилось так, будто пренебрежительно отношусь к чаю.

Тогда она поправилась:

— Естественно, я имела в виду тот «чай», который нравится капитану... дядино рисовое вино.

Ясно, что девушка никогда не видела капитана Паульсена, но, вероятно, частенько шпионила, подслушивая беседы, которые устраивал дядя.

Я попытался вывернуться. Хотел, чтобы она осталась со мной. Нужно было выудить у нее еще кое-какую информацию. Но девушка уже согнула колени и удалялась. Правда, когда открывала занавес из бусинок, несколько ниток запуталось, то ли в пуговицах, то ли в другой части ее одежды. Китаянка попробовала освободиться, но ей не удалось, и она бросила на меня умоляющий взгляд.

Я поспешил на помощь. Девушка хоть и запуталась, но находилась уже по ту сторону занавески, поэтому мне пришлось распутывать нитки, чтобы добраться до нее.

— Здесь, у запястья, — указала она. — Попробуйте, может, у вас получится...

Наши руки сплелись в один узел с мотками ниток, которые перепутались еще больше. Вдруг что-то кольнуло в тыльную часть моей ладони, как заноза, которая вошла и тут же вышла. Из-за неразберихи с нитками я не мог сразу понять, что случилось. Наконец мне удалось высвободить свою руку и повернуть ладонью вниз. На тыльной стороне виднелось голубое пятнышко. Слишком маленькое, потому что даже не кровоточило.

— Что это было? — спросил.

— О, мне очень жаль, — извинилась китаянка с мягкостью. — Должно быть, царапнула булавка с рукава.

Я заметил, что девушка тут же таинственным образом освободилась от занавески. Она сделала легкий поклон, согнув колени, и исчезла в темноте.

А я так и стоял, глупо уставившись на тыльную сторону ладони. Бросив напоследок взгляд в том направлении, куда убежала девушка, я возвратился к конторке. Вновь возобновил свои попытки сдвинуть крышку.

Вскоре заметил, что мебель оказывает меньше сопротивления. На мгновение даже показалось, что крышка начала уступать. Однако это был обман. Крышка осталась на своем месте. Меня ввели в заблуждение мои же руки, ставшие тяжелыми. Они не тянули крышку, а только держались за нее. В душу начало закрадываться желание отказаться от попыток. К чему эти поиски? И тут до меня дошло, что я почти полностью неподвижен. Руки лежали на конторке, но я не в состоянии был двинуть ими.

Правда, оставался еще небольшой всплеск энергии. Я почти по инерции в последний раз рванул крышку, но безуспешно. В таком положении и застыл.

Я оцепенел. Кружилась голова. Меня шатало. Теперь вместо того, чтобы пытаться открыть крышку, прислонился к ней, стараясь удержаться на ногах. Потерял чувство равновесия. Хотел пойти в одну сторону, а меня понесло в другую. Впрочем, это не слишком беспокоило.

Я чуть не упал, но в последний момент успел ухватиться за край стола.

Внезапно занавеска из бусинок раздвинулась, и в комнату вошли один за другим четыре человека.

Вот и они. Меня взяли, и час прошел.

Впереди всех находился толстый Тио Чин. За ним следовал светловолосый тип с худым лицом, ростом не менее метра восьмидесяти пяти, в такой же фуражке, как и у меня. На нем был пиджак — узкий, будто побывал под дождем. Наверное, это и есть капитан судна. Типичный представитель Скандинавии. Лицо настолько худое, что, казалось, этого человека похоронили на три дня, а затем извлекли из могилы. Сзади парочка грузчиков. Они были хотя и белой расы, но такие загорелые и обветренные, что напоминали копченые колбасы.

Прежде всего меня поразило, как изменился Тио Чин. О том, что он ломает комедию, я подозревал с того момента, когда впервые увидел лавочника. Сейчас он не играл больше роль слащавого торговца с руками, лениво сложенными на животе. Теперь он говорил на совершенном английском. Вместе с его доброжелательностью и сонливостью исчезли и хвостатые усы. Единственно, что в нем осталось неизменным, это тучность.

Двигаясь решительно, но неспешно, мужчины окружили меня. Должен сказать, что их действия — медленные и надежные — вовсе не казались угрожающими. Никаких драматических жестов, никакого насилия. Просто демонстрация превосходства, предвкушение забавы. Нет, они не похожи на людей, расположенных к насилию. Напротив, по всей видимости, они собирались развлечься. Как кот с мышкой. Мышкой, которая находится в состоянии оцепенения.

Только подмигни, и они поработают за восьмерых.

Первым начал Тио Чин:

— Смотрите-ка, клиент! Что вы скажете, друзья? Клиент! И вдобавок после закрытия магазина!

Капитан с худым лицом, обрамленным белесыми волосами, оттопырил верхнюю губу, показывая два белых и три черных зуба. Десять лет назад эта гримаса, возможно, изображала улыбку, сейчас же о ней не могло быть и речи.

— И никто его не замечает! Ну что за порядки у вас, Чин? Вы же теряете прибыль, черт возьми!

Чин усмехнулся:

— Если дело только в этом, мы его мигом обслужим. — Китаец учтиво поклонился: — Может быть, ищите чего-нибудь? — Он хлопнул в ладоши: — Стул для господина! Чего вы ждете?

Я получил неожиданный удар сзади под коленки и упал на стул. Сидел, не двигаясь, и отупело смотрел на них.

Чувствовал, как тяжелеют веки, хотелось опустить их. У меня не было никакого желания проявлять остроумие, чтобы парировать их фразы.

— Хорошо, — выдавил я. — Хорошо. Вы меня взяли.

Два моряка стояли, прислонившись к стене, и весело смотрели на хозяев. Капитан сидел передо мной на другом стуле. Он был слишком высок, чтобы сидеть как человек с нормальным телосложением. Поэтому просто перекинул свои длинные ноги через стул и оседлал его. Сердечность, выставляемая им напоказ, была зловещей.

— Может, он пришел поискать кого-то, — посмеиваясь, проговорил капитан. — Почему не спрашиваете, кого он ищет? Мне кажется, я знаю, кого он ищет... Ну, пусть посмотрит! Покажите!

Чин подыграл ему:

— Девиз фирмы: «Всегда удовлетворять клиента». Клиент никогда не должен уходить неудовлетворенным...

— И обязательно должен получить то, что заслуживает! — Капитан нервно рассмеялся. — Ну-ка, Чин, представь его друга. — И продолжил, подстрекая: — Не томи клиента, видишь, он весь как на иголках.

— Паульсен, эх, Паульсен, вы вынуждаете меня раскрыть профессиональные секреты! — пожаловался китаец. Но потом взял ключи и открыл шкаф. Распахнул обе створки пошире, чтобы я лучше мог видеть.

Лицо человека, висевшего в гардеробе, казалось мне знакомым, но с уверенностью подтвердить это я бы, наверное, не смог — вот до какого состояния его довели. «Фотография для господина и госпожи, чтобы показать друзьям?» Это предложение всплыло у меня в памяти. Собственно, говорить можно было лишь об ассоциации мысли, так как несчастный был почти неузнаваем. Его перевязали, как колбасу, веревкой, которая проходила подмышками и крепилась к крюку в верхней части шкафа. Фотограф был еще жив — я видел, как поднималась и опускалась его грудь. Либо его оглушили, либо потерял сознание от полученных ударов. Фиолетовые пятна виднелись на скулах и под глазами, лицо распухло, одна губа рассечена. Я еще подумал, почему человек не задохнулся там, внутри гардероба, но, присмотревшись получше, увидел, что верх шкафа заменен на железную решетку.

— Вы ведь его искали, правда? — ехидно ухмыльнулся Чин.

— Нет, — раздраженно произнес я в ответ. — Я пришел сюда в поиске грязной собаки, которая воткнула нож в... в...

Я не в силах был закончить фразу.

Чин закрыл дверцы, изобразив жест разочарования.

— Значит, мы ошиблись.

Паульсен ударил рукой по коленке.

— Теперь понимаю! Но почему не сказать об этом сразу? Смотрите, сейчас покажу вам

его фото. Вы же хотели увидеть снимок, сделанный этим? — он кивнул в сторону шкафа.

Мой затуманенный взгляд переместился на Паульсена. Капитан порывлся во внутреннем кармане пиджака, извлек засаленный бумажник и вытащил из него блестящий негатив.

— Правда, это не очень хорошее фото для показа, — извинился капитан.

Протянул мне негатив. Я хотел взять снимок, но он оказался вне моей досягаемости. Вытянул руку еще дальше, но негатив опять оказался недосягаем.

— Нате, возьмите. Представляю, с каким удовольствием будете рассматривать это фото, — говорил Паульсен. Очевидно, он считал свою шутку удачной. — Ну что же вы? Говорите, что хотите видеть, а когда даю негатив вам, почему-то не берете.

Я протянул вперед руку насколько мог, но все кончилось тем, что плашмя упал на пол.

Услышал взрыв смеха. Глаза закрылись. Мне были безразличны эти смеющиеся хари.

Но они еще не закончили. Меня подняли, посадили на стул. Я опять приподнял веки.

Паульсен держал теперь негатив на свету и с интересом рассматривал его.

— Я сам вам расскажу, что на снимке, — произнес он. — Вы со своего места все равно не разберете. Итак, видно лицо миссис. Я рядом выше. А вот что-то торчит в боку у миссис...

Чин подтолкнул его, чтобы он продолжал. И капитан добавил:

— Да, это нож, уже вошедший в тело. Правда, лица того, кто воткнул, не видать. Но на тыльной стороне ладони убийцы выколота звезда. Как вот эта.

— Это вы убили Еву! Сейчас припоминаю, в той толпе вертелся рядом с нами тип, похожий на вас...

У капитана появилось на лице томное выражение. Он повернулся к Чину:

— Думаете, я должен сохранить это фото на память? Но у меня есть девушка в Штатах, которая ждет. А здесь я в компании с другой женщиной. Моей девушке это может не понравиться.

Чин весело улыбнулся:

— Вы не фотогеничны, Паульсен. Очень плохо вышли на фото.

Капитан кивнул, соглашаясь:

— Может быть, на другом фото получусь лучше.

Он зажег спичку и, глядя на меня, чтобы хорошо видеть реакцию, начал медленно приближать негатив к пламени.

Еще бы не понять его! Я протянул правую руку и попытался схватить негатив. Но капитан был наготове. Откинулся на стуле, не поднимаясь, и продолжал держать негатив рядом с пламенем.

Я качнулся вперед и упал бы на пол, если бы меня вовремя не подхватили двое моряков.

Они опять бросили меня на стул.

— Теперь смотрите внимательно, — усмехнулся Паульсен.

Пламя перешло на негатив. Пленка один только миг колебалась, начиная гореть, потом ярко вспыхнула и исчезла без дыма. Спустя секунду пламя погасло, и капитан уронил на пол щепотку пепла.

Гнев распирает грудь, но я не знал, что делать, как реагировать.

Голос Чина вибрировал от смеха.

— Смотрите на него, мой друг, он устал. Наверное, местный климат ему не подходит.

Один из моряков схватил меня за волосы и сильным рывком поднял голову, упавшую на грудь.

От резкой боли я открыл глаза.

— Необходимо сменить обстановку, — заметил Паульсен. — Может, морской бриз его разбудит? В таких случаях нет ничего лучше морского воздуха. Я возьму его с собой ненадолго, когда буду уезжать. Заодно захвачу и второго, который в шкафу. Им обоим нужен свежий воздух!

— Вы что, хотите взять их на борт бесплатно? — изобразил изумление Чин.

— Бесплатно до определенной точки по курсу, — уточнил верзила.

Эта фраза разбудила меня, задремавшего на мгновение.

— Вы хорошо плаваете? — спросил меня капитан. — Но держу пари, что не так проворны, как те акулы, которые дрейфуют между этим островом и Флоридой. Я их хорошо знаю.

Чин ухмыльнулся:

— У него нет зубов, как у этих бестий.

Я снова поднял голову на мгновение, потом снова уткнулся подбородком в грудь.

Паульсен посмеивался:

— Он очень устал, даже слушать не может. Не понял ни слова из того, что мы говорили. Во всем ваша племянница виновата.

После этого время побежало быстрее. Было покончено со спокойным подстрекательством. На смену пришла бурная деятельность. Я увидел, как открылся замаскированный вход в тайный коридор и из гардероба наполовину высунулся какой-то тип. Он повернулся к Чину, пробормотал что-то по-китайски и тут же исчез.

Чин приказал двум морякам, указывая на меня:

— Свяжите его.

Толстый китаец, несмотря на тучность, мог при необходимости двигаться быстро. Он подбежал к двери с занавесом из бусинок и крикнул что-то на своем языке. Ему ответил женский голос. Потом Чин вернулся и вошел в фальшивый гардероб, хотя, судя по его комплекции, это казалось невозможным.

Он отдал какие-то распоряжения на той стороне, потом, я услышал сильный скрип блоков и глухой шум. Понял, что они поднимают лесенку через люк.

Тем временем моряки связали мне руки за спиной крепкой веревкой.

Снова появился Чин. Дыхание его было немного учащенным, но лицо казалось довольным.

— Что случилось? — спросил Паульсен.

— У нас неожиданные гости. Внизу полиция. — Видя, что капитан вздрогнул, китаец добавил: — Сидите спокойно. Успеете смыться. Здесь вы в безопасности. Они уже приходили как-то, но ничего не нашли. Через несколько минут все будет кончено. Сюда они пройти не смогут, так как вход в таверну находится в другом переулке. Им и в голову не придет, что мы можем находиться наверху. Нет, до нас они не доберутся.

— Мне не нравится, что они внизу, — нервно проговорил Паульсен и задвигал ногами, будто пол под ним вдруг стал раскаленным.

— Нет никаких причин для беспокойства. Обычно люди не интересуются потолком, когда входят в таверну. Полиция не является исключением.

Час. Час должен был уже пройти.

Чин с небрежностью указал на шкаф:

— Поместите его туда. Пусть повисит вместе с другим, пока не уйдет полиция. А потом

увезете их обоих в машине, вместе с тюками. Достаточно будет всунуть их в мешок.

Китаец приблизился ко мне и посмотрел в лицо.

— Этот еще не спит, но осталось немного. — Он состроил мне гримасу. — Осталась совсем маленькая искра жизни, которая вскоре погаснет. Вот так. — Чин наполнил воздухом пухлые щеки и дунул мне в лицо.

Потом его физиономия начала отдаляться от меня, но непонятно было, кто двигался — он или я.

— В конце концов, это легкий способ умереть, — услышал я голос китайца.

Все расплывалось перед моими глазами, но сознание не покидало полностью. Соображал, что меня несут к шкафу, просовывают веревки подмышки, заталкивают в нишу и крепят веревки у меня над головой. Я был подвешен в гардеробе, и мои босые ноги болтались на весу.

Потом сделалось темно, и в глазах погас даже тот красноватый свет, который проникал сквозь опущенные веки. Я услышал, как закрылись дверцы и повернулся ключ в замочной скважине. Потом наступила тишина и спокойствие. Исчезли волнения и тревоги. Ушла безвозвратно моя любовь. Нет полицейских и нечего бояться. Никто меня не ловит, и я не хочу больше ничего. Рассудок погрузился в сумерки, потом почти сразу же наступила ночь. Не та, обычная ночь, которая следует за световым днем, а ночь небытия.

Уже не чувствовал тяжести тела, висящего на подмышках. Но я висел вертикально, а мне почему-то хотелось спать в нормальном, горизонтальном положении. Попробовал несколько раз вытянуться, но ничего не получилось, так как ноги не находили опоры.

Из отверстия — шкаф сверху был открыт — доносились голоса. Звуки неясные, как отдаленный гул, но они, однако, вывели меня из беспамятства. До меня дошел обрывок разговора.

«Сейчас уходим. Через минуту. Я вам говорил... Не знаю, какая-то уличная женщина послала нас из таверны сюда. Наверное, хотела отомстить... Теперь ее арестуют за необоснованный донос...»

Я не знал, что происходит и, по правде говоря, меня это не беспокоило. Ну да, они все же уйдут. Что касается меня, то хотелось только удобно лечь, вытянувшись горизонтально, как это делает каждый христианин. Позиция, в которой находился, не позволяла мне спать.

Я сделал очередную попытку, наклонившись вперед насколько возможно, но что-то мешало. Тогда собрал все свои силы, которые во мне остались, и попробовал качнуться вперед.

Удалось прислонить голову к закрытой дверце шкафа. Не знаю, сколько на самом деле весит голова, но моя, казалось, больше тонны. Иногда так бывает, что достаточно единственной капли, чтобы переполнить чашу.

Наконец я стал засыпать. Чувствовал, что падаю куда-то вниз головой. Наверное, это был тяжелый сон. Вдруг я услышал, как кто-то кричит:

— Смотрите! Идите сюда...

Последняя искра сознания пропала с мягким шумом, пришедшим извне. Возможно, это был раскат грома, от которого содрогнулся дом, но я его уже не слышал, так как окончательно провалился в сон.

Теперь я лежал, вытянувшись во всю длину, в положении очень приятном, чтобы не просыпаться.

Я не знал, что это — сон или смерть. Но даже если это смерть, то она была очень

приятной штукой!

Сознание медленно возвращалось. Как и всегда, когда приходишь в себя после глубокого сна, я не сразу понял, где нахожусь. С определенностью знал только, что был новый день. Из зарешеченного окна лился дневной свет, а значит, ночь, долгая ночь Гаваны, наконец-то кончилась. Кончилась эта долгая кошмарная ночь, которая, казалось, никогда не прекратится. Она началась с того момента, как мы въехали в город на коляске. Мы были счастливы и готовы к новой жизни. И что получилось? Я остался один.

Я лежал на какой-то койке. Одетый по-прежнему в костюм моряка, но кто-то накинул на меня старое одеяло, оставив непокрытыми ноги. Приподнялся на локте, и на мгновение все вокруг стало неустойчивым. Потом равновесие вернулось.

Осмотрелся. Окно забрано железной решеткой. Но здесь, в Гаване, это ничего не значило. Здесь в каждом доме все окна на первом этаже защищены решетками. Таков обычай страны. Что еще могло помочь определить, где я нахожусь? Это не камера, судя по обстановке. Может, караульное помещение. На стене даже висел календарь, подарок местного пивного завода. Правда, никто не отрывал листочков с февраля. Для точности, с февраля тысяча девятьсот тридцать четвертого года!

Прямо перед моей койкой находилась дверь. Пока переводил взгляд, она открылась, и в комнату заглянул полицейский. Я отметил, что он открыл дверь, просто нажав на ручку, не пользуясь ключом.

— Esta despierto, inspector,^[15] — услышал, как он сказал. Голова тут же исчезла и дверь закрылась. Я даже не успел открыть рот, но был уверен, что это полицейский.

Итак, банде китайца не удалось убить меня, и я снова в руках у полицейских. Вернулся в точку отправления.

Прошло несколько минут, дверь опять открылась. Тот же самый полицейский придержал ее, чтобы дать кому-то пройти. И вот появился Акоста пачкой бумаг в руке. Он резко остановился и, обернувшись, что-то сказал. На мгновение я увидел за дверью фигуру, которую тащили двое полицейских. На человеке была морская фуражка. Потом дверь закрылась.

Акоста хлопнул рукой по пачке бумаг.

— Por fin!^[16] — весело воскликнул сыщик.

Я не понимал, к кому он обращается, ко мне или к бумагам.

— Ну, как дела, бывший подозреваемый? — проговорил Акоста, улыбаясь.

Я ничего не понимал, но на всякий случай подмигнул.

— Я сказал «бывший», потому что вы больше не подозреваемый.

— Хотите сказать, что я свободен.

Он улыбнулся:

— А что, разве эту ночь вы провели в тюрьме? — спросил он шутливым тоном.

Я ответил ему стоном, легким, но выразительным.

— Все знаю, — с готовностью добавил Акоста. — Мы нашли вас в гардеробе лежащим ничком, с разбитым лицом. Вытащили вас через верх, потому что, если бы захотели поднять мебель, нам бы потребовался кран!

Пришел караульный с чашкой горячего кофе. Я пил, кофе тек по подбородку, но все-таки удалось сделать хороший глоток, и я почувствовал себя лучше. Кофе — прекрасное

лекарство, чтобы вывести из заторможенного состояния. Потом мне дали сигарету.

У Акосты был сияющий вид. Кажется, он находил мир изумительным, по крайней мере, ту часть, которая находилась на стороне закона. Думаю, любой полицейский будет в хорошем настроении после того, как ему удастся раскрыть серьезное преступление.

— Вы в полном смысле спасли свою шкуру! — воскликнул он. — Мой патруль, осмотрев ресторанчик и магазин, вышел на улицу. Они доложили, что ничего подозрительного не нашли. Мы бы, без вопросов, вернулись в участок, если бы подчиненные не схитрили и не заманили меня в лавку китайца. Они хотели удостовериться, что все сделали правильно. И вот в то время, когда я находился в коридорчике и разговаривал, — бум! Я подумал, что падает дом. С потолка, мне на голову и спину, свалились куски штукатурки. Тогда я дал команду и мы все перекрыли. Мы не остались внизу, а пошли вверх.

Он медленно покачал головой.

— Идти туда стоило! Нашли притон наркоманов. У нас было подозрение относительно деятельности, которая развернулась в этом квартале, но никак не могли напасть на след. Ну, а в этот раз мы обнаружили много сырого опиума, уже в ящичках, готовых к отправке. И наконец, нашли вас и вашего соседа по гардеробу. Там, конечно, поднялась суматоха. Преступники потеряли голову и вытащили пистолеты. Поэтому мы вынуждены были... как сказать?... потащить их на буксире.

— Кого взяли?

— Взяли всех. И кому-то из них не поздоровилось. Видите ли, мы зашли с двух сторон, поэтому у них не имелось пути к отходу.

— Теперь, наверное, им есть куда пойти, — пробормотал я возмущенно.

— За это будьте спокойны. И вдобавок, они приобрели только входной билет!

— Существовал еще негатив, который спас бы меня. Если бы удалось найти его, когда я искал...

— Несомненно. Это доказательство номер один!

— Но он сгорел на моих глазах!

— То был негатив. Но Кампос успел отпечатать фотографию до того, как они ворвались в его дом. Он сушил ее в своем обычном месте, поэтому преступники не нашли ее. У Кампоса сушилка под матрасом! У него нет оборудования, как у хорошего профессионала. Вот так, они взяли негатив, но оставили фотографию. Кампос уже видел, что зафиксировано на ней, и рассказал нам сразу же, как только пришел в себя.

— Как он сейчас? Выкарабкается? — осведомился я.

— Он в больнице. Конечно, преступники его сильно побили, но я надеюсь увидеть его в полном здравии. В том смысле, что фотограф сможет выступить как свидетель на процессе против вашего врага, который совершил убийство. У нас нет сомнений, что суд состоится. Фактов достаточно. Нападение и похищение Кампоса, нападение на вас, фото и признание самого Паульсена, которое у меня есть.

— Паульсен? Он признался?

— Конечно, он недолго запырлялся... — Акоста рассмеялся. — Капитан полностью уличен, понимаете?

Сыщик показал мне несколько листов бумаги, соединенных скрепкой.

— Он диктовал нам все утро. Вот копия... Видите ли, когда вы вышли из антикварной

лавки, Чин показал вас Паульсену.

— И тот повиновался, вовсе не задумываясь, кто будет жертвой? Ведь он нас раньше не видел.

— Разве для него это имеет значение? Всего лишь очередной «внеплановый клиент». Чин показал ему нож: «Это тот, о котором он думает, что купил. У него в кармане квитанция. Но я заменил нож в последний момент, когда заворачивал его в бумагу». Потом, по признанию Паульсена, Чин сказал: «Следуйте за ними и убейте женщину. Но сначала избавьте его от другого ножа». Наконец он дал ему немного зеленой бумаги и резинки, того самого материала, который использовал, когда заворачивал вам нож.

— Тогда Паульсену не было необходимости разворачивать тот нож, который он вытащил у меня в толпе.

— Нет, конечно. Паульсен бросил на землю бумагу, принесенную с собой, и тем самым навел подозрение на вас!

— И это ему полностью удалось!

— Паульсен вытащил у вас нож еще до того, как вы добрались до бара. Вы прошли рядом с ним, когда пробивались сквозь толпу, ведя за собой даму. Даже невольно помогли преступнику, облегчили задачу, идя с расстегнутым пиджаком! Своим телом он надавил на вас, полы пиджака раскрылись, и нож — он длинный, как вы знаете, — высунулся из внутреннего кармана. Следовательно, можно сказать, что вы сами отдали ему этот нож! Потом Паульсен следовал за вами, пока не нашли место, заколол вашу даму ножом, который дал вам Чин, бросил бумагу и резинки на пол и убежал!

— Они думали, что действительно все предусмотрели, эти сволочи!

— Да. Но фотограф спутал их планы.

— Значит, убийцу вы взяли. Паульсен от Чина получил приказ убить?

— Да, он сам в этом признался.

— Так, с этим все ясно. Теперь пойдем дальше. Точнее, вернемся к началу. От кого получил приказ Чин? — задал я вопрос.

— На этом наш допрос кончается.

Я сел на койку и отставил чашку с кофе.

— Что вы хотите сказать этим вашим «допрос кончается»? Хотите наказать руку, которая нанесла удар, и оставить безнаказанной руку, которая послала на преступление?

Акоста пожал плечами.

— У нас нет возможности докопаться до начала. Мы не можем доказать, что был человек, которому эта рука повиновалась.

— Послушайте, — сказал я. — Не говорите со мной загадками. Объясните ситуацию простыми словами.

— Тибо Чин мертв, — ответил сыщик. — Он умер несколько часов назад, находясь без сознания с того момента, как мы обнаружили притон.

— Но какого черта ваши агенты стреляли в него? — выкрикнул я. — Неужели этот толстяк ввязался с ними в бой? И они не смогли китайца обезвредить?

— Это не мои люди его убили. Впрочем, китаец не оказал сопротивления. Он понял, что все кончено и ему ничего не остается, кроме как сидеть и ждать. Когда мы ворвались в комнату, где он находился, то обнаружили его сидящим в китайской одежде с чашкой чая. Рядом сидела племянница, склонив голову ему на колени. У него был такой вид, будто чай горчил. Но я сразу не понял. Да и до того ли было! Мы остерегались, как бы кто-нибудь не

пустил в ход пистолет, и конечно же, не подумали о чае. Девушка умерла первой. Чин умер несколько минут спустя, когда мы несли его сюда. Видимо, там была тройная доза. Не помогло даже промывание желудка.

Раньше смерть Чина не вызвала бы у меня никакого сожаления, но сейчас я, напротив, был очень огорчен. Хотел оживить толстяка, словно не ненависть к нему испытывал, а любовь.

— Ну и на чем вы остановились? — спросил. — Как дальше пойдет расследование?

— Цепочка оборвалась, — признался Акоста. — У нас в руках человек, который совершил преступление, его будут судить за преднамеренное убийство. Но дальше Паульсена мы идти не можем. Отсутствует звено цепи. Посредник мертв. Чин мог бы рассказать нам, от чьего имени он действовал.

— От имени Романа! — воскликнул я, стукнув кулаком в грудь. — В этом уверен, как уверен в том, что нахожусь сейчас здесь. И вы это знаете. Приказ пришел от него. Он убийца!

— Это всего лишь ваше мнение, но не доказательство. Кстати, я также придерживаюсь вашего мнения относительно данного предположения. Ноне могу получить ордер на арест, основываясь на гипотезе. Прежде чем действовать против кого-то, я должен иметь на руках доказательства, а не догадки! Это лишь версия, не подкрепленная ничем.

Я опустился на койку и уставился в пол, будто там было разъяснение, да к тому же написанное невидимыми чернилами.

— Но Чин не знал нас до вчерашнего дня и впервые увидел примерно за полчаса до того, как произошло преступление. Каков мотив его действий? Что по этому поводу говорит ваш здравый смысл?

— Да, возможно, вы правы. Хотя и это не можем доказать, потому что Чин мертв. А ваши рассуждения можно повернуть в обратную сторону. Паульсен никогда не видел Романа, даже не слышал его имени. И мы знаем, что это правда. Он признался во всем, и ему не было никакого резона скрывать этот единственный факт.

— Но ведь он водил туда транспорт с грузом. И груз надо было передавать кому-то в Майами. Не оставлял же он его брошенным на побережье! — заметил я.

— За товаром каждый раз приезжал один и тот же человек на грузовике. Имени своего он не называл, квитанцию подписывал инициалами. Определенно это не Роман. Инициалов было достаточно. Чин знал его подпись, а Паульсена в это дело не посвящали. Паульсен работал на Чина, а не на кого-то в Майами. Если и существует дорожка, которая ведет к Роману, то отыскать ее сейчас невозможно. Чин дал приказ убить человека. Но Чин умер, не сказав ничего. Вы понимаете? Единственный свидетель исчез навсегда.

— А если бы, допустим, Роман находился под вашей юрисдикцией здесь, в Гаване, вы бы могли обвинить его в организации убийства? Могли бы возбудить против него судебное дело?

— Нет. На каком основании?

Я медленно поднялся, давая понять, что наш разговор закончен. По правде говоря, все остальное теперь мне было неинтересно.

— Жаль, — проговорил я с рассеянным видом. — Очень жаль.

Потом засунул руки в карманы и неожиданно посмотрел Акосте в лицо.

— Каково сейчас мое положение? Я нахожусь здесь как свидетель или же в другом качестве?

Я заметил, что сыщику понадобилось время, прежде чем ответить.

— В соответствии с законом, вы должны быть задержаны, — сказал он с запинкой. — Речь идет о процессе по обвинению в убийстве, и вам необходимо присутствовать на нем в качестве свидетеля. Потом Акоста прошелся рукой по лбу и добавил: — Но мы посмотрим на это сквозь пальцы и освободим вас, при условии, что во время суда будете находиться здесь.

— Я буду в Гаване к началу процесса, — заверил его.

Он продолжал смотреть на меня, пока я шел к двери, взялся за ручку.

— Куда сейчас направляетесь?

— Для разнообразия хочу нанести визит одному псу... по поводу одной дамы, — ответил я.

И вот я снова шагаю по дороге, ведущей к Эрмоза Драйв, как в тот день, когда нашел бумажник и приобрел место шофера. Только тогда шел в неизвестность, а сегодня я знаю, что меня ждет. Тогда шел навстречу любви, сейчас шагал к смерти. Тогда был день, сейчас ночь, и это как бы подчеркивало разницу целей.

Мне не нужно бежать, для меня не важно, сколько времени займет дорога. Хотел прибыть к месту как можно позже. Вот почему я не ускорял шаг и не просил подвезти меня на машине. Был уверен, что доберусь до цели, и ничто не могло меня остановить.

Я шел под звездами ровным шагом. Время от времени налетал морской бриз, пронизывал насквозь, и в ночи опять наступало затишье. Иногда рядом пролетал автомобиль, освещая меня фарами и, как хвост кометы, медленно исчезал вдали.

Я шагал и шагал, зная, что, когда доберусь, двое должны умереть. Считается, что в такой ситуации человек испытывает какие-то особые ощущения. Но это не так. Я ничего не ощущал. У меня не было больше сильной ненависти. Я стал бесчувственным. Возможно, не заслуживает похвалы готовность без жалости убить человека. Но безусловно, что подобная холодность облегчает выполнение задания, которое перед собой поставили. Вы как машина, которая, однажды запущенная, больше не останавливается.

Высоко в небе насмешливо перемигивались между собой звезды, как будто уже знали, что я задумал, и это их совершенно не волновало. Они уже столько раз наблюдали подобное, что моя история была для них стара как мир.

Точно не знаю, но, наверное, было около трех часов ночи, когда добрался до персональной улочки Эрмоза Драйв. Я свернул с автострады и направился к вилле. Решетчатые ворота заперты, но это препятствие не остановило меня — знал, где наиболее легко можно преодолеть ограду. Я прошел вдоль каменного забора, пока не заметил удобное место со стороны пляжа. Сейчас был отлив, и я спокойно дошел до стены посуху. Но даже если бы был прилив, я бы перебрался туда вплавь.

Те, кто живут во власти страха, хорошо усвоили одну вещь: можно держать на расстоянии человека, но нельзя отдалить смерть.

Я перелез через забор и зашагал по песку, приближаясь к вилле со стороны фасада, который выходил на океан. Дверь, у которой я обычно ждал в автомобиле, находилась с тыльной стороны, и ей пользовались только хозяева.

Теперь я был на территории виллы. Два человека уже мертвы, хотя они этого еще не знали.

Маленькие купальные кабинки, черные на белом фоне песка, казались будками для часовых. Послышалось низкое и глухое ворчание: кто-то вылез из кабинки и кинулся ко мне.

В доме имелась собака. Собака Джоба. Они думали, что животного достаточно для защиты, кроме решетки и стены. И в нормальных условиях действительно этого достаточно, потому что животное укусило бы любого, кто ночью незаконно находился за оградой.

Я резко остановился, чтобы посмотреть, как поведет себя собака. И она тоже в последний момент затормозила разбег, зарывшись передними лапами в песок прямо у моих ног. Собака никогда не забывает того, кто однажды стал ее другом. В этом большая разница между собакой и человеком.

— Привет, Вольф, — сказал я тихо. — Я вернулся.

И погладил пса по голове.

Однако теперь, чтобы выразить радость встречи со мной, Вольф продолжал стоять у моих ног, мешая пройти.

— Ну ладно, возвращайся в конуру, — посоветовал ему. — Это дело тебя не касается.

В доме свет не горел. Ключа от двери у меня не было, поэтому придется подумать, как проникнуть внутрь. Позвонить? Нет, Джоба нельзя вмешивать в эту затею. Я не имел на него обиды. Все время, пока служил здесь, я всегда ел в его компании, за одним столом.

Обойдя дом, подошел к месту, где находились окна Романа. Комната выходила на небольшую террасу, которая помогла мне, образуя выступ среди гладких стен. Воспользовался нижним окном, чтобы опереться ногами, и вскарабкался на террасу.

Наверху остановился и посмотрел вниз. Вольф забрался в конуру и с любопытством глядел на меня, склонив голову набок. Потом я увидел, что хозяин оставил окно распахнутым, поэтому можно войти в дом, не производя шума. Комната была безмолвной, погруженной в темноту. Но он находился здесь, я слышал его дыхание. Войдя в спальню, почувствовал даже запах алкоголя, который Роман влил в себя несколько часов назад.

Я осторожно двинулся к кровати. Видел хозяина в этой комнате единственный раз, когда вошел сюда в день моего прибытия. Добравшись до изголовья, сел на край кровати прямо рядом с ним. Матрас немного прогнулся под моим весом, но спящий, кажется, не почувствовал.

Я хотел, чтобы он меня увидел. Хотел, чтобы он знал о своей участи. Протянул руку к лампе на ночном столике и нажал выключатель. Свет упал на наши лица.

Я встал и повернул лампу так, чтобы свет бил ему в лицо. Потом сел и стал ждать, когда хозяин проснется. Но Роман спал крепко. Отсутствия Евы он не ощущал. Убийство жены не испортило ему сон. Он, должно быть, привык к убийствам, скотина!

Я не стал его будить. Решил дождаться, когда Роман проснется сам. Осмотрелся, затем поудобней устроился на краю кровати и посмотрел на него. Предыдущей ночью в Гаване я видел разных людей. Среди них были злобные, зловещие фигуры, а некоторые просто омерзительные — такие, как Куон и Паульсен, — но рожа Романа превзошла их всех. По крайней мере, в моих глазах. Потому что он убил женщину, которую я очень любил.

Наконец свет начал беспокоить спящего. Роман заворочался. Попробовал повернуться на другой бок. Я придержал его за плечи и оставил в прежнем положении, действуя при этом не грубо. Мне хотелось, чтобы он проснулся сам.

Наконец веки его дернулись. Роман моргнул несколько раз и, в конце концов, открыл глаза полностью. Сначала в этих глазах появилась недоверчивость. Должно быть, он подумал, что это плохой сон. А может, решил, что свет сыграл с ним оптическую шутку. Он снова закрыл глаза на мгновение, потом моргнул несколько раз, надеясь, что видение исчезнет. Но я не исчез, и Роман понял, что перед ним человек во плоти.

Я видел, как появившийся страх медленно меняет выражение его глаз. Они широко распахнулись, стали стеклянными.

— Привет, Роман, — сказал я. — Хорошо спится в такую ночь, а?

Хриплым от сна голосом он еле слышно выдавил:

— Джордан! Джордан!

Я положил ладонь ему на горло, но сжимать не стал.

— Не пытайся позвать его криком, — проговорил. — Потому что тут же замолкнешь навсегда. Не зови раньше времени смерть. До тех пор, пока ведешь себя тихо, будешь жить.

Воротник пижамы мешал, поэтому я второй рукой отодвинул его от шеи хозяина. Я обратил внимание, что ему нравится шелковая одежда в полоску. Сейчас пижама была в черную и золотистую полоску.

Роман сдерживал голос на низкой ноте. Хриплый шепот. А может быть, он не в состоянии был говорить громче?

— Скотти, Скотти.

Я наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

— Что такое? — спросил нарочито вежливо.

— Я дам тебе сто тысяч долларов. Получишь в банке, здесь, в городе. Чек на предъявителя. Позволь дойти до стола... выписать чек. Только до стола, Скотти... в другом конце комнаты. Или сам принеси сюда книжечку и ручку, выпишу его здесь. Я подниму руки вверх, к изголовью кровати. Не буду двигаться, пока ты не возьмешь что нужно.

Я молчал.

— Сто пятьдесят тысяч, Скотти. Все, что я имею на текущем счете.

— Желаю, чтобы ты вернул мне Еву.

Его пальцы дотронулись до меня.

— Двести тысяч... Двести тысяч... Достаточно? Нет? На текущем счете в Чикаго... Четверть миллиона долларов.

— Убери лапы! Ты наскучил. Я хочу Еву. Ты слышишь? Хочу Еву.

Роман в отчаянии вертел головой на подушке из стороны в сторону.

— Скотти, все, что я имею. В Нью-Йорке, в Филли. На моих текущих счетах... В сейфах. Все. Ты станешь властелином мира. Позволь мне только уйти отсюда. В чем есть. Оставь мне... жизнь.

— Еву. Я хочу ее. Пусть она еще поговорит со мной. Я хочу видеть ее живой, чтобы она двигалась, чтобы она снова улыбалась мне.

— Все, все... только оставь мне жизнь.

— Но я не хочу все. Мне ничего не надо. Мое желание более простое. Ведь это так утомительно — собирать четверть миллиона долларов. Всю жизнь. И потом вдруг все отдать за один раз... Нет, нет, это очень трудно. Я же хочу лишь Еву. Тебе нужно всего-то: вернуть ее мне. Должно быть, это несложно для такого типа, как ты, который хорошо знает, какую нитку потянуть в нужный момент!

— Я не могу, Скотти, — лепетал он.

Наш «задушевный» разговор подошел к заключительной точке. Я это понял, хотя ясного решения еще не было.

— Ты просишь у меня единственную вещь, которую не в состоянии сделать. Почему не возьмешь что-нибудь другое?

— Зачем же ты ломал вещь, если не можешь вернуть ее в первоначальное состояние?

И я с силой надавил ему на горло.

Не слышно было ничего, кроме шелеста простыней. Роман бился подомной, как будто ему неудобно в постели.

В эти несколько секунд ум мой был ясный. Я даже мог рассуждать. Помню, подумал: «Сколько нужно времени, чтобы человек умер? Нет, это никогда не кончится. Неужели он никогда не умрет? Умрешь же ты, наконец? Умри! Умри!»

С каждым «Умри!» я с новой энергией усиливал сжатие. Кровать скрипела, будто плакала.

Я видел тень от моей головы, спроецированную на стене. Она дрожала, опускалась, исчезала, потом вновь появлялась и тряслась. Из этой игры теней невозможно было определить, что я делаю. Можно сказать, что это голова человека, который занимается трудным, но безобидным делом: например, закрывает чемодан, доверху набитый вещами.

Потом вдруг тень поблекла, сдвинулась в сторону и спроецировалась на стене немного дальше, как если бы появился новый источник света, превосходящий предыдущий. На том месте появилась тень не головы, а всего человека. Тень отчетливая. Я замер, когда понял, чья она.

— Я иду, Эд... Сейчас я его прибью!

Вот и затрещал хвост гремучей змеи. Вот они, ядовитые зубы.

Я развернулся вместе со своей жертвой, прикрылся телом Романа, как щитом, и потащил его за собой к краю, пока оба не скатились на коврик у кровати. Выстрел прозвучал в тот момент, когда мы начали падать. Я едва услышал его в суматохе. Это был не более чем глухой звук.

В начале этого процесса он находился подо мной, в конце, наоборот, оказался сверху. Я продолжал сжимать руками его горло, не ослабляя хватку даже когда падал. Роман повалился на меня всем своим пузатым, коренастым телом, и мы оба затихли.

Боли я не чувствовал нигде, поэтому сделал вывод, что Джордан промахнулся. Но он-то не знал этого, а значит, обязательно подойдет посмотреть.

Теперь я был уверен, что Роман убит. Он больше не двигался. Его грудь лежала на моей, и я слышал, как стучит только мое сердце. Если бы он был жив, я бы слышал удары его сердца после такой борьбы. Все ясно, Роман мертв. Хорошо. Именно этого я и хотел.

Джордан приближался. Мы лежали на полу у окна, между нами и Джорданом находилась кровать. Он не мог нас видеть. Мы не шевелились. Роман — потому что был мертв, я — потому что, пошевелившись, встревожил бы Джордана. Я видел только его ноги, обутые в соломенные сандалии, которые он носил всегда. Ноги в сандалиях осторожно продвигались вперед.

Я отпустил горло Романа. Теперь уже давить бесполезно.

Схватил рукав полосатой пижамы и поднял его безвольную руку над кроватью. Рука держалась прямо, только кисть была согнута в запястье. Я отпустил ее, и она упала на одеяло. Таким образом хотел создать впечатление, будто Роман пытается подняться с пола и помогает себе рукой, стараясь опереться.

Трюк удался. Джордан сказал мертвецу:

— Как дела, Эд? Я достал его?

Я протянул руку Романа к проводу лампы, стоящей на ночном столике. И в тот момент, когда нога Джордана ступила на угол кровати, я согнул запястье и уронил руку на провод. Светильник упал, и лампочка с треском разбилась.

Полной темноты, однако, не получилось — Джордан оставил дверь открытой. Но в углу, где мы находились, было темно.

Джордан прошел вокруг кровати, остановился и посмотрел на нас. При скудном свете, должно быть, выделялись лишь полоски пижамы Романа.

Он не мог стрелять, потому что Роман лежал сверху. Джордан наклонился, чтобы посмотреть, кто же так крепко обнимает хозяина. Это была его ошибка.

Я схватил Джордана за лодыжку и резко дернул на себя. Пистолет снова выстрелил, но уже в воздух. Пламя выстрела осветило на мгновение комнату. Я заметил, что выстрел

направлен в потолок.

Оружие упало с глухим стуком раньше владельца. Падение Джордана оказалось более шумным.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы нащупать пистолет и толкнуть его под кровать. Не хотел им воспользоваться. Я был необычно возбужден. Хотел оплатить счет своими собственными руками.

Я отбросил в сторону Романа, словно это был матрас, и вскочил. Джордан находился уже на ногах. Мы бросились друг на друга. Началась борьба. Старая вольная борьба, с использованием кулаков и без правил.

Я думал, что без пистолета он мало что значит. Однако Джордан знал, что делать. Видно, парень не только владел пистолетом, но и боролся много раз. И это дело вовсе не казалось ему новым. Иногда я чувствовал, как отражается от головы в позвоночник сильный толчок, и понимал, что это меня бьет Джордан. Но я только содрогался и регистрировал удары, не ощущая боли, не слушая разума. Потому что все мое существо подчинялось одной лишь холодной решимости довести задуманное до конца. Может, это и спасло меня, не знаю. Как-то мой кулак, достигнув груди Джордана, выбросил его через распахнутую дверь на террасу. Я выбежал за ним, и борьба продолжилась.

Чувствовал, как устали мои руки. Но видел, что противник отступает, а значит, каждый мой удар попадал в цель.

Наконец Джордан был прижат к перилам террасы. Я заметил, как он изогнулся назад для увеличения силы удара, после которого, очевидно, собирался вновь броситься на меня. Но эта неправильная позиция исходной точки помешала ему выбрать нужное направление. Наноса удар, он напоролся на мой бешеный кулак.

Я чуть не вывихнул плечо, но лицо Джордана вдруг исчезло из моего поля зрения. Это был последний раз, когда я его видел. В моей памяти остались лишь очертания быстро уменьшающегося лица, распухшего и в синяках от полученных ударов. Но в конце концов, разве важно, как побито его лицо? Он исчез в ночи.

То, что Джордана не стало, я ощутил сразу: мне не с кем было драться. Он свалился за перила. На террасе остались только его соломенные сандалии.

Я выглянул и увидел человека внизу. Падения оказалось недостаточно, чтобы его убить. И кроме того, он упал на клумбу. Я увидел также собаку, которая рычала, высунувшись из конуры.

Не знаю, был ли виной запах крови, исходящий от Джордана, или же собака учуяла дикую неистовость нашей борьбы, но она была возбуждена.

— Фас, Вольф! — крикнул я.

Даже не думал, что животное меня послушает. Ведь это была собака Джоба, а не моя.

Вольф же, напротив, казалось, ждал именно этой команды. Пригнув голову и подняв уши, он молнией бросился на упавшего и схватил его за горло.

Я развернулся и снова вошел в комнату. Шатаясь, прошел к кровати. Теперь исступление, в котором находился, начало исчезать. Я почувствовал страшную усталость.

Перевернул ногой тело Романа. У меня не было желания наклоняться. На мгновение вдруг показалось, что у него открылся глаз, будто подмигивает мне.

При скудном свете я заметил, что у него рядом с ухом виднелась маленькая влажная ранка от пули. Оказывается, не я был тем человеком, который прикончил Романа. Его застрелил собственный телохранитель.

Я не хотел уходить тем путем, которым вошел. Слишком устал! Медленно вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Прошел через холл к лестнице.

Внизу горел свет. В вестибюле на первом этаже стоял Джоб и, подняв голову, смотрел на меня. Он не шевелился, и создавалось впечатление, что находится в этом статическом положении уже несколько минут. Я посмотрел на него сверху.

— Ну, действуйте. Чего ждете? — сказал.

Слуга продолжал смотреть на меня, не открывая рта. Я спустился по лестнице и подошел к нему.

Джоб резко повернул голову к входной двери.

— Сейчас, я открою вам дверь, — проговорил он. — Идите, пожалуйста. Потом мне надо будет подняться наверх, обнаружить их и позвонить.

Я прошел рядом, почти коснувшись его. Посмотрел в глаза.

— Не забудьте описать мою внешность, — угрюмо произнес я.

— Но мне некого описывать. Я никого не видел, — ответил Джоб. — Эти двое ссорились часто. Всегда думал, что этим кончится. И сегодня между ними произошла ссора, когда они пришли в дом.

Я открыл дверь. Джоб продолжал:

— Она была очень приветливой госпожой. Слышал сегодня, как они говорили об этом деле. Так что я все знаю.

— Вы не услышите больше разговоров об этом, — заверил я слугу.

Джоб закрыл дверь.

Я свернул за угол и направился к пляжу. Собака, увидев меня, оставила тело Джордана и бросилась ко мне. Морда ее была влажной и испачканной кровью.

— Эту работу должен был проделать я, а не ты, — обратился к псу.

Я прошел дальше и увидел наиболее удобный для преодоления участок стены. Той стены, которой оказалось недостаточно, чтобы уберечь от смерти хозяина виллы. Я любовно похлопал собаку по спине и перемахнул через ограду.

Вольф продолжал сопровождать меня по другую сторону стены. Еще долго было слышно, как он скулит.

При первых утренних лучах солнца Эль-Морро^[17] казался приземистой массой розового известняка.

Катер с такой медлительностью проходил мимо крепости, что создавалось впечатление, будто стоим на месте. Наконец сооружение осталось позади, и мы вошли в порт. Я снова был в Гаване. После прошедшей ночи у меня было ощущение, что ничего не случилось.

Я покинул катер и прошел к таможне. За последние три дня это было второй раз. Таможенники остановили меня для досмотра.

— Всего лишь небольшая поездка по срочным делам, — объяснил им.

Таможенники разрешили пройти.

Солнце поднялось над горизонтом и только начало окрашивать крыши в розовый цвет. День не набрал еще полной силы, не развернулся пока в своей ослепительной красе. На улицах — свежо и прохладно.

Я уже более-менее ориентировался в этом городе. Знал, куда идти, а это всегда хорошо. Я направлялся в центральное полицейское управление, к Акосте. Шел медленно и безмятежно. Было еще рано, и мне хотелось дать сыщику время прибыть на рабочее место.

И вот я вошел в здание. Акоста сидел за письменным столом и переключивал бумаги. Наверное, только что пришел.

Акоста поднял глаза и увидел меня у двери.

— Как, вы уже здесь? В такой ранний час? — воскликнул он.

Я закрыл за собой дверь.

— Недавно я убил двух человек в Майами, — признался.

Его руки замерли над бумагами. Полицейский посмотрел на меня долгим взглядом.

— А почему пришли именно сюда? Почему не обратились в полицию там? Во Флориде?

— Не знаю, — ответил я. — Думаю, находясь здесь, буду... ближе к Еве, вот. А может быть, когда речь идет о таких делах, человек предпочитает обращаться к тому, кто его уже знает. К тому, кто уже говорил, что он для него больше не чужеземец.

Я улыбнулся.

Акоста отвел от меня взгляд и снова начал переключивать бумаги. Как будто уже закрыл одно дело и теперь готов перейти к другому. Некоторое время я молчал, ожидая, но не выдержал:

— Ну что вы намерены предпринять?

— По поводу чего?

— По поводу того, что я сказал.

Акоста нахмурил лоб.

— Я не очень хорошо знаю английский, — отпарировал сыщик, — часто не совсем понимаю слова и фразы, произнесенные быстро.

— Я могу повторить более отчетливо. Недавно в Майами я убил двух человек: Эда Романа и Бруно Джордана. Я сказал достаточно ясно?

Акоста покачал головой:

— Мой английский никуда не годится. Если бы я получил телеграмму от полиции Майами, в которой просили бы задержать человека по имени Скотт, виновного в убийстве,

совершенном там, тогда другое дело. Тогда бы пустился в поиски некого Скотта и, найдя его, задержал, потому что должен был это сделать. Но до тех пор, пока не получил такого сообщения, не откажите мне в любезности прекратить бормотать по-английски фразы, которые я не совсем понимаю.

— Полагаю, вы никогда не получите подобного сообщения, — заверил я. — Это вряд ли возможно!

— А тогда откуда могу знать об этом деле, если мне о нем не сообщили официально? — возразил Акоста. — Я не прорицатель и не читаю мысли других людей, черт возьми! Видите, вы здесь уже минут десять, а я так и не знаю, чего хотите, черт побери! Нет, зато я знаю, что делать! *Vuenos días, señor.* ^[18] Дверь там, позади вас.

Я понял, куда Акоста ведет. И должен был его поблагодарить. Правда, я не был уверен, что сыщик заслуживает благодарности. Что он сделал для меня? По его милости я провел долгую ночь, полную моральных мучений, а он, в качестве извинения, проявил обо мне заботу. Нет, я действительно не был уверен, что Акоста заслуживает благодарности.

Я повернулся и, направляясь к выходу, сказал:

— Я задержусь в городе.

— Знаю, — услышал я его бормотание. — Налегайте на ром, и время пройдет быстро.

В этот момент вошел полицейский. Он был возбужден и прижимал носовой платок к тыльной стороне ладони. Возникло подозрение, что его кто-то укусил или поцарапал.

Акоста поднял руки и схватился за голову. Потом неожиданно повернулся ко мне:

— Сколько у вас денег с собой?

Я сказал.

Цифра, кажется, устроила его.

— Вам не жалко оставить их здесь, как залог для временного освобождения этой... этой женщины? Мы хотим освободить ее...

Я не сразу понял.

— Эта девушка, эта женщина! — разъяснил Акоста. — Со вчерашнего дня устроила здесь ад. И это продолжалось всю ночь. Если ваших денег окажется недостаточно, остальное выложу я, из собственного кармана. Сколько угодно, только бы освободить ее!

Я положил на стол деньги.

— Но почему вы задержали ее? — спросил. — Как свидетеля? Но она не...

— Какой там свидетель! Она стащила у одного из моих агентов часы, когда тот вел ее сюда. И мы вынуждены были арестовать ее по обвинению в краже. С этого момента нет нам покоя! Она похожа на один из тех ураганов, которые время от времени приходят с моря. Но те, по крайней мере, в определенное время уходят!

Мне с трудом удалось сохранить серьезный вид.

— Она оступилась, — сказал, извиняясь за нее. А про себя подумал: «По всей видимости, женщина решила как-то поправить свои дела».

Штраф, или залог, или как он там назывался, был оплачен, и несколько минут спустя я услышал шум в коридоре. Создавалось впечатление, что тащат громадного зверя.

Дверь распахнулась, и вошли два здоровенных стража, держа кубинку за руки. И, наверное, третий здесь был не лишний. Да, задала она им трепку.

— Оставьте ее, оставьте, пусть идет! — нервно проговорил Акоста. — Если она еще кого-нибудь укусит, вынужден буду поместить фурию в изолятор. — И добавил с осторожностью: — Откройте входные двери.

Полицейские резко отпустили ее и, очень довольные, отошли назад, освобождая женщине проход.

Но Полночь не спешила воспользоваться открытой дверью. Сначала она осмотрела одежду и пригладила места, примятые пальцами агентов. Сделала символический жест, стряхивая с себя нечто невидимое. Очевидно, тем самым она хотела сказать, что боится заразиться от подобных контактов. Затем поправила на груди блузку.

Наконец, вместо того чтобы уйти, Полночь направилась к Акосте. Шла медленно, но, видно, настроена была решительно и воинственно. Она шла, как той ночью в комнате, когда увидел ее в первый раз. В такой момент с ней лучше не шутить!

Акоста оставался на своем месте за столом. Здесь еще находились его подчиненные, и ему негоже было отступить. Однако на лице сыщика читалось, что он не прочь сделать несколько шагов назад.

Полночь остановилась у стола и уставилась на Акосту. Казалось, она хочет испепелить его взглядом.

Все в комнате присмирели и притихли.

Я кашлянул, давая понять, что постараюсь вывести ее отсюда. Женщина даже не посмотрела на меня.

— Привет, Полночь! — сказал я, чтобы успокоить ее.

Но это не помогло. Она продолжала держать Акосту под своим взглядом.

— Поговорим на улице, — ответила женщина, не глядя на меня. — Здесь обстановка неподходящая.

Она так сильно фыркнула, что бумага перед Акостой взлетела в воздух.

После этого Полночь развернулась и пошла к выходу. Она по-прежнему шагала медленно, но решительно, с угрожающим видом. Двое стражей предусмотрительно отошли в сторону.

Полночь задержалась на пороге, обернулась и снова посмотрела на Акосту, во второй раз стараясь испепелить его предостерегающим взглядом. Потом подняла колено, извлекла из-под юбки огрызок сигары и сунула в рот. Продолжая демонстрировать свое отношение к полицейским, протянула правую руку к верхней части двери и провела большую поперечную черту по дереву. Черта кончилась тем, что зажглась огромная спичка.

Секунду спустя эта спичка, дымясь, летела через дверь по направлению к Акосте.

Полночь вышла. В воздухе осталось немного дыма от сигары.

Я взглянул на Акосту. Тот украдкой провел носовым платком по потному лбу. Потом взял пресс-папье и осторожно положил его на документы, которые чуть раньше взвились в воздух от фыркания Полночи.

— Закройте дверь, — приказал он полицейским. — Я не хочу ее больше видеть.

Через минуту я догнал женщину на улице. Она шла не спеша, уверенная в себе, и люди уступали ей дорогу. Я окликнул ее.

— Ну вот, все кончилось, Полночь, — произнес я, шагая сбоку.

— Все кончилось, [guaro](#), ^[19] — повторила женщина.

Оказалось, что говорить нам больше не о чем, мы замолчали.

— Я бы пригласил вас выпить чего-нибудь, — начал я, — но...

— Я знаю. «Она» уже там — та, которая ждет вас. В могиле.

Ударом руки Полночь стряхнула пыль с моего рукава. Таким образом, мы попрощались друг с другом. Как корабли, которые расходятся бортами в ночи. Будто тропинки, которые

пересеклись во мраке.

Я на мгновение задержал на женщине взгляд, затем повернулся. Полночь продолжала свое шествие по улице, я же вошел в «Слоппи».

Остановился у табурета, где мы сидели вместе. В уме всплыли Евины последние слова: «О, Скотти... дай мне знать, как получилось наше фото.»

— Оно получилось хорошо, любимая, — вполголоса проговорил я.

Поднял бокал и выпил за нее. Затем разбил бокал о табурет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Улица в Гаване. Действие происходит в 50-х годах XX века.

Сколько мы здесь торчать будем? (исп.).

Пока не схватим его (*исп.*).

Угостите, морячок? — *исп. (немного искаженный)*.

По стаканчику.

Неудача (*исп.*).

Черт возьми. — *исп. (искаженный)*.

Плохие (*исп.*).

Человек (*исп.*).

Ясно (исп.).

Конечно, разумеется (*исп.*).

Водка (*исп.*).

Поднимайтесь (*исп.*).

Добрый вечер (*исп.*).

Он проснулся, инспектор *(исп.)*.

Наконец (вот и конец) *(исп.)*.

Колониальная крепость, которая защищает вход в бухту Гаваны.

Всего хорошего, сеньор *(исп.)*.

Милый, голубчик (*исп.*).